

Российская ассоциация
международных исследований (РАМИ)

Материалы
VIII Конвента РАМИ

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ

**Политический дискурс как объект
лингвистического анализа**

25–26 апреля 2014 г.

МГИМО-Университет

**Издательство
«МГИМО-Университет»**

**Москва
2015**

УДК 327
ББК 66.4
П50

П50 **Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа** (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.): Научное издание / Под ред. Д. А. Крячкова, Д. Н. Новикова. — Издательство «МГИМО-Университет», 2015. — 328 с.

В настоящий сборник вошли статьи по материалам докладов, представленных на лингвистической секции «Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа» (25–26.04.2014 г.), впервые включенной в программу Конвентов РАМИ. В статьях освещается широкий круг вопросов, связанных с лексико-грамматическими и стилистическими особенностями современного политического дискурса, и проблемы лингвопрагматики, когнитивной семантики, лингвокультурологии и аксиологического анализа политического дискурса.

Сборник рассчитан на специалистов в области политической коммуникативистики, а также на широкий круг лиц, интересующихся теоретическими и прикладными аспектами лингвистических исследований.

УДК 327
ББК 66.4

РАМИ не несет ответственность за содержание статей. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ. Со всеми материалами VIII Конвента можно ознакомиться на сайте Ассоциации www.risa.ru.

© МГИМО МИД России, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Е. Абрамова, А. В. Ананьина. Проблема обучения устному и письменному общению в рамках политического дискурса</i>	6
<i>А. Н. Алексахин. Преемственность и инновации в современном политическом дискурсе КНР</i>	17
<i>Т. В. Алиева. «Чужой» как оценочная категория политического дискурса (на материале аналитических статей британской прессы)</i>	28
<i>А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова. Изотопия парламентского дискурса (на материалах сайтов французской Национальной ассамблеи)</i>	35
<i>О. И. Асташова. Речевой портрет современного политика: динамический подход</i>	45
<i>А. В. Варзин. Абстрактное слово: семантика и функционирование в идеологическом контексте</i>	56
<i>С. Г. Воркачев. Лексика и политика: лукавство, народ, элита</i>	62
<i>Е. Л. Гладкова. Новые термины в общественно-политической лексике современного персидского языка</i>	72
<i>Ю. В. Данюшина. Мемы и фреймы украинского кризиса: социодискурсивный анализ</i>	83
<i>М. Р. Желтухина. Прагматика политических медиастрахов государства</i>	90
<i>О. Р. Жерновая. Лингвокультурные стереотипы нации: их характеристики, особенности и влияние на формирование политического имиджа страны</i>	102
<i>А. И. Зверев. «Театральность» политического дискурса</i>	114

<i>И. А. Зюбина.</i> Фрагмент прагмалингвистического анализа речевого поведения парламентариев Великобритании	125
<i>С. В. Иванова.</i> Ценностное пространство политического дискурса сквозь призму лингвокультурного кода	132
<i>Н. И. Клушина.</i> Идеологема в современной медиакommunikации	141
<i>И. Б. Короткина.</i> Учебный комплекс «English for Public Policy»: преодоление терминологических проблем через методологию ESAP	147
<i>В. М. Костева.</i> «Тоталитарная» лингвистика как объект политического и агрессивного дискурсов	154
<i>Е. М. Крижановская.</i> Коммуникативно-прагматическая специфика текстов наказов избирателей кандидату на должность Президента РФ (по материалам официального интернет-сайта В. В. Путина)	164
<i>Е. М. Литвинова.</i> Прагматическая пресуппозиция как составляющая коммуникативно-лингвистического анализа политического дискурса	172
<i>С. А. Маник.</i> Идеология и пропаганда в современном русско- и англоязычном медиадискурсе	178
<i>Г. Г. Матвеева.</i> Синтаксическая организация воздействующего политического текста	190
<i>Е. А. Медведева.</i> Некоторые аспекты использования концептуальной метафоры в качестве технологии спичрайтинга в первичном политическом дискурсе	195
<i>Н. Е. Медведева.</i> Семиотический характер эвфемизмов в политическом дискурсе	205
<i>Е. С. Орлова.</i> Предикативные формы интерпретации личностного смысла в публицистическом дискурсе (на материале английского языка как иностранного)	216
<i>П. Б. Паршин.</i> Категория «мягкой силы» в политическом дискурсе: когнитивно-семантические и культурно-идеологические предпосылки разногласий	226

<i>Ю. И. Плахотная.</i> Когнитивно-прагматические аспекты политического предвыборного дискурса	236
<i>Е. С. Пронина.</i> Образ женщины-политика в современной англоязычной прессе: оценочный и ценностный аспекты	248
<i>И. И. Просвиркина.</i> Толерантность как компонент политического дискурса	258
<i>М. А. Степанова.</i> Россия — Украина: новоидеологемы	265
<i>А. А. Столяров.</i> Twitter-коммуникация и ее роль в организации новых форм политического протеста	273
<i>Н. Н. Цыцаркина.</i> Вербализация фреймов социальных отношений в англоязычном политическом медиадискурсе	278
<i>Н. А. Чес.</i> Концептуально-метафорические основания политического дискурса: функциональный аспект	288
<i>М. А. Чигашева.</i> Роль заимствований в немецком публицистическом тексте	299
<i>С. В. Чиронов.</i> Речь японского политика: константы жанра и индивидуальный стиль	309
Об авторах	320

И. Е. Абрамова, А. В. Ананьина

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ И ПИСЬМЕННОМУ ОБЩЕНИЮ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается опыт обучения студентов юридического факультета и факультета политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) устному и письменному англоязычному общению в рамках политического дискурса, который в данном контексте авторы понимают как коммуникативно-информационное взаимодействие по поводу политических идей, оценок и мнений, отражающее менталитет участников взаимодействия и осуществляемое для достижения политических целей. Было сделано предположение о том, что недостаточное понимание студентами сущности, основных функций и характеристик политического дискурса, а также интерферирующее влияние русского языка затрудняют межкультурную коммуникацию в этой сфере.

Анализ устной речи англоязычных политиков как особого типа дискурса показывает, что она строится по законам риторики и ориентирована на убеждение и воздействие на аудиторию, аргументацию и пропаганду, что во многом достигается благодаря использованию определенных фонетических средств как сегментного, так и супraseгментного уровней. Незнание или некорректное применение этих средств билингвами — одна из распространенных причин коммуникативных неудач в устной речи, непонимания со стороны иноязычных собеседников и невозможности достижения поставленных коммуникативных целей. В первой части статьи представлен обзор трудностей, возникающих при обучении русских студентов-билингвов устной речи в рамках дисциплины по технике устной речи и эффективных публичных выступлений, преподаваемой на кафедре иностранных языков ПетрГУ. Во второй части рассматриваются основные коммуникативно-прагматические ошибки, которые студенты допускают при создании письменного политического текста. Анализ этих ошибок демонстрирует, что в письменном профессионально ориентированном общении студенты чаще прибегают к коммуникативным тактикам, вызывающим у читателя отрицательные эмоции: утрирование, отвлечение внимания от основной проблемы, оспаривание, критика, обвинение (и даже оскорбление), а также различные демагогические приемы. Такие «положитель-

но окрашенные» тактики, как акцентирование позитивных моментов, поиск путей решения проблем, обоснованная оценка и отождествление себя с аудиторией, используются неэффективно или не используются вовсе.

Ключевые слова: англоязычный политический дискурс, речь политиков, коммуникативно-информационное взаимодействие, коммуникативно-прагматические ошибки, коммуникативные тактики.

Величайший оратор Греции Демосфен не без оснований считал, что самое важное в искусстве речи — это, во-первых, произнесение, во-вторых, произнесение и, в-третьих, произнесение. Чтобы научить студентов искусству политической речи на иностранном языке, необходимо особое внимание уделить максимальному снижению степени фонетического акцента, который считается самым заметным из всех видов акцента (лексического, грамматического, стилистического и др.).

Экспериментальное исследование, проведенное на нашей кафедре с участием носителей британского варианта английского языка, показало, что акцентная речь билингвов, изучивших английский язык в аудиторных условиях, социально дифференцируется носителями английского языка [Абрамова, 2012]. В ходе социофонетического эксперимента было выявлено, что социальное восприятие носителями английского языка предполагаемого статуса русских билингвов (по роду деятельности) в зависимости от степени проявления иностранного (русского) акцента осуществляется по стереотипным ассоциациям, характерным для восприятия территориальных и социальных типов произношения в родном языке. Английские аудиторы предположили, что: а) чем меньше степень иностранного акцента, тем более сложный вид профессиональной деятельности предположительно может осуществлять диктор в иноязычной среде; б) низкая степень иностранного акцента ассоциируется у носителей языка с высоким уровнем образования и интеллекта, а также с профессиями политика, переводчика, актера, ученого, преподавателя, руководителя; в) акцент средней степени вызывает ассоциации у англичан таких профессий, как менеджер, администратор, инженер, социальный работник; г) билингвы с акцентом сильной степени могли бы работать продавцами, кассирами, рабочими, санитарями, почтальонами.

Более того, до 70% случаев непонимания при устном общении на иностранном языке вызвано именно ошибками в произношении и интонации [Jenkins, 2000: 258]. Простые примеры доказывают данное ут-

верждение. Смысл английских фраз «She **is living** with Foreign Affairs Minister» Caferoma's Managing Director» и «She **is leaving** with Foreign Affairs Minister» Caferoma's Managing Director» зависит от правильного понимания выделенных слов. На письме разница в словах легко видна. При правильном произношении она также весьма ощутима; звуки /ɪ/ и /i:/ существенно разнятся как в артикуляции, так и в акустическом впечатлении и являются смыслоразличительными для носителей языка. Когда же русскоязычный билингв, мало знакомый с английской фонетикой, говорит эти две фразы, они часто звучат абсолютно одинаково, так как вместо английских гласных /ɪ/ и /i:/ произносится похожий русский звук /и/. Таким образом, искаженное произношение даже отдельных звуков может привести к нарушениям в коммуникации.

К непониманию приводят ошибки русских билингвов при произнесении английских гласных и согласных, несоблюдение правила позиционной долготы гласных, что вызвано интерферирующим влиянием русского языка, и ряд других произносительных ошибок. Приведем несколько примеров.

1. Неразличение **вокалических контрастов**:

/i:/-/ɪ/ (It was a terrible scene .)	It was a terrible sin);
/ɜ:/-/ɑ:/ (The worst lasted three years.)	The wars lasted three years);
/ʌ/-/ɔ/ (The bus is coming soon.)	The boss is coming soon).

2. Ошибки при произнесении английских согласных (отсутствие аспирации затрудняет возможность для различения на слух глухих и слабовзвонких /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/):

Eugene thinks it's cold .	Eugene thinks it's gold .
We need to go pack .	We need to go back .
Rudolf is in town now.	Rudolf is down now.

3. Нарушение правила позиционной долготы:

Mary always hit Bill.	Mary always hid Bill.
She knows they're rich .	She knows their ridge .
They need peace .	They need peas .

4. Ошибки в месте словесного ударения:

- **глаголы — существительные:** accent, compress, conflict, contest, decrease, discourse, essay, export, impact, impress, invite, farewell, perfect, perfume;
- **существительные — прилагательные:** adult n, adj., agglomerate n, adj., aggregate n, adj., compound n, adj., go-ahead n, adj., inverse n, adj.;
- **простое сочетание слов (non-compound) — сложносоставное существительного (compound):** a 'hot dog — a 'hot 'dog, a 'blue-bottle — a 'blue 'bottle, an 'English teacher — an 'English 'teacher, the 'White House — the 'white 'house, a 'greenhouse — a 'green 'house, a 'red-coat — a 'red 'coat.

Особую роль в формировании выразительности публичной речи в рамках политического дискурса и реализации прямого воздействия на аудиторию играет яркое просодическое оформление речи политического деятеля, которое проявляется в увеличении и варьировании основных просодических параметров [Васик, 2013]. Следует признать, что интонационный акцент может вызывать не меньшие затруднения в общении. Некоторые из ошибок, вызванные интонационным акцентом, представлены ниже.

1. Ошибки во фразовом ударении.

- A. There were 'birch trees in the 'green of the 'swamp.
- B. 'There 'were 'birch 'trees 'in 'the 'green 'of 'the 'swamp.
- C. There-were-birch-trees-in-the-green-of-the-swamp.

2. Ошибки при реализации слов внутри синтагмы (игнорирование необходимости произносить сочетания слов внутри синтагмы слитно, а не раздельно, что характерно для русского языка):

an ice cream = a nice cream, love her =lover, can serve = conserve, made him a steak = made a mistake.

3. Неверная реализация интонационных контуров.

Повествовательные предложения в английском языке могут быть оформлены с помощью **высокого ровного тона** в сочетании с **низким**

нисходящим тоном либо с **высоким нисходящим тоном**. Оба контура используются для выражения простой констатации факта (I'll be ↘ seeing you. Please fasten your ↘ seatbelts. I wonder if I could ↘ help you.). Но высокий нисходящий тон усиливает значение, являясь эмфатическим вариантом нисходящего тона, что указывает на личную заинтересованность говорящего в предмете разговора и в собеседнике. Низкий нисходящий тон преобладает в монологической речи, высокий нисходящий тон употребителен в диалоге.

Другой способ интонационного оформления повествовательного предложения — с помощью низкого ровного тона в сочетании с низким нисходящим тоном либо с высоким нисходящим тоном. Как правило, данные контуры выражают отрицательное отношение к собеседнику (I did what I ↘ could. Mind your own ↘ business. If I were you, I'd write to the King ↘ himself.). Первый контур может использоваться для передачи безразличия или даже недовольства собеседником, второй может указывать на активный протест со стороны говорящего или даже на его возмущение речью собеседника. Из-за интерферирующего влияния русского языка билингвы, как правило, используют именно этот вариант интонационного оформления повествовательного предложения, что вызывает нежелательный коммуникативный эффект.

В целом при обучении студентов устной речи на английском языке в рамках политического дискурса следует особо помнить слова С. И. Бернштейна о том, что неодобрительное отношение к иностранному акценту отчасти объясняется как неосознанная форма протеста слушателя против принуждения к непродуктивной затрате умственной энергии [Бернштейн, 1975].

При обучении студентов специальностей «Международные отношения» и «Политология» письменной речи в рамках политического дискурса (т.е. неинституциональному дискурсу реагирования по определению С. Н. Плотниковой [Плотникова, 2005]) также возникает ряд серьезных проблем, обладающих своей спецификой, обусловленной фундаментальными различиями между устной и письменной формами дискурса. Несмотря на то что письменный дискурс является производным от устного, разница в каналах передачи информации (акустическом и визуальном) при использовании того или иного дискурсивного модуля приводит к возникновению принципиальных различий между

ними. Основное из этих различий заключается в том, что в письменном дискурсе, в отличие от устного, отсутствует контакт между говорящим и адресатом во времени и в пространстве — напротив, происходит отстранение автора текста от его реципиента и от описываемой в дискурсе информации. Если устный дискурс в большой степени зависит от конкретной коммуникативной ситуации, то письменный должен учитывать возможные пути развития текущей ситуации и предугадывать ее последствия. Навык предикции необходим автору письменного дискурса не только для предвосхищения будущих событий или действий, но и для создания своего рода идеального адресата, который отличается от конкретного реципиента устного дискурса тем, что «принимает все пресуппозиции каждой фразы... при этом дискурс... приобретает форму псевдиалога» [Seriot, 1985]. Автор такого псевдиалога не имеет возможности использовать невербальные средства коммуникации, в связи с чем вынужден уделять особое внимание выбору лексических единиц и применять развернутые грамматические языковые средства.

Анализ письменных работ студентов показывает, что большинство из них интуитивно осознают два важных момента: а) политический дискурс должен быть маркирован с помощью особых лексических единиц; б) между устным и письменным текстом существуют принципиальные различия. В связи с этим студенты в меру своих способностей и возможностей пытаются создавать развернутые сложные предложения за счет слияния нескольких предикативных линий (что и должно происходить при порождении письменного дискурса) и насыщать их тем, что они воспринимают как лексические маркеры политического дискурса. Однако на практике такое стремление написать «много и сложно» приводит к намеренному «растягиванию» предложений, в результате чего соотношение смысловых компонентов текста (как центральных, так и периферийных) и фраз, связывающих эти компоненты между собой, может достигать 1:1, и смысл начинает размываться вплоть до того, что некоторые предложения вообще перестают звучать осмысленно. Для большей наглядности приведем несколько примеров:

1. Лексическая и грамматическая избыточность:

- а) Globalization **still remains** being a controversial issue; б) pollution becomes a **very crucial** problem; в) **governments and countires** face...; г) **buy**

and consume goods...; д) globalization **is possible to solve**...; е) **more and more** countries **are now becoming** part of the **whole world**...; ж) in addition, globalization is a great helper for culture development; з) we can **be speaking** about integration...; и) scientists **are emphasizing**.

Потеря смысла высказывания из-за нарушения соотношения формальных связующих и смысловых единиц:

а) The first positive line of globalization that should be pointed out is an international collaboration that finds its impression in settling global problems with using almost all possibilities of countries; б) Doubtlessly, but for the agreements on water using, garbage throwing and strengthening of ozon layer, what would the world have had by now? в) For the moment, we are witnessing the situation when the vast majority of states are opening to a new policy of moving to the whole worlds's union; г) Naturally, a lot of questions arise and among them we find one vital problem is globalization really the only perfect way? д) Unification is the key element of cultural connotations.

Следует учитывать, что при создании политического англоязычного текста студенты сталкиваются с проблемой языковой интерференции на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. Результатом этого становится порождение письменных высказываний с низким уровнем идиоматичности или полная потеря смысла:

а) more and more countries are now becoming part of the whole world, rather **than a piece of a region**; б) the inventions of the science technical revolution **in the wrong way of utilization** can ruin the world...; в) communication between countries is a key way **to install the maintenance**; г) the best solution is to reduce negative aspects (of globalisation), so a person from any part of the world can be **sure in the right to have his own way of living**; д) we have a point of view that says...; е) the attack of nuclear weapons...; ж) **united culture** can solve a lot of conflicts, both military and **mental ones**; з) globalization influences **turnover and economics**...; и) it is possible to find solution to political conflicts after **the union of states to a global society**; к) people get access to **various production**...; л) total **destoryment** of cultures...; м) find **the only religious way** which would be perfect for every state...; н) globalization **can have possible influence in positive way** on economy.

Еще одна серьезная проблема заключается в том, что студенты, соблюдая формальную структуру письменного политического дискурса (членение текста на абзацы, использование средств формальной и логической когезии и т.д.), совершенно не осознают его интенциональную структуру, которую исследователи определяют как «конфликтный треугольник». Как пишет М. В. Гаврилова, *«данным термином отмечается особенность семантического состояния автора текста, когда в его сознании или подсознании доминируют три вида объектов, которые присутствуют в тексте. Это оппоненты, противники, враги (категория «они»), автор и его сторонники (категория «мы»), а также третья сторона — аудитория, к которой обращен текст»* [Гаврилова, 2008]. Важно помнить, что в тексте каждый субъект этого треугольника связан с определенными интенциями. Противнику обычно даются отрицательные оценки, в его адрес звучат угрозы, обвинения, разоблачения, выдвигаются контраргументы и т.д. Категория «мы» связана с одобрением своих действий, подчеркиванием и даже преувеличением своих положительных качеств, а также отрицанием любых обвинений. Наконец, в адрес аудитории обычно звучат призывы к действию [Ушакова, 2000]. Анализ письменных работ студентов показывает, что в письменном профессионально ориентированном общении они чаще прибегают к коммуникативным тактикам, вызывающим у читателя отрицательные эмоции: утрирование, отвлечение внимания от основной проблемы, оспаривание, критика, обвинение (и даже оскорбление), а также различные демагогические приемы. В то же время такие «положительно окрашенные» тактики, как акцентирование положительных моментов, поиск путей решения проблем, обоснованная оценка и отождествление себя с аудиторией, используются неэффективно или не используются вовсе.

Наконец, необходимо отдельно отметить такую важную проблему, как чрезмерно высокий уровень безапелляционности письменных высказываний студентов, неприкрытая манипуляция фактами и практически полное отсутствие толерантности — важной характеристики языковой личности автора политического текста, хотя и проявляющейся далеко не во всех случаях. Несмотря на то что для политического дискурса (в отличие, например, от юридического) предметный план содержания не является определяющим и этому виду дискурса,

несомненно, присущи оценочность, критичность, нередко и открытая агрессивность, не стоит путать умение воздействовать на аудиторию через подтекст, пропагандистскую риторику и лозунговость с неоправданной безапелляционностью, прямолинейностью и открытой грубостью.

Анализ ряда исследований, посвященных особенностям политического дискурса, позволяет выделить несколько общих точек зрения на политический дискурс, которые можно использовать в качестве дидактических опорных принципов. Это, *во-первых*, понимание, что основная функция политического дискурса — функция убеждения, аргументации и пропаганды, т.е. формирования у собеседника точки зрения, необходимой автору высказывания. *Во-вторых*, это осознание антинормативного (полемиического) характера политического дискурса, который проявляется в том, что политической коммуникации одновременно свойственны такие противоположные черты, как церемониальность и информативность, обобщение и личностный характер, интертекстуальность и автономность, агрессивность и толерантность. Наконец, *в-третьих*, при обучении общению в рамках политического дискурса важно помнить о таких его характеристиках, как ритуальность, сценарность, ролевая структура и темпоральность [Гайкова, 2003]. На практике это означает, что студенты должны изучить специфику политического дискурса и его интенциональной структуры; проанализировать и опробовать на практике коммуникативные стратегии и тактики, вызывающие у читателя как отрицательные, так и положительные эмоции; и освоить основные средства имплицитного коммуникативного воздействия. Достижение этих задач вряд ли возможно без обучения студентов основам дискурс-анализа и интенмент-анализа.

Таким образом, контрастивный анализ русскоязычного и англоязычного политического дискурса и прогнозирование возможных коммуникативных ошибок позволит сделать профессионально ориентированное обучение студентов специальностей «Политология» и «Международные отношения» более эффективным.

Литература

Абрамова И. Е. Идентификация личности билингва по иностранному акценту: Монография. М.: Флинта, 2012. [Электронный ресурс]. — Режим до-

ступа: <http://knigoland.net/3378-identifikacija-lichnosti-bilingva-po-inostrannomu.html> (дата обращения: 17.11.2013).

Бернштейн С. И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 5–61.

Васик Ю. А. Динамические характеристики англоязычного политического дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 7 (25). Ч. 2. С. 58–60.

Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008.

Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале англ. языка: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: РГБ, 2003. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/predvybornyi-diskurs-kak-zhanr-politicheskoi-kommunikatsii-na-materiale-angliiskogo-yazyka> (дата обращения: 27.05.2014).

Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // *Политический дискурс в России: Материалы постоянно действующего семинара* / Под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. Вып. 8. М., 2005.

Jenkins J. *The Phonology of English as an International Language.* Oxford, 2000.

Seriot P. *Analyse du discours politique sovietique.* (Cultures et Societes de l'Est. 2). P.: Institut d'etudes slaves, 1985. Цит. по: *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца XX века: Сб. статей.* М.: РГГУ, 1995. С. 41.

Irina E. Abramova, Anastasia V. Ananyina
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk

CHALLENGES OF TEACHING RUSSIAN STUDENTS SPEAKING AND WRITING SKILLS NECESSARY FOR ENGAGING IN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article identifies and analyzes some challenges of teaching students of Petrozavodsk State University (PetrSU) majoring in international relations or political and social sciences speaking and writing skills necessary for engaging in political discourse, which in this context is defined as exchange of political ideas, assessments and opinions, reflecting mentality

of communicants and aimed at achieving certain political goals. The authors assume that students' insufficient knowledge of political discourse nature, main functions and characteristics, as well as the interference of their native language create barriers in cross-cultural political communication.

Analysis of the speeches made by English-speaking politicians shows that they are rhetorically constructed and aimed at persuading the audience, argumentative reasoning and propaganda, which can be achieved by using specific phonetic means at both segmental and suprasegmental level. Many non-native English-speakers are not familiar with these means or use them incorrectly, which often leads to oral communication problems, misunderstanding and failure to achieve desired communication goals. The first part of the article summarizes major difficulties faced by teachers of PetrSU's Chair of Foreign Languages of Humanities teaching the course in effective public speaking. The second part of the article deals with main communication and pragmatic errors which appear in students essays on political issues. Analysis of these errors shows that in their written communication students nearly always use communicative strategies aimed at triggering readers' negative emotions — i.e. exaggeration, deflection of attention, disputing and questioning, criticizing, accusation, denigration or insult, and demagogic rhetoric. At the same time, such affirmative communication strategies as emphasizing positive aspects, suggesting solutions to problems, informed and objective evaluation, and identification with the audience are used rarely and ineffectively.

Key words: English political discourse, politician speech, communication and information interaction, communication and pragmatic errors, communication strategies.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеологемы современного политического дискурса КНР, начиная с провозглашения образования КНР и по настоящее время. Прослеживается творческое развитие политического дискурса по ходу прогрессивного развития Китая на пути строительства социализма с китайской спецификой. Анализируются лингвистические особенности современной политической лексики китайского языка как объекта изучения и преподавания языка политики.

Ключевые слова: преемственность и инновации, идеологема, социализм с китайской спецификой, нейролингвистическое программирование, геополитическая провокация, иероглифическая и буквенная форма слова.

Основа политического дискурса в КНР — идеология построения социализма с китайской спецификой («чжунго тэсэ шэхуэйчжуи»). Эта идеологема появилась не сразу после провозглашения образования КНР в 1949 г. Данная инновационная идеологема — результат многолетнего движения КНР по пути строительства нового Китая на идеях марксизма-ленинизма («малечжуи сысян»). *Известное изречение основателя КНР Мао Цзэдуна гласит: «Зал Авроры принес в Китай идеи марксизма-ленинизма».* Истоки политического дискурса современного Китая полно представлены в пекинском мавзолее Мао Цзэдуна [毛主席纪念堂]. Мао Цзэдун — великий марксист, великий пролетарский революционер, политик, военный деятель, стратег, теоретик, главный создатель КПК, НОАК, КНР. Мао Цзэдун китаизировал марксизм и на этой основе разработал долгосрочные руководящие идеи китайской революции, образующие систему «Мао Цзэдун сысян» — «Мао Цзэдун идеи».

Преемственность и дальнейшее развитие китайского политического дискурса осуществил Дэн Сяопин. Дэн Сяопин — *главный архитектор реформ, открытости и современного строительства социализма в Китае.* Он положил начало пути социализма с китайской спецификой — «Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи» — и разработал «Дэн Сяопин лилунь» —

теорию Дэн Сяопина. Теория Дэн Сяопина — это преемственность и развитие идей Мао Цзэдуна, это марксизм современного Китая. Эта теория на долгосрочную перспективу — руководящая для КПК, пользующаяся искренней поддержкой партии и всего народа Китая.

Китайский политический дискурс ясно показывает творческую идейную борьбу правящей партии Китая — КПК — за удержание политической власти в национальных интересах страны. После преодоления последствий «великой пролетарской культурной революции» («учань цзецзи вэньхуа да гэмин») и политики изоляционизма («бигуань чжэнцэ») Дэн Сяопин, испытавший жестокие репрессии в годы культурной революции и впоследствии реабилитированный, в 1978 г. выступил с программной для политического дискурса речью «Цзефан сысян, шиши цюши, туанцзе ичжи сяньцань кань» — «Раскрепостить сознание, стремиться к истине в действительности, сплотиться и смотреть вперед». В 1979 г. Дэн Сяопин выдвигает фундаментальные принципы современного политического дискурса Китая: «шэхуэйчжуй кэи гао шичан цзинци» — «социализм может заниматься рыночной экономикой». Примечательно, что в этой идеологеме используется глагол «гао», характерный для разговорного стиля речи. Глагол с широкой семантикой и общим значением «делать». Понимая глубину абстракции терминов «социализм» и «рыночная экономика» для народных масс Китая, т.е. для адресата такой инновации политического дискурса, Дэн Сяопин находит смысловой перевод этого на понятный язык. Он использует метафору: «Бугуань хэймао баймао, нэн чжо лаошу цзюши хаомао» — «Хороша та кошка, которая ловит мышей, и неважно, белая она или черная». В указанной формуле казавшиеся раньше для классического понимания теории социализма несовместимыми понятия «социализм» и «рыночная экономика» объединяются обиходным и привычным глаголом «гао» — «делать, заниматься». Такой формулой политического дискурса, дополняемой прозрачным метафорическим толкованием, эффективно преодолевается устаревший стереотип понимания функционирования экономики социализма и запускается долговременный механизм нейролингвистического программирования и формирования сознания говорящего на китайском языке населения КНР.

Одновременно с указанной раскрепощающей сознание новой словесной формулой политического дискурса выдвигается другая: «Цель

Китая в XX веке — осуществление сяокан». Слово «сяокан» заимствуется из конфуцианского представления об идеальном обществе «да-тун», термин же «сяокан» обозначает предшествующую стадию идеального общества. В современных китайских словарях термин «сяокан» трактуется как слово для обозначения среднезажиточного семейного хозяйства или среднего социально-экономического уровня развития государства. Таким образом, в политическом дискурсе Китая происходит состыковка слов «шэхуэйчжуй» (социализм) и «сяокан». Китаизация марксизма, начатая Мао Цзэдуном, продолжена Дэн Сяопином. Иноязычное понятие «одомашнивается», становится своим. Но одновременно с укоренением отодвигается в глубину веков, на пять веков до нашей эры и связывается с сакральным именем Конфуция, идеи которого совсем недавно, в культурную революцию (1965–1970) предавались анафеме в актуальной формуле политического дискурса «пи линь, пи кун юньдун» (движение критики Линь Бяо и Конфуция, где Линь Бяо — один из четырех членов контрреволюционной банды).

На XII съезде КПК в 1982 г. Дэн Сяопин закрепляет идею Китаизации социализма в китайском политическом дискурсе, выдвигает формулу «строительство социализма с китайской спецификой» — «цзяньшэ ёу чжунго тэсэ шэхуэйчжуй». В 1985 г. Дэн Сяопин, реагируя на мировые события и понимая, что китайские реформы не могут не затрагивать интересы других стран, вносит в китайский политический дискурс определение основных глобальных проблем: «Мир и развитие — это две большие проблемы современного мира» («хэпин хэ фачжань ши дандай шицзедэ лян да вэньти»). И в этом же году Дэн Сяопин указывает, что «Реформы — это вторая революция Китая» («гайгэ ши чжунго дэ ди эр цы гэмин»). По мере продвижения реформ в 1988 г. Дэн Сяопин вносит в китайский политический дискурс новое понимание в рейтинг производительных сил: «Наука и техника — это первая производительная сила» («кэсюэ цзишу ши ди и шэнчаньли»). В 1989 г. Дэн Сяопин поддержал подавление студенческих волнений в Китае и подчеркнул, что надо твердо следовать основной линии партии: «Одно центральное положение и два фундаментальных пункта» (*игэ чжунсинь, лянгэ цзибэньдянь*), что раскрывается как «центральное — это экономическое строительство, первый фундаментальный пункт — это четыре неукоснительных принципа: идти по пути социализма, придерживаться

демократической диктатуры народа, стоять за руководство со стороны компартии, руководствоваться марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна; второй фундаментальный пункт — это решительно проводить политику реформ и открытости». Приведенные формулы идеологического дискурса — основополагающие для формирования и функционирования политического дискурса современного Китая. КПК как руководящая и направляющая сила в решениях последующих партийных съездов и пленумов твердо придерживается сформулированного идеологического дискурса и творчески развивает политический дискурс применительно к изменяющимся условиям внутренней и внешней политики.

На рубеже XX–XXI вв. третье поколение руководителей ЦК КПК, ядром которого был Цзян Цзэминь, выдвинули очередную инновацию политического дискурса «саньгэ дайбяо» — «Тройное представительство». Это означает, что «КПК постоянно представляет требования развития передовых производительных сил Китая, постоянно представляет прогрессивное направление передовой китайской культуры, постоянно представляет коренные интересы самых широких слоев китайского народа». На XVII съезде КПК в 2007 г. политический дискурс пополнился новой идеологической формулой «кэсюэ фачжаньгуань» — «понимание научного развития».

На примере двух последних идеологем видно, что преподавание языка политики на китайском языке путунхуа требует осмысления и расширительного толкования с учетом социального контекста появления той или иной идеологемы. Помогают пониманию китайского политического дискурса обращения к переводу их формул китайскими переводчиками на русский и английский языки. Так, идеологема «кэсюэ фачжаньгуань» на русский язык переведена как «понимание научного развития», а на английский — «Scientific Outlook on Development». Сравнение этой идеологемы, выраженной на трех языках, включение в контекст проблем социального развития XXI в. позволяет уточнить перевод на русский язык в виде «научный взгляд на развитие», «развитие в соответствии с данными науки», «развитие на научной основе».

Проблема развития общества актуальна для политического дискурса Китая, и об этом говорят материалы последнего, XVIII съезда КПК, состоявшегося в 2012 г. На съезде была подтверждена прием-

ственность и сохранение идеологии строительства «социализма с китайской спецификой» («чжунго тэсэ шэхуэйчжуй») в интересах самых широких слоев народа КНР. Известно, что идеи — это результат интеллектуальной деятельности, который может как способствовать развитию общества, так и препятствовать ему или даже идти во вред, разрушать благополучие большинства членов общества. Так, идея либерализма «цзыёучжуй», являясь в китайском языке заимствованной смысловой калькой, состоящей из корня «цзыёу» (свобода) и продуктивного словообразовательного полусуффикса «чжуй» (-изм), в современном политическом дискурсе Китая рассматривается как деструктивная и пагубная для общественного развития идея. В ряде статей в теоретическом органе КПК «Цюши» (Стремление к истине) прямо указывается, что западный либерализм как деструктивная идея терпит банкротство во всем мире [求是理论网 2014]. Отношение в китайском политическом дискурсе к буржуазному либерализму солидаризируется с оценкой И. Аксакова: «Либерализм растлевет и ум, и душу русского общества, парализует смысл и волю, путает нравственные понятия, обращает человека в умственного и нравственного евнуха» [ЛГ, 2014]. Заимствованной идеологеме «цзыёучжуй» в китайском политическом дискурсе противопоставляется исконно китайская по внутренней форме «и жэнь вэй бэнь» — «Корнем всего является человек».

Китайский политический дискурс, как и политические дискурсы других языков, использует весь потенциал лингвистических возможностей данного языка. Однако для китайского языка характерно наличие двух письменных форм слова: традиционной иероглифической и новой буквенной. Эта особенность требует специального рассмотрения, так как может приводить к ошибочному истолкованию иероглифических форм китайских слов или к сознательному искажению их значения в целях достижения определенных результатов воздействия на аудиторию.

Согласно знаковой теории языка основным знаком языка человека выступает слово, имеющее план содержания (значение) и план выражения (звучание). Китайское иероглифическое письмо — это графические знаки, созданные человеком для обозначения **значения** слов, а китайский звукобуквенный алфавит — это графические знаки в виде заимствованных латинских букв, приспособленных для обозначения

звучания слов китайского языка путунхуа. Указанное соотношение показано в следующей таблице.

План содержания (значение)	СЛОВО (единство значения и звучания)	План выражения (звучание)
ИЕРОГЛИФ		БУКВА
<p>«Нормативный словарь современного китайского языка». Пекин, 2005. С. 19. (现代汉语规范辞典。北京, 2005 年), предназначенный для читателей среднего культурного уровня, включает весь список употребительных иероглифов современного китайского языка в количестве 7000 знаков и часть не входящих в этот список иероглифов, всего около 13 000 иероглифов [Алексахин, 2011]</p>	<p>Количество слов в принципе бесконечно, но относительно ограничено активно используемым словарным запасом</p> <p>«Нормативный словарь современного китайского языка». (Пекин, 2005) включает около 68 000 общеупотребительных слов и выражений</p>	<p>26 букв плюс пять диакритических значков над слогаобразующими гласными буквами</p> <p>Указанное количество букв и диакритических знаков, обозначая около 68 000 слов и выражений современного китайского языка, создает тем самым звукбуквенный стандарт плана выражения слов этого языка</p>

Китайские иероглифы в виде нормы изначально обозначают односложные слова (необходимо отметить, что существуют и неитемологизируемые двусложные слова типа 玻璃 bōli «стекло»), но статистической нормой современного китайского языка путунхуа являются двусложные слова, в которых исходные односложные слова выступают в роли морфем, сохраняющих только ассоциативное значение. Значением же обладает целое двуморфемное слово. Например, 黑 «черный» плюс 板 «доска» означает «классная доска», которая может быть любого цвета и изготовленной из любого подходящего материала. Природной материей саморазвивающегося языка человека считаются звуки речи, которые в каждом языке можно считать проявлением объективно существующей конкретно-исторической системы фонем как элемен-

тарных структурных элементов языка. **Буквенная кодификация фонем реализуется в алфавите данного языка.** Такой буквенный алфавит был создан на базе объективно существующей фонологической системы языка Пекина в конце первой половины XX в. Прошедшие полвека показали огромное значение алфавита в деле распространения языка посредника путунхуа и преодоления многовековой массовой безграмотности населения Китая [Алексахин, 2010].

Приведем пример неадекватной интерпретации иероглифической формы некоторых китайских слов как попытку «раскрытия социокультурных коннотаций». Цитируем по источнику [Тер-Минасова, 2007: 182–183]: «Особого внимания заслуживают названия стран, принятые в китайском языке. Китайцы пошли своим оригинальным путем. Они дали странам названия-характеристику и при этом, что особенно важно и правильно, — почти всегда положительную и комплиментарную. Элемент Го — значит *государство, держава*. Англия — *Ин Го — государство выдающегося таланта*, Франция — *Фа Го — государство логики закона*, Германия — *Дэ Го — государство нравственного примера*, США — *Мэй Го — прекрасное государство*... Такие «возвышающие», комплиментарные названия — замечательный дипломатический прием. Не важно, что государство нравственного примера развязало все страшные мировые войны, а прекрасное государство сбросило атомную бомбу на мирное население, название прощает любой исторический грех и взывает к миру и дружбе, пробуждая чувства добрые. Тут и очень тонкая политкорректность, и толерантность, и дипломатичность... Страны — ближайшие соседи получили как бы нейтральные, но отнюдь не открыто восхваляющие названия: Россия — *Э Го — государство неожиданностей (затягивания решений и внезапных перемен)*, Монголия — *Мэн Го — темная страна*. Комментарии излишни». Думается, что **комментарии просто необходимы**, тем более что в лингвистический источник попали данные не от языковеда, а «от профессора МЭИ, неоднократно работавшего в Китае».

Названия вышеприведенных стран образованы по одной словообразовательной морфологической модели и количественно соответствуют статистически доминирующей двуморфемной модели слов современного китайского языка путунхуа. Но эти слова — сложносокращенные. Приведем в порядке их появления исходные формы пере-

численных топонимов. Инго — *ингэлань гоцзя*, где *ингэлань* обозначает фонетическую кальку с английского языка England [ˈɪŋlənd]. Фонетическое калькирование осуществляется по фонетико-фонологическим законам китайского языка, одним из которых считается преломление звучания иностранного слова через призму фонологического слуха китайского языка путунхуа. Это, в частности, означает, что вследствие действия закона открытого слога после всех согласных реализуются гласные, в том числе и носовой узкий гласный в конце фонетической кальки. Данная фонетическая трехсложная калька наделяется значением целиком и не имеет смысловой внутренней формы. Иероглифическая форма этого слова 英格兰, буквенная — Yīnggélán. Сложение двух слов «Англия» и «государство» — «гоцзя» образует словосочетание «*ингэлань гоцзя*», которое из-за большой фонемной избыточности сокращается по самой продуктивной словообразовательной модели до двусложного образования «Инго». Первый иероглиф этого слова ассоциируется в сознании носителей китайского языка с фонетической калькой «*ингэлань*», на что прямо указывается в иероглифических словарях китайского языка [新华字典, 2007 年. 北京: 574]. Этот иероглиф используется для записи трех разных морфем: первое значение — цветок, второе — выдающийся талант, третье — Англия. Следующее слово Фаго — *фаланьси гоцзя*, где *фаланьси* — фонетическая калька. И далее все по модели первого топонима. Иероглиф 法 («фа») используется для записи шести разных морфем: закон, способ, имитировать, норма, буддийский ритуал, Франция [新华字典 2007: 120]. И этот же иероглиф используется в фонетической кальке слова «фашист» — «фасисы» 法西斯 fāxīsi. Трудно представить, чтобы в языковом сознании носителей китайского языка понятие «фашист» ассоциировалось бы с «логикой закона». Следующее слово Дэго — *дэичжи гоцзя*, где *дэичжи* — фонетическая калька. И далее аналогично моделям топонимов первого и второго слов. Иероглиф 德 («дэ») используется для записи пяти разных морфем (пятое значение для обозначения Германии), в том числе и для записи малочисленного этноса «дэан» (фонетическая калька с местного языка), живущего в КНР в провинции Юньнань. Следующий топоним Мэйго — *мэйлицзянь хэчжунго*, Соединенные Штаты Америки, *мэйлицзянь фонетическая калька*. Иероглиф 美 «мэй» используется для записи шести разных морфем, в том числе пятое значение обозначает

северный и южный Американские континенты. И только шестое обозначает США [新华字典 2007:329].

Следующее слово для обозначения России: *Ego* — *елосы гоцзя*, где *елосы* — фонетическая калька. Иероглиф 俄 («é») используется для записи морфемы «неожиданно, внезапно, в один миг». И этот же иероглиф применяется в стандартном иероглифическом написании трехсложного топонима Россия *елосы* (俄罗斯), а также по аналогии с двусложной словообразовательной моделью вышеперечисленных топонимов для записи двусложного топонима Россия 俄国, который не используется в современном китайском языке путунхуа. Трехсложная фонетическая калька *елосы*, целиком наделяемая значением «Россия, русский», используется как словообразовательная морфема в словах *елосыжэнь* (жэнь — человек) — русский, россиянин, а также *елосыцзу* (цзу — этнос, нация). Стоит отметить, что в современном нормативном словаре китайского языка (2004 г.) вообще нет слова «Е-го», но есть слово «*Е-ло-сы*» — Россия. Сокращаемая до односложной эта морфема используется в слове «е-юй» (юй — язык) — русский язык, в сложносокращенных словах типа «Е — чжун» — русско-китайский [Нормативный словарь, 2004: 344].

Другой зафиксированный в литературе пример толкования топонима Россия по иероглифической записи уже относится к попытке геополитической провокации: «Китайцы, для которых слово «Россия» означало «голодная земля», выказывали еще более открытое презрение» [Бжезинский, 2006: 19]; «России, «голодной земле» в переводе с китайского, Китай всегда не доверял» [Бжезинский, 2006: 181]. Это неблагоприятное искажение строится на замене в топониме «Е-го» иероглифа 俄 («русский») на иероглиф 饿 («голодный»). Эта подмена лингвистически объясняется тем, что гласные китайского языка являются связочно-дифференцированными (или тонированными) и существуют в соответствующих пятичленных сериях. На примере серии среднерастворных гласных центрального ряда, образующих анализируемые слова, в китайском алфавите существует пять букв: ē, é, ě, è, e [Алексахин, 2011: 36] и соответственно пять гласных фонем [Алексахин, 2011: 236–251]. Слово «русский» образовано гласной фонемой é, слово «голодный» образовано гласной фонемой è, поэтому такие разноразличные слова записываются разными по форме и значению иероглифами 俄 («русский»), 饿 («голодный») соответственно. Структурно у этих иероглифов есть одинаковая правая часть 我, называемая фонетиком,

но разные левые части, называемые ключами: человек — в первом иероглифе, и пища — во втором. К сожалению, в лингвистической литературе есть немало примеров суждений о фонологической системе китайского языка через призму английского языка, которые в основном сводятся к так называемой симплификации, или упрощению объективно существующей картины китайского языка.

Китайский политический дискурс постоянно развивается и насыщается новым содержанием. Он выступает объектом возрастающего интереса специалистов многих отраслей гуманитарного знания как в Китае, так и за его пределами. Эффективное преподавание политической лексики китайского языка предполагает изучение идеологического и политического дискурсов.

Литература

- Алексахин А. Н.* Алфавит китайского языка путунхуа. М., 2010.
Алексахин А. Н. Теоретическая фонетика китайского языка. Базовый курс теоретической фонетики современного китайского языка путунхуа. М., 2011.
Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 2006.
ЛГ. 2014. 26 марта — 1 апреля. № 12 -6455.
Нормативный словарь современного китайского языка. Пекин, 2004.
Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М., 2007.
新华字典. 2007 年. 北京. (Иероглифический словарь Синьхуа).
毛主席纪念堂 (Мавзолей Мао Цзэдуна). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.people.com.cn>.
求是理论网“红旗文稿” 2014年 2014/09 (Теоретическая сеть Цюши). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.QSTHEORY.CN>

Alexei N. Aleksakhin
MGIMO University, Moscow

CONTINUITY AND INNOVATION IN MODERN POLITICAL DISCOURSE OF CHINA

Abstract. The article deals with the basic ideological vocabulary of modern political discourse in China, starting with the proclamation of the formation of the People's Republic of China. The article analyzes creative innovations

in the country's political discourse as it moves towards building 'socialism with Chinese characteristics'. The paper analyses the linguistic peculiarities of modern political vocabulary of the Chinese language as an object of study and teaching the language of politics.

Key words: continuity and innovation, ideology, socialism with Chinese characteristics, neuro-linguistic programming, geo-political provocation, hieroglyphic and the literal form of the word.

«ЧУЖОЙ» КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале аналитических статей британской прессы)

Аннотация. В статье рассматривается оценочный потенциал оппозиции «свой—чужой» и языковые средства его реализации в британском политическом дискурсе. При том что центр оппозиции составляет оценочная модель «свое — хорошо, чужое — плохо», на ее периферии обнаруживаются и другие оценочные модели, где «своему» может присваиваться отрицательная оценка, а «чужому» — положительная. В зависимости от закрепляемого за «чужим» оценочным знаком выделяются такие признаки, как «чужой / враг», «чужой / другой», «чужой / друг», каждому из которых соответствует свой круг языковых средств.

Ключевые слова: оппозиция «свой—чужой», оценочность, «враг», «другой», «друг», языковые средства выражения.

Оппозиция «свой—чужой», являясь одной из базовых оппозиций политического дискурса, представляет собой оценочную категорию. Центром данного оценочного противопоставления считается модель «свое — хорошо, чужое — плохо», которая может актуализироваться как эксплицитно, так и имплицитно. Объект воспринимается как «свой», если он похож на «нас», «свой» — это прежде всего «такой, как я/мы» [Алиева, 2013], т.е. он соответствует стандартам, воспринимаемым нами как правильные, естественные, нормальные. И наоборот, все неестественное, ненормальное, неправильное относится к лагерю «чужого», как непохожее на нас самих («чужой» — «не такой, как я/мы»). Процесс идентификации объекта как «своего» или «чужого» в своей основе коррелирует с оценочностью — неестественное, ненормальное, непохожее на нас воспринимается отрицательно, а похожее на нас, нормальное, «свое» — положительно. В частности, в исследовании А. А. Матвеевой [Матвеева, 2011] оппозиция «свой—чужой» рассматривается как радиальная категория, центром или прототипом которой является модель «свое — хорошо», «чужое — плохо». В то же

время, помимо центральной, выделяются другие оценочные модели, которые находятся на периферии, где «своему» может присваиваться отрицательная оценка, а «чужому» — положительная.

Рассмотрим два примера, наглядно демонстрирующих, как выбор языковых единиц обуславливается центральной оценочной моделью «свое — хорошо, чужое — плохо»: **(1) Britain is a nuclear power with world-wide reach and so has a permanent seat on the UN Security Council. We are one of the Big Three powers in the EU. We took part in the invasion of Iraq. We are crucial to the effort in Afghanistan. Palestinians and Iranians burn the Union flag because the UK's support for Israel still counts.** (*The Observer*, 26.04.09) // **(2) In seven years in Afghanistan, America, Britain and their Nato allies have made every mistake in the intervention book. They sent too few troops to assert an emphatic presence. They failed to “hit hard and get out”, as advocated by Donald Rumsfeld, the American defence secretary. They tried to destroy the staple crop, poppies, and then let it go to warlords who now use it to finance suicide bombers, among others** (*The Sunday Times*. 22.06.08). Оба примера представляют собой оценочные суждения в отношении одного и того же объекта — Великобритании. При этом в первом случае выражается положительная оценка (Соединенное Королевство характеризуется как сильное, влиятельное государство), и тогда Великобритания замещается местоимением WE, т.е. маркируется как «своя». Во втором случае ей присваивается отрицательная оценка (участие Великобритании и союзников в военном вторжении в Афганистан расценивается как крайне неэффективное), и тогда происходит замещение дейктиком THEY, т.е. отнесение своей страны в зону «чужого». Местоимения *we* и *they* — основные маркеры «своего» и «чужого», а в вышеприведенных контекстах они обозначают объект, который на уровне общепринятых представлений должен бы считаться «своим», а именно указывает на свою страну. Но в одном случае своя страна оценивается положительно и поэтому маркируется как «своя», а во втором — отрицательно, поэтому идентифицируется как «чужая». Таким образом, разделение на «своих» и «чужих» обусловлено здесь исключительно оценочным знаком. Подобное дистанцирование от негативно воспринимаемых действий, совершаемых в общем-то «своими», и нежелание отождествлять себя с ними связано прежде всего с тем, что человеку присуще оценивать себя, «своих» положительно, в то время как за все плохое ответственность несут «они» (they).

С другой стороны, как уже было упомянуто, несмотря на априорность оценки «свое — хорошо, чужое — плохо», обнаруживаются и другие оценочные модели, хотя они и находятся на периферии оппозиции «свой—чужой». Поскольку объектом газетных статей, как правило, является «чужой», представляется интересным рассмотреть, как именно дифференцируется оценка «чужого» и какими средствами она реализуется.

Допуская, что «чужой» может иметь как положительную, так и отрицательную оценочность, предлагается дифференцировать «чужого» как «чужой/враг», «чужой/другой» и «чужой/друг». Тогда в рамках оппозиции «свой—чужой» образуется следующая система противопоставлений: «свой—враг», «свой—другой», «свой—друг». «Враг», «другой» и «друг» являются оценочными признаками, входящими в состав концепта «чужой», причем любой из них может актуализироваться в зависимости от контекста. Эти признаки служат дополнительными к центральному «не такой (такие), как я», который бывает задействован всегда, когда актуализируется оппозиция «свой—чужой».

«Чужой / враг» несет отрицательный заряд, занимая на оценочной шкале крайнюю позицию, и может включать в себя такие признаки, как «агрессия», «опасность», «угроза». Наиболее ярко и эксплицитно оппозиция «свой—чужой/враг» актуализируется на лексическом уровне применением слов с семой «враг», «опасность», «угроза», «агрессия», «насилие», «страх» (*enemy, foe, hostile, threat, fear*), а также других лексем, выражающих отрицательную оценочность (*to dislike, to confront, to hate, to be angry with*). При реализации концептуального признака «чужой/враг» чаще всего используются метафоры со сферой-источником «война» или сферой-источником «преступный мир». Так, в одной из публикаций Россия в ситуации вмешательства в дела иностранного государства (причем не военного, а экономического) уподобляется преступнику-хулигану: *The access of Moscow's corrupt and criminal elite to the banking and real estate heavens of London should be restricted. Unless the bully is contained, he would be returning to haunt the neighbourhood again and again (The Daily Telegraph, 19.01.08)*. В этом примере применяется метафорическая модель «преступник—жертва», где преступник — это Россия («чужой/враг»), а жертва — Великобритания («свои»).

Кроме того, для актуализации признака «чужой / враг» может использоваться пейоративная лексика (*idiot, stupid*), политические ярлыки (*fascist, dictator*), дисфемизмы (*indiscriminate killing, to slaughter as many*

civilians as possible, random acts of savagery). На синтаксическом уровне — конструкции активного залога: *Let us presume that it was indeed the Real IRA, as claimed to the Sunday Tribune, whose “volunteers” shot up a pizza delivery to the Massereene Barracks on Saturday night, badly wounded two pizza “collaborators” — a new category in the history of terror attacks — and then finished off at least one of the four wounded soldiers as he lay bleeding on the roadside* (*The Times*. 10.03.09). Использование активных залоговых конструкций, причем с указанием и на террористов, и на их жертв (в роли агенса и пациенса соответственно), здесь обусловлено желанием автора подчеркнуть жестокость преступников, обратить внимание не на сам факт теракта, а на личность ответственных за них — ужасна не только гибель невинных людей, а отвратительны люди, их убившие.

Вообще в политическом дискурсе концептуальный признак «чужой/враг» бывает задействован при обращении к таким тематическим блокам, как «террористы», «военный противник», «оппозиционная партия», а также в отношении некоторых иностранных государств.

«Чужой/другой» также наделяется отрицательной оценочностью, но интенсивность, степень отрицательной оценки смягчается. В отличие от «чужого/врага» «чужой/другой» предполагает такое к себе отношение, которое основывается на чувстве неприязни, непонимания, возникающего из-за того, что «чужой» отклоняется от принятых норм, выражает несогласие со «своими». Тем не менее отношение к «чужому/другому» исключает агрессию или угрозу, оценочный знак «чужого/другого», хоть и является отрицательным, не занимает такой крайней отрицательной позиции, как «чужой/враг». Несмотря на то что оба эти признака («чужой/враг» и «чужой/другой») выводятся из отрицательной оценочности объекта, представляется целесообразным их дифференцировать, так как при их активизации задействуется различный арсенал языковых средств. Концептуальный признак «чужой/другой» формируется за счет как оценочных лексических единиц, сообщающих отрицательную оценку (*to dislike, to differ, to criticize, to suspect, to doubt*), но менее категоричную, чем при формировании признака «чужой / враг» (ср. *to hate* || *to criticize*), так и за счет таких метафор, как, например, «дом» («дом» — это место для «своих», «чужие» вне дома), «бизнес» («чужой» как продавец, бизнесмен), «любовные отношения» (ироничное представление отношений между «своими» и «чужими» как любов-

ных), а также ориентационных метафор. Последние позволяют реализовать оппозицию «свой—чужой/другой» особенно наглядно.

Чем больше разногласий между «своими» и «чужими», чем более непохожи «чужие» на «своих», чем сильнее «чужие» отклоняются от принятых у «своих» норм и ценностей, тем «чужие» дальше, и наоборот, расстояние между «чужими» и «своими» сокращается, если «чужие» оказываются похожими на «своих», близкими по духу, по ценностным ориентирам. В публикации про влияние экономического кризиса на взаимоотношения Западной Европы («своих») и Восточной Европы («чужих») между странами пролегает образное расстояние, которое до кризиса было короче, а сейчас значительно увеличилось: *The east [чужой] is suddenly all far away again. We [свои] go on weekend breaks to Bognor [свои], not Bucharest [чужой] (The Observer. 12.04.09)*. И еще больше увеличилось расстояние между странами, входящими в состав Европейского союза, и странами, не входящими в его состав: *That gulf will widen as a result of the financial crisis, which has hit the whole region hard, but left non-EU members [чужой] hanging much further out in the financial breeze.*

В политическом дискурсе британской качественной прессы концептуальный признак «чужой/другой» может актуализироваться при характеристике США, Франции, стран Восточной Европы, а также при обращении к таким тематическим блокам, как «политическая элита», «иммигранты», «мусульмане».

«Чужой/друг» обычно наделяется положительной оценочностью. Концептуальный признак «чужой/друг» чаще всего формируется за счет положительных оценочных лексем (*partnership, friends, cooperation, support* и др.), политической лексики (*democratic, liberal*), эвфемизмов, метафор «дом» (открыть двери «чужому», пригласить его в «свой» дом), ориентационных метафор (по отношению к «своим» «чужой/друг» находится близко, рядом). Довольно часто источником метафор, способных образно представить оппозицию «свой—чужой», оказывается концептуальная сфера-источник «спорт»: *The Brits and the French know how to play the game, a German diplomat embroiled in the European Union treaty negotiations told me last week. "We know we can rely on them. But the Poles, they are something else. I am not sure they understand the game at all" (The Times. 21.06.07). But there is a self-fulfilling quality to the notion that Russia should only be allowed to join our game when it plays by our rules (The Guardian. 02.04.09)*. Примечательно, что в преломлении к оппозиции «свой—чужой» осно-

ванием для использования спортивной метафоры считается не принадлежность к команде противника (что, казалось бы, было естественным метафорическим следствием), а умение или неумение играть в ту или иную спортивную игру. Умение играть позволяет акцентировать концептуальный признак «чужой/друг», плохая игра или незнание правил позволяют выделить признак «чужой/враг» или «чужой/другой».

Концептуальный признак «чужой/друг» в политическом дискурсе британской качественной прессы обычно выступает на первый план при обращении к таким тематическим блокам, как «США» и «Европейский союз».

Таким образом, в основе оппозиции «свой—чужой» лежит оценочность, которая обуславливает маркирование объекта как «своего» и «чужого». Кроме того, различная интенсивность оценочности и позиция на оценочной шкале «своего» или «чужого» определяет круг языковых средств, используемых в конкретном контексте, что, в свою очередь, открывает возможности для манипуляции восприятием адресата.

Литература

Алиева Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой—чужой» в британском политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Матвеева А. А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой—чужой» (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011.

Tatiana V. Alieva
MGIMO University, Moscow

“THEY” AS AN EVALUATION CATEGORY OF POLITICAL DISCOURSE (as reflected in British analytical articles)

Abstract. The article studies the evaluation potential of the opposition “we — they” and how it is realized in the British political discourse. The evaluation pattern “we are good, they are bad” being the center of this opposition there

are other evaluation patterns on its periphery where “we” can be evaluated negatively and “they” — positively. Such attributes of the concept “they” as “enemy”, “other”, or “friend” can be realized in the discourse, which depends on the evaluation of “them” — whether it is positive or negative. Different evaluation patterns determine the range of linguistic devices used to express concept “they”.

Key words: opposition “we—they”, evaluation, “enemy”, “alien”, “friend”, linguistic devices

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова

ИЗОТОПИЯ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА (на материалах сайтов французской Национальной ассамблеи)*

Аннотация. Парламентский дискурс, являясь частью политической коммуникации, отличается большей институциональностью и герметичностью, поэтому особое значение принимают электронные формы формирования граждан о работе национального парламента. В статье рассматриваются некоторые особенности такой коммуникации на примере французского парламента, раскрываются конкретные механизмы формирования целостного смысла (изотопии) парламентской коммуникации, предлагаются интеракциональный подход к исследованию дискурсивных особенностей парламентского речевого взаимодействия.

Ключевые слова: парламентский дискурс, политическая коммуникация, изотопия политического текста, французский парламентский дискурс, сайты французского парламента, интеракциональность парламентского дискурса.

Вопросы понимания парламентского дискурса как одного из центральных дискурсов политической коммуникации имеют не только узкопрофессиональное значение, но и ставятся самим обществом, в котором повышается гражданская заинтересованность в законодательном процессе, все четче проявляется потребность видеть реализацию своих гражданских прав, исполнения гражданских и социальных запросов в выборных институтах власти. Соответственно, возникает потребность научиться и научить понимать парламентскую коммуникацию. Для этого необходимо прежде всего обратиться к имманентным чертам явления «парламентский дискурс», проникнуть в его природу, наметить пути ее лингвокультурологического исследования.

По мнению некоторых отечественных ученых, «парламентская коммуникация в мировой практике является объектом пристального

* Доклад выполнен при поддержке РГНФ (проект №14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)».

внимания теоретиков политической коммуникации, однако в России, в связи со спецификой ее парламентаризма, а также определенным тяготением парламентской коммуникации к аппаратным формам (значительная закрытость части материалов, редактирование их перед публикацией), она оказывается изученной недостаточно и, более того, привлекающей куда меньший интерес по сравнению с публичной коммуникацией» [Белошапкина]. Это суждение было высказано более десяти лет назад и, наверное, имело под собой определенные основания. Однако сегодня даже поверхностный взгляд на документацию официального сайта российского Федерального собрания (протоколы заседаний, видеодокументы, трансляции заседаний Государственной думы, размещенные в Интернете) говорит о значительном прогрессе в сторону прозрачности парламентского процесса и парламентской коммуникации в России. Это открывает большие возможности перед исследователями российских парламентских дискурсов. Тем более важен, на наш взгляд, анализ парламентских дискурсивных практик в других странах, имеющих давнюю традицию парламентаризма, как с точки зрения содержательных, культурологических и прагматингвистических характеристик, так и в плане структурной открытости и прозрачности парламентской коммуникации.

Будучи частью политической коммуникации, парламентский дискурс достаточно «герметичен» в своей институциональности. Наличие юридической и экономической терминологии, интертекстовые ссылки-референции на артикул той или иной статьи закона или поправки к закону, ссылки на соответствующие положения Конституции, на постановления правительства и пр. отталкивают «простого налогоплательщика» своей интертекстовой и терминологической сложностью и вызывают в нем недоверие к самим парламентариям, к их деятельности вообще. Так, 29 августа 2012 г. по инициативе общественных организаций, занимающихся мониторингом парламентской деятельности, была принята международная «Декларация о парламентской открытости» [Национальная ассамблея Французской Республики], охватывающая такие вопросы, как продвижение культуры открытости, обеспечение «прозрачности парламентской информации», «легкого доступа к этой информации» и обеспечение «электронного распространения парламентской информации». По сути, сама жизнь потребовала кон-

цептуализации парламентской коммуникации, и этот вызов был принят прежде всего созданием и модернизацией официальных сайтов национальных законодательных собраний.

При вступлении в должность спикера французской Национальной ассамблеи г-на Клода Барталоне в 2012 г. было объявлено о создании парламентского мультимедийного ресурса (*réserve parlementaire*) как небывалая в истории Пятой республики акции по демократизации парламентской коммуникации и установлению информационного паритета между политическим большинством и оппозиционными партиями [Национальная ассамблея Французской Республики].

Официальные сайты французского парламента представляют парламентскую коммуникацию в «3D». Один и тот же ее фрагмент, например заседание парламента или парламентской комиссии, представлен и в текстовых протоколах, и в видеозаписи, доступной и «активной» на главном сайте в течение текущего года. Протокол заседания перемещается в архив, также доступный любому пользователю Интернета. Все имена политиков снабжены гиперссылками, соотносящимися с их официальным представлением с указанием партийной принадлежности, сроков парламентского мандата и даже места в амфитатре зала заседаний. Кроме того, гиперссылки соотносятся и со всеми внутрипарламентскими выступлениями каждого депутата, составляющими его парламентский «резерв», а также с его политическими выступлениями в СМИ, любыми публичными акциями и заявлениями. Сайт позволяет составить дискурсивный портрет любого парламентария и парламентской партии в мультимедийном формате.

Помимо официальных сайтов Национальной ассамблеи (*Assemblée Nationale*) и Сената (*Sénat*), существуют другие интерактивные сайты, например сайт «Граждане и Парламентарии» [Национальная ассамблея Французской Республики]. В 2013 г. по инициативе одного из представителей самой крупной оппозиционной партии «Союз за народное движение» (*UMP*) — Брюно Лё Мэра — сайт развернул интерактивное исследование под названием «Восстановить доверие между гражданами и парламентариями», которое высветило основные вопросы, стоящие на повестке дня, сформулировав их так:

- существует кризис доверия к парламентариям со стороны французских граждан;

- представительство в парламенте не отражает социальную структуру французского общества;
- парламентарии не заботятся об информационной связи со своими избирателями;
- законы принимаются не в интересах всего общества, а в частных (корпоративных) интересах и т.д. [Национальная ассамблея Французской Республики]. В Твиттере существует страничка «Ассистент парламентария» (Assistant Parlementaire), которая содержит достаточно острые критические замечания тех, кого волнует происходящее во французском парламенте и вокруг него.

Природа парламентского дискурса заключается прежде всего в диалогизме, полифонии, интеракциональности [Алферов, 2013]. В природе парламентской коммуникации заложена институциональная необходимость сосуществования различных дискурсов: идеологических, партийных, культурных, этнических, наконец, идиополитических, т.е. присущих тем или иным ярким политическим фигурам. Парламентский дискурс суть производное от окружающей его общеполитической полемической коммуникации, характеризующейся прежде всего агональностью, идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций, вседозволенностью речевых и часто далеко не парламентских средств аргументации, что, конечно же, имеет место и внутри парламентской интеракции, но тем не менее парламентский дискурс отличается по своей интенциональности, определяемой необходимостью принятия решений, которые имеют большой политический вес, требуют значительно большей меры ответственности, не только политической, но и взвешенной гражданской и государственной позиции. Встает вопрос о механизмах превращения полемической по своей сути политической коммуникации в институциональную законодательную текстовую деятельность. Здесь можно ставить вопрос об институциональности дискурса как о мере ответственности субъектов, его порождающих.

Таким образом, парламентский дискурс, рассматриваемый в своей институциональной целостности, интеракционально динамичен и конвенционально статичен. Интеракциональная природа парла-

ментского дискурса диктует и интеракционный подход к его исследованиям. Теоретической базой такого подхода становятся традиции русской школы диалогизма, развивающей идеи М. М. Бахтина, функционального структурализма Р. Якобсона, методологии отечественных и зарубежных исследователей «критического анализа» дискурса, речевого (конверсационного) анализа (*conversational analysis*) и корпусной лингвистики, а также бурно развивающейся сегодня политической лингвистики [Чудинов, 2012].

С другой стороны, институциональная целостность, которая обеспечивается целенаправленностью и конвенциональностью парламентской деятельности, необходимо предполагает взаимодополняющий характер всех парламентских дискурсов как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Здесь важно определить тот механизм понимания целостности парламентской коммуникации, который задействован в процессе интерпретации парламентских дискурсов, когда общий смысл вытекает из совокупности смыслов отдельных элементов, а каждый отдельный дискурс понимается только в интертекстовых связях с другими дискурсами и в рамках целого.

Исходя из категорий интерпретативной и имплицитивной семантики Р. Дженкендорфа [Jackendoff, 1972], А. Ж. Греймаса [Greimas, 1979] и Ф. Растье [Растье, 2001], можно представить парламентский дискурс как взаимодействие отдельных изотопических смыслов, дублирующих и дополняющих друг друга, создающих в совокупности окончательный, интегральный смысл того или иного пропозиционального фрейма. Такое взаимодействие характерно для любого сложного дискурса, а парламентский дискурс более чем сложен своей интертекстовой природой, юрислингвистической составляющей, приближающей его к строго регламентированной и структурированной терминосистеме.

Таким образом, под *изотопией* парламентского дискурса нами понимается интегральный смысл дискурса, определяемый его когерентностью и релевантностью, которые, в свою очередь, складываются из эксплицитного и имплицитного содержания.

Интертекстовая природа электронного «гипертекста», возможность «перемещения» из одного дискурсивного пространства в другое, поликодовость такого дискурса, аудиовизуальный канал передачи со-

общения — все это дает мощный инструментарий в постижении инновативности и интерактивности парламентской коммуникации. Однако обеспечение доступности информации еще не гарантирует ее эффективность. Релевантность, как известно, прямо пропорциональна прозрачности текста и обратно пропорциональна интерпретационному усилению. Политический дискурс отличается амбивалентностью. Партии и политики, придерживающиеся разных взглядов и идеологий, преследующие иногда противоположные цели, пользуются практически одной и той же риторикой, апеллируют к одним и тем же человеческим, христианским и демократическим ценностям. Что плохого, казалось бы, в словах «да здравствует Украина» и «героям — слава», если бы не их сегодняшний зловещий подтекст и, как оказалось, довольно кровавый контекст.

Анализ политического (в том числе и парламентского) дискурса требует герменевтического, интерпретационного подхода, опирающегося на разного рода пресуппозиции, необходимые для понимания не только «семантики», но и прагматики дискурса. Эти пресуппозиции и их интерпретации можно представить в виде взаимодействия мета-концептов, таких, как «Люди ↔ Тексты», «Парламентский ↔ Политический», «Диалогичный ↔ Монологичный», «Конвенциональный ↔ Обыденный» (дискурсы) [Алферов, Шамугия, 2013] и др.

Метод концептуальных оппозиций, интеракциональный по своей сути, может стать основой анализа парламентской коммуникации. Такие оппозиции не только существуют на метауровне, но и составляют глубинную структуру дискурсивной организации парламентской коммуникации. Они существуют не в смысле непреодолимых противоречий, а в смысле противопоставляемых, но взаимодействующих друг с другом, перетекающих друг в друга антиномий. Говоря о дихотомичности такого подхода, мы имеем в виду градуальность проявления той или иной оппозиции в ее конкретной реализации.

Рассмотрим какую-либо интеракциональную оппозицию, например взаимодействие категорий Люди ↔ Тексты.

Люди, участвующие в парламентской коммуникации, существуют не только в качестве реальных политиков — субъектов парламентской коммуникации. Они входят в текст, и не просто в качестве онимов с исключительно референтной функцией, но и в качестве своего рода

концептов, приобретая сигнификативное и коннотативное значения. Имена В. В. Путина, А. Меркель, Б. Обамы обладают понятийным содержанием, вмещающим всю их политическую историю, которая сопровождается эмоционально-оценочными коннотациями. Как это ни печально для французов, имя нынешнего президента Ф. Олланда вызывает скорее разочарование и грустный скепсис, выплескивающийся в политический и, в частности, парламентский дискурс в виде карикатурных «ников»: седьмого президента Пятой французской республики окрестили *Monsieur Royal* (когда он был спутником Сеголен Руаяль, а так, т.е. по имени супруга, называют только женщин), *Monsieur ni oui ni non* (*Г-н ни да ни нет*), а с легкой руки супруги Николя Саркози — Карлы Бруни — он получил прозвище *Pingouin*.

Прагматическая пресуппозиция и коннотации сопровождают многих политиков и многие партии. К вопросу о ярлыках. Сегодня значительную роль в политической жизни Франции играет партия Национального фронта, традиционно «крайне правая», в политическом узусе часто трактуемая как «националистическая», однако на самом деле достаточно гибкая и часто конструктивная в парламентской деятельности, победившая на последних муниципальных выборах во многих городах и регионах Франции, имеющая большие возможности в Европейском парламенте и занявшая сегодня объективную, неангажированную позицию в вопросе об Украине. Можно отметить, что ее концептуальные идеологические положения претерпели значительные изменения со времен ее основателя Жан-Мари Ле Пена — изменились и риторика, и аргументация лидеров партии. Такие изменения легко проследить на материале персональных дискурсов трех поколений одной семьи: самого основателя партии Ж.-М. Ле Пена, его дочери, сегодняшнего лидера партии, Марин Ле Пен и его внучки — Марион Марешаль Ле Пен (*Marion Maréchal-Le Pen*), авторитетного, несмотря на молодость, парламентария.

Так, на одном из заседаний комиссии Национальной ассамблеи по международным отношениям 26 февраля 2014 г. Марион Марешаль Ле Пен в вопросе министру иностранных дел Лорану Фабиусу отметила, что, нарушая принцип невмешательства, Европарламент в своей позиции по Украине игнорирует тот факт, что часть протестующих Майдана относится к неонацистам и крайне правым. Тут же последо-

вала бурная реакция удивленно-ироничного протеста со стороны парламентариев, понять которую можно, только соотнесясь с бытующими политическими стереотипами о Национальном фронте как о крайне правой, националистической партии. В ответ на эти «коммуникативные происки» Марион Ле Пен заметила, что «слишком просто сводить все к примитивным оценочным клише, как это делают французские СМИ». Вот как это передано в тексте протокола:

«Mme Marion Maréchal-Le Pen. Je regrette que l'Union européenne ait, une fois de plus, fait fi du principe de non-ingérence, en soutenant des manifestations, qui dénonçaient certes la corruption, mais auxquelles ont participé des milices néonazies et des partis d'extrême-droite qui risquent d'entrer demain au nouveau gouvernement ukrainien. (*Exclamations de plusieurs commissaires.*) *Chers collègues, votre analyse du Front national est aussi simpliste que celle des médias français!*» [Национальная ассамблея Французской Республики].

Вот здесь еще раз проявляется оппозиция «политическая коммуникация vs парламентский дискурс». Последний должен по определению быть более конструктивным, абстрагироваться от сиюминутных и часто «казачных» течений политического «мейнстрима». Таким образом, анализ идиополитического парламентского дискурса невозможно понять без пресуппозиций из общеполитической прецедентной коммуникации.

В интеракциональной лингвистике достаточно подробно разработана номенклатура стратегий, маркеров и операторов речевого взаимодействия. Большое значение в определении их роли и функций, в проверке валидности их интерпретации и эффективности воздействия приобретают количественные методы, например модифицированный контент-анализ, дополняемый когнитивно-концептуальным анализом, например выявлением концептуальных метафор партийного или идиополитического дискурса. Помимо дискурсивной структуры и содержательного анализа пропозиции, интеракциональное исследование направлено на иллокутивный, интерперсональный и аргументативный аспекты парламентской интеракции [Алферов, Шамугия, 2013].

Список метаконцептуальных антиномий парламентского дискурса остается открытым. Политическая лингвистика, оперируя методологическим аппаратом риторики, теории дискурса, теории ар-

гументации, прагмалингвистики, все еще находится на стадии формирования собственного понятийного аппарата. Разрабатываемый интеракциональный подход к смыслообразованию и интерпретации парламентского дискурса должен, на наш взгляд, занять свое место в теории и прикладных реализациях отечественной политической лингвистики.

Литература

Алферов А. В. Некоторые интеракциональные аспекты парламентской коммуникации // Материалы VII Международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру». Симпозиум XI. Пятигорск, 2013. С. 5–8.

Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний французского парламента) // Вестник ПГЛУ. 2013. № 3. С. 109–112.

Белошанкина Н. Н. Политические процессы в сфере теории речевого воздействия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://konf-csu.narod.ru/ze/lib/belosharkina.html> (дата обращения 20.02.2014).

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: Деком, 2001.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2012.

Сайты Национальной ассамблеи Французской Республики:

URL: <http://blog.openingparliament.org/>.

URL: <http://presidence.assemblee-nationale.fr/>.

URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/index.asp>.

URL: <https://www.parlement-et-citoyens.fr/>.

URL: <https://www.parlement-et-citoyens.fr/enquete/lemaire/>.

URL: https://twitter.com/ass_parl Vidéos.

URL: http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/13-14/c1314047.asp#P5_47.

Greimas A. J. et al. Introduction à l'analyse du discours en sciences sociales. Paris: Hachette, 1979.

Jackendoff R. S. Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1972.

Moeschler J. Argumentation et Conversation. Éléments pour une analyse pragmatique du discours. Paris: Hatier, 1985.

*Alexander V. Alferov, Elena Y. Kustova
Pyatigorsk State Linguistic University*

**ISOTOPY OF PARLIAMENT DISCOURSE
(based on the sites of the French national
Assembly)**

Abstract. Parliamentary discourse is the most institutional and hermetic form of political communication. This makes electronic dialogue between citizens and parliamentary officials particularly important. The article employs "isotopy" as an instrument of interactional linguistic analysis to examine certain particularities of electronic communication and PR policy of the French Parliament.

Key words: parliamentary discourse, PR policy, French parliament communication, Isotopy of discourse, interactional linguistic analysis.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА: ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. В исследовании анализируется речевая практика Н. Ю. Белых, прошедшего путь от лидера оппозиционной партии «Союз правых сил» до губернатора Кировской области. Предлагается модель лингвистического портретирования, которая позволяет выявить динамику языковой личности политика, выполняющей разные социальные роли. На основе включенных в модель лингвокогнитивного, коммуникативного и индивидуально-речевого аспектов сопоставляются лингвопортретные варианты Белых-оппозиционера и Белых-губернатора, устанавливаются константные и переменные черты в речевом портрете политика. В лингвокогнитивном аспекте константными признаками языковой личности Н. Ю. Белых следует считать приверженность либеральным установкам, неудовлетворенность общей картиной настоящего и устремленность в будущее. В коммуникативном аспекте к числу постоянных отнесены черты агитационно-просветительской призывности и акцентирования собственного «я». Анализ речевой манеры показал, что особенности идиостиля политика менее всего подвержены изменениям. Н. Ю. Белых всегда демонстрирует книжное рациональное начало, лингвокреативность, профессиональное владение риторическими навыками. Переменные черты в речевом портрете Н. Ю. Белых вызваны переходом из оппозиционного измерения в обстановку административной работы представителя власти. Лингвокогнитивный аспект языковой личности лидера не обнаружил принципиальных изменений в ценностной ориентации, однако дискурс Белых-оппозиционера предъявляет более жесткую систему оценок, в то время как дискурс Белых-губернатора отличается тенденцией к сглаживанию острых углов и углублением в проблемный план повседневности. Коммуникативный аспект языковой личности позволил выявить наибольшую степень подвижности. Если в основе речевого поведения Белых-оппозиционера лежала интенция борьбы за власть, то Белых-губернатор ориентируется на другую цель — формирование имиджа, с одной стороны, «своего парня», с другой — воспитателя масс и удержание власти. В индивидуально-речевом аспекте выявлено, что роль оппозиционера налагала обязательство соответствовать эпатажному типу речевого поведения, принятие должности руководителя региона обусловило стилистический сдвиг в средствах конвергенции с населением.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, политик.

В лингвистике особое место занимают исследования, посвященные изучению речевого портрета. Интерес к речи личности проявлен в широком многообразии подходов и концептуальных моделей в попытке выявить идентификационные признаки оратора.

К. Ф. Седов в качестве общеродового понятия выдвигает модель коммуникативной компетенции личности, которая включает аспекты, показывающие коммуникативную составляющую разных уровней личности. Методологическим фундаментом исследования лингвистики индивидуальных различий, по мнению ученого, служит «коммуникативное (речевое) поведение, дискурс, явленный ученому в виде процесса и продукта — конкретных речевых произведений, будь то связанные и цельные тексты или результаты ассоциативных или любых иных экспериментов» [Седов, 2007: 8].

Многие исследователи пользуются методикой описания «ярких диагностирующих пятен» [Николаева, 1991], ориентируясь на наиболее показательные маркеры языковой личности. Так, речевой портрет В. Жириновского как гиперэмоциональной личности обязательно включает характеристику просодических особенностей [Китайгородская, Розанова, 2003]; портрет Г. Явлинского, обладающего высоким уровнем коммуникативной компетенции, не может обойтись без анализа репертуара жанров и приемов выразительности [там же]; в качестве речевого маркера А. Лебеда [Самотик, 2004] и Е. Ройзмана [Купина, 2007] выделено словоупотребление.

Наиболее универсальной моделью следует назвать модель Ю. Н. Караулова [Караулов, 1987], так как именно три названных им — вербальный, когнитивный и прагматический — уровни объединяют все остальные вариации.

Опираясь на данную разработку, мы предлагаем оригинальную трехаспектную модель описания языковой личности, позволяющую не только выявить идентифицирующие признаки, но и проследить их динамику в меняющихся условиях, т.е. установить константные и переменные черты речевого портрета.

Материалом для исследования послужили публичные выступления Н. Ю. Белых, прошедшего путь от оппозиционера, председателя партии «Союз правых сил», до чиновника, губернатора Кировской области. Текстовый материал, манифестирующий дискурсивную деятельность

Н. Ю. Белых, хронологически ограничен двумя периодами в биографической линии политика, важными для понимания его идиодискурса:

- первый период — с 28 мая 2005 г. по 28 сентября 2008 г. — работа в должности председателя федерального политсовета партии «Союз правых сил»;
- второй период — с 15 января 2009 г. по настоящее время — работа на посту губернатора Кировской области.

Особый исследовательский интерес направлен на изучение модификации речевого воплощения политика под влиянием меняющихся социокультурных обстоятельств, среди которых решающее значение имеет смена социального статуса.

Охарактеризуем предлагаемую нами модель речевого портрета. Лингвопортретный вариант описания личности политика опирается на дискретную организацию составляющих речевого портрета. Мера дискретности обеспечивается тремя аспектами характеристики языковой личности: лингвокогнитивным, коммуникативным и индивидуально-речевым.

Лингвокогнитивный аспект речевого портрета политика связан с описанием ключевых идеологических концептов в дискурсе личности; коммуникативный аспект раскрывается на базе понятий речеведческих стратегий и тактик; индивидуально-речевой — опирается на понятие речевой компетенции личности и обеспечивается стилистической квалификацией частотных в речевой практике личности языковых единиц.

На основе сопоставления модификаций речевого портрета Н. Ю. Белых установлены постоянные и вариативные портретные параметры. Раскроем их подробнее по каждому аспекту речевого портрета.

Анализ лингвокогнитивного аспекта языковой личности Н. Ю. Белых позволил выделить лингвопортретные варианты Белых-оппозиционера и Белых-губернатора.

В речевой дискурс Белых-оппозиционера активно введена лексема *идеология*, манифестирующая мировоззренческие ориентиры политика. Идеологические установки конкретизируются на протяжении всего текстового пространства обращением к системе либеральных демократических ценностей, включающих идеологемы *свобода*, *демократия*,

права человека, либеральные реформы. Например: **Основа нашей идеологии неизменна: свобода, демократия, права человека.** Это вера в честную конкуренцию как на рынке, так и в политике. Свобода — это наш символ веры. ... Соблюдение Конституции; ...защита федерализма, защита собственности и законности (Правое дело. Август 2007. № 15 (219)).

Стержнеобразующим элементом лингвокогнитивной стороны речевого портрета оппозиционера является организация дискурса вокруг дихотомии «свой—чужой». В рамках этой дихотомии в речи Белых-оппозиционера раскрывается концептуальное наполнение ключевых политических сфер *власть, общество и экономика*. Поляризация сфер власти, общества и бизнеса на «своих» и «чужих» происходит в рамках хронологической модели прошлого, настоящего и будущего. Так, федеральная власть в настоящем представлена как не отвечающая за собственные действия, ее субъекты характеризуются с помощью глаголов с частным значением постоянного (признакового) действия: *мы действительно привыкли к тому, что в стране никто ни за что не отвечает. Даже президент, являясь главой государства, не несет персональной ответственности ни за то, что происходит в армии, ни за Норд-Ост, ни за Беслан, ни за что* (Лекция в МГУ. 06.03.06). Виновники общенациональных проблем, «чужие» в речи Белых-оппозиционера — партия «Единая Россия» и В. В. Путин. В контексте выборов в Госдуму РФ (2007 г.) и выборов Президента РФ (2008 г.) образ «других» обретает особенно резкие черты: *отказ Путина и «Единой России» участвовать в теледебатах — это трусость* (Живой журнал. 30.10.07); *план Путина — путь в тупик* (Живой журнал. 02.12.07).

В лингвопортретном варианте Белых-губернатора сетка либерально-демократических идеологем неизменно пронизывает содержание ключевых концептов *власть, общество и экономика*. Однако к вербализации универсальных либеральных постулатов *свободы, права собственности, гражданской активности* присоединяются государственные идеологемы новейшего этапа российской политики *инновация, модернизация, технологии: с 2012 г. планируется полномасштабная реализация отложенных инвестиционных проектов. За счет этого должна измениться структура экономики, увеличиться доля инновационных производств, вырасти производительность труда* (Эксперт. 2011. 7 марта. № 9). Реальность настоящего, прошлого и будущего видится сквозь призму со-

ответствия / несоответствия этим идеалам при нейтрализации шкалы «свой—чужой». «Чужие» идеологемы теряют острую оценку или отрицательную коннотацию как таковую: *Понимаете, власть действительно существует в виде некой вертикали. Соответственно, вопросы, которые касаются текущих моментов взаимодействия, мы прекрасно решаем с «Единой Россией» и с другими структурами в регионе. Вопросы, которые носят некий идеологически-политический характер, решаются на уровне нерегиональном* (Дневник губернатора. 2010. 18 янв.). Безоценочно констатируя факт существования вертикали в структуре власти, руководитель региона не вдается в подробности взаимоотношений внутри нее, используя при этом смягченные эвфемистические обороты: *вопросы, которые касаются текущих моментов взаимодействия, вопросы, которые носят некий идеологически-политический характер* и др.).

Вне оценочной дихотомии в дискурс губернатора введены нарративные ситуации текущего регионально-локального характера: *На самом деле, хозяйственные вопросы или вопросы чрезвычайного характера, которые возникают, редко носят идеологический характер. То есть тушение лесных пожаров происходит независимо от того, сторонник ты коммунистической или либеральной идеологии* (Из интервью Lenta.ru. 2010. 1 окт.). Таким образом, политическая идеологическая доминанта в дискурсе губернатора отходит на второй план.

При сопоставительной характеристике вариантов коммуникативного аспекта речевого портрета Н. Ю. Белых мы констатируем наибольшую вариативность данной составляющей языковой личности, поскольку речеповеденческий аспект в наибольшей степени зависим от условий социального контекста, обусловлен местом политика по отношению к власти.

Коммуникативная сторона речевого портрета Белых-оппозиционера продемонстрировала особенности воплощения коммуникативных стратегий и тактик, отражающих основные интенции политика в ситуации борьбы за власть. Н. Ю. Белых — лидер оппозиционной партии, что определило набор коммуникативных стратегий. Были выявлены стратегии самопрезентации, дискредитации, самозащиты, персуазивности и агитационная стратегия. Остановимся на некоторых из них.

Стратегия самопрезентации конкретизируется последовательной реализацией тактик отождествления и дистанцирования, содержательное наполнение которых варьируется в зависимости от адресата

коммуникации. Когда адресатом является массовая аудитория, перво-степенную роль в самоидентификации играет профессиональная деятельность: лидер презентует себя как молодого, активного и успешного политика. Например: *мне 32 года / я уже два года возглавляю политическую партию «Союз правых сил» // я был избран на Съезде партии на конкурентной основе / до этого я был членом федерального политсовета партии и возглавлял одно из крупнейших региональных отделений (...) именно это [активная гражданская позиция] реализует Союз правых сил / когда включает в состав своих кандидатов именно представителей молодежи* (ТВЦ. 2007. 21 нояб.).

Стратегия дискредитации реализуется в речи политика с помощью тактики обвинения, которую можно назвать самой частотной специализированной тактикой в оппозиционном дискурсе: *Власть играет в фашизм, вскармливает фашизм, создает фашизм... Власть сознательно полярзует общество* (Коммерсантъ. 2006. 15 февр. № 27).

Коммуникативный анализ языковой личности Белых-губернатора экспонировал особенности речевого планирования стратегий и тактик в условиях удержания власти. Мы выделили ведущие в дискурсе руководителя региона стратегии самопрезентации, самозащиты, компромисса и информационно-интерпретационную стратегию. Актуализирующие их тактики представлены собственно языковыми и экстралингвистическими средствами, организующими идиодискурс политика с ориентацией на жанр и адресат.

При обращении к массовой аудитории ярко проявлена личностная доминанта, подчеркнута роль идеолога и открытость как образец реализации главного принципа либеральной коммуникации: *я действительно хочу осуществлять своими действиями в том числе и педагогические процедуры, показывая, что я готов начинать с себя. Я ввел антиалкогольную кампанию не для того, чтобы здоровье Никиты Юрьевича поправить, а для того, чтобы в рамках антиалкогольной кампании области сказать: я с себя начал* (Дневник губернатора. 2010. 18 янв.).

Стратегия дискредитации уступает место информационно-интерпретационной стратегии, приемы которой в официальных выступлениях перед коллегами совмещены с эмоционально фокусированными тактиками призыва и единения: *Я считаю, что областная власть и муниципальная должны работать в единой команде. Мы все плывем в одной*

лодке и работаем ради одной цели, которая определена, как в наших основных документах, в Уставе Кировской области, в стратегии развития области (Выступление на рабочем совещании с главами муниципальных образований. 17.03.10).

Диалогические жанры и интернет-дневник регистрируют индивидуальную специфику коммуникативного поведения Н. Ю. Белых в ситуации эмоционально-коммуникативного напряжения. Прибегая к стратегии компромисса, политик уклоняется не от ответа на запрос информации, а от субъективной оценки, которая может стать поводом для идеологического конфликта, поэтому он выбирает компромиссную срединную позицию:

И. МЕРКУЛОВА: И вот премьер-министр пишет, что цель — остановить развал интеллектуальных отраслей нашей промышленности, сохранить научно-производственный потенциал, эту цель можно считать достигнутой.

Н. БЕЛЫХ: Еще раз говорю, оценивать это, так это или нет, можно по-разному. Он объяснил свою логику, чем он руководствовался. Понятно, что кто-то может сказать: Ничего подобного! Это не произошло! Кто-то может сказать, да это произошло в полной мере, истина, как правило, лежит где-то посередине (Дневник губернатора, 30.01.12).

Своеобразна модификация индивидуально-речевого аспекта языковой личности Н. Ю. Белых.

В целом индивидуальные черты речевой манеры Н. Ю. Белых реализуются в пределах полнофункционального типа речевой культуры. Его речь отличается книжностью, аналитическим строем, в котором логичность совмещена с развернутостью: *Считаю принципиально важным отметить, что инициатива в обсуждениях исходила именно из регионов* (Правое дело. Август 2006. № 15); *Мы считаем такие подходы, во-первых, популистскими, во-вторых, экономически неверными* (Правое дело. Август 2007. № 15). В его речевом общении высок удельный вес прецедентных текстов из арсенала культуры. Например: *как сказала один из величайших реформаторов XX века Маргарет Тэтчер, которую сложно назвать популистом: «нет никакой политики. Есть люди и их семьи»* (Доклад на съезде партии, 16.02.07); *как говорил старик Дарвин, внутривидовая борьба более жестока, чем межвидовая* (Доклад на съезде партии, 23.09.07).

Как для человека с высоким уровнем речевой культуры, для Н. Ю. Белых характерна полигlossenность, которая обеспечивается талантливым усвоением социальной роли, исполняемой лидером оппозиционной партии. Поэтому наряду с книжностью речедеятельность политика отличается активным привлечением языковых экспрессивных средств, что создает повышенную эмоциональность речи. Роль борца за власть требует особого речевого поведения, отличающегося агрессией, эмоциональностью, декларативностью: ***В Европе же люди не ездят в Брюссель, если у них протекает крыша в доме!*** (Правое дело. Февраль 2007. № 4); ***У нас нет гарантий. Наша несокрушимая внутренняя свобода станет нашей гарантией. У нас нет покровителей. Миллионы людей станут нашими покровителями. У нас нет телевидения. Наша огромная команда станет нашим телевидением...*** (Доклад на Съезде партии. 23.09.07).

Индивидуальная речевая манера Н. Ю. Белых в роли губернатора, как и прежде, свидетельствует о высоком уровне речевой культуры интеллигента. Политик, демонстрируя разные типы полиглоссии, использует в своей речевой практике единицы разного стилистического регистра: для поднятия стилистического «градуса» выражения — книжную, терминологическую лексику, неосвоенные иностранные слова, или для его понижения — сниженную разговорную и грубую лексику. Например: *вопрос партий, на мой взгляд, не увеличит или не уменьшит националистических настроений, а в некоторой степени конвертирует их в такую цивилизованную парламентскую среду* (Дневник губернатора. 2012. 19 марта). Ср.: *... думаешь, елки-палки, вообще-то, собственно говоря, на эти деньги можно было и детский дом купить* (Дневник губернатора. 2012. 10 дек.). Выполняемая роль представителя власти определила появление новых признаков речевой манеры, свидетельствующих о повышении риторической смелости и усилении разговорного начала.

Подведем итоги. В речевом портрете Н. Ю. Белых на лингвокогнитивном уровне происходит модификация ценностных идей высокой степени абстракции путем их конкретизации в процессе решения региональных проблем в экономике, политике, социальной области. При неизменности либеральных идеологических установок политика переход на позиции государственной идеологии наблюдается в случае консенсуса — совпадения общих мировоззренческих позиций государства

и политика. В целом можно сказать, что у Н. Ю. Белых ядро лингвокогнитивного аспекта константно.

Изменения в речевом облике на коммуникативном уровне обусловлены отличием стратегии лидера оппозиционной партии от стратегий губернатора по своему целеполаганию. Варианты коммуникативного аспекта речевого портрета, представленные в виде набора различных, иногда прямо противоположных стратегий и тактик (ср. агитационную стратегию лидера оппозиции и стратегию компромисса хозяйственника-управленца), прежде всего позволяют говорить о речевом портрете как динамическом феномене.

Относительно индивидуально-речевого аспекта, с одной стороны, мы констатируем, что это самая устойчивая часть речевого портрета. Индивидуальная речевая манера — это сложившаяся речевая компетенция языковой личности под влиянием образования и жизненного опыта, которая наименее подвержена внешнему влиянию, а следовательно, варьированию. Мы отмечаем безусловную речевую индивидуальность Н. Ю. Белых, выраженную в предпочтительном выборе книжной речи, в строгой аналитической манере выражения мысли, совмещенной с развернутостью изложения. С другой стороны, очевидна и динамическая составляющая речевой манеры Н. Ю. Белых, которая объясняется языковыми способностями политика как образованного человека. Носитель полнофункционального типа речевой культуры, Н. Ю. Белых проявляет себя в различных коммуникативных ситуациях как языковая личность, обладающая поликодовостью, способностью переключаться на различные стилевые регистры в соответствии с предложенными обстоятельствами. Особенно ярко реализуется его речевая манера в условиях устного публичного диалога, спонтанность которого требует от говорящего автоматического владения навыками хорошей речи.

Речевой портрет современного российского политического лидера динамичен. При внутренней устойчивости убеждений и наличии стержнеобразующих качеств языковой личности политик прибегает к применению дипломатичных инструментов политической коммуникации.

Литература

- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
Китайгородская М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык: соци-

альная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 151–240.

Купина Н. А. Речевой портрет современного уральского политика / Н. А. Купина // Политический дискурс в России : Материалы 10 Всерос. юбил. семинара / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 2007а. С. 129–139.

Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 2. С. 73–75.

Самотик Л. Г. Словарь языка Александра Лебеда. Красноярск: РИО КГПУ; Изд-во «Амальгама», 2004.

Седов К. Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 6–29.

Olga I. Astashova
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

CONTEMPORARY POLITICIAN'S SPEECH PROFILE: DYNAMIC APPROACH

Abstract. It is analyzed speech practice of Nikita Belyh who have gone the way from an oppositional party "Union of the right forces" leader to Kirovskaya oblast's governor. It is offered a linguistic profiling model which lets to reveal dynamics of politician's linguistic identity playing different social roles. It is compared linguistic profiling variants of Belyh as an oppositionist and Belyh as a governor on the base included in the model linguistic-and-cognitive, communicative and individual speech aspects. It is installed constant and changing features in politician's speech profile. Commitment to liberal ideas, unsatisfaction of the present big picture and looking forward the future are constant characteristics of Belyh's linguistic identity in linguistic-and-cognitive aspect. Agitational and educational appeal and emphasizing of himself are constant features in communicative aspect. Speech manner analysis showed that politician's individual style particularities changed least of all. Nikita Belyh always demonstrates bookish rational origin, linguistic creativity, professional rhetorical skills. Changing features in Belyh's speech profile are caused by

change-over from oppositional view to official's administrative work situation. Leader's linguistic identity linguistic-and-cognitive aspect haven't found principal changes in the value system, but Belyh-oppositionist's discourse presents more obdurate value system while Belyh-governor's discourse differs in tending to tone down sharp details and deepening in problem routine plan. Linguistic identity communicative aspect let to reveal the highest degree of freedom. Race for power intention underlies in Belyh-oppositionist verbal behavior and Belyh-governor orientates on the other aim — image constructing of "one of the guys" on one hand and humanity tutor on the other hand and retention the power. In individual speech aspect it is revealed that the oppositionist role demands to accord with outrageous type of verbal behavior. Acceptance of region leader office caused stylistic changes in means of convergence with people.

Key words: speech profile, linguistic identity, politician.

АБСТРАКТНОЕ СЛОВО: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Статья раскрывает специфику содержательного наполнения и особенности функционирования в идеологическом контексте слов абстрактной семантики. Выявлены различия в оценочном использовании политической терминологии в зависимости от мировоззренческих установок субъекта речи. При включении в идеологический контекст абстрактное слово обретает смыслы, соответствующие конкретной идеологии. Прагматика может вытеснять семантику. Существуют субъективные и объективные сложности в формулировке непротиворечивых определений слов абстрактной семантики.

Ключевые слова: абстрактное слово, идеология, семантика, контекст.

Абстрагирование — универсальный метод познания, мысленное отвлечение одних свойств предметов от других. Однако при включении в идеологический контекст слово абстрактной семантики обретает смыслы, соответствующие той или иной идеологии. Это становится особенно очевидным при попытках определения содержания таких слов, как свобода или демократия, сторонниками разных политических позиций. Носитель языка нередко стремится выразить свое понимание феноменов свободы или демократии, а не дать толкование значения слова. Прагматика вытесняет семантику.

С другой стороны, может проявляться содержательная пустота идеологически заряженного слова. Это возможно при выдвигании на первый план оценочной составляющей. Примечательно, что подобное содержательное опустошение характерно и для оценочного употребления слов, которые изначально могли считаться политическими терминами. Это касается, в частности, употребления слова *фашизм* и однокоренных ему единиц — *фашист*, *фашистский*. В 1990-е годы в текстах СМИ и речах политиков можно было встретить весьма показательные примеры: «коммунофашист» и «демофашист». На русскоязычных украин-

ских сайтах в период переживаемого ныне кризиса это опустошение содержательного наполнения слова еще более очевидно. «Фашистами» называют своих оппонентов и сторонники, и противники новой власти в Киеве. Ситуация доходит до парадоксов: даже апологеты таких «социал-национальных» сил, как партия «Свобода» и «Правый сектор», говорят о «русских фашистах» во главе с «Путлером». И явно желают этим оскорбить оппонентов.

На особую значимость для политического дискурса «оценочно-референтных слов-прагмем», в которых предметное и оценочное значения неразрывно связаны, обратил внимание еще в начале 1990-х годов М. Н. Эпштейн в статье «Идеология и язык» [Эпштейн, 1991].

Исследователь указал на возникающее в результате проявления оценочности удвоение предметных отношений между лексическими единицами и формирование целостной четырехэлементной структуры — «лексической тетрады». Синонимия и антонимия предстают в тетраде в осложненном виде: 1) контрарные отношения (противопоставленность как предметных, так и оценочных значений: *свобода* — *гнет, принуждение*); 2) конверсивные отношения (предметная синонимия при оценочной антонимии: *свобода* — *распушенность*); 3) коррелятивная связь (предметная антонимия, оценочная синонимия: *свобода* — *дисциплина*); 4) субституция (отсутствие противопоставленности в предметном и оценочном планах: *свобода* — *воля*).

Описанные типы отношений между прагмемами не существуют изолированно, а образуют особую четырехэлементную структуру — лексическую тетраду следующего типа:

свобода — распушенность;
дисциплина — принуждение.

Дальнейший ход рассуждений привел М. Н. Эпштейна к утверждению о том, что позиции в тетраде занимают даже не отдельными словами, а типовыми оценочными значениями, варьируемыми множеством прагмем.

Глубокие замечания М. Н. Эпштейна и предложенная исследователем модель заслуживают дальнейшего развития, в ходе которого, однако, возникает необходимость учесть следующие уточнения, продиктованные непосредственным обращением к анализу употребления идеологически заряженных лексем.

1. Тетрада в том виде, в каком она представлена, не учитывает «полиэмоциональных слов» (Т. Б. Крючкова) — слов, которые в словарях различных идеологий имеют один и тот же денотативный, но различный коннотативный компонент значения (*капитализм, индивидуализм* и т.п.) [Крючкова, 1995].

В этой связи стоит отметить тенденцию подспудного внедрения через язык СМИ в утратившее ориентиры общественное сознание оценочных идеологических стереотипов, прививаемых обществу «сверху». Так, социально-экономический и политический термин *либерализм* и его производные, несмотря на происходящее активное переосмысление негативного опыта либеральных реформ 1990-х годов, по-прежнему отличаются сопряженностью в речи представителей власти и текстах официальных СМИ с позитивной оценкой. Сложная история соответствующего концепта в отечественной культуре XIX–XX столетий (отразившаяся, в частности, в негативной оценке, сопряженной с глаголом *либеральничать*) не учитывается.

Позитивные коннотации сопровождают в политическом дискурсе лексику *стабильность*, при этом уже никого не смущает, что утверждение самооценности стабильности (т.е. постоянства, неизменности) в соединении с призывами к реформам (т.е. изменению) в известной степени асеманлично. Корреляции с употреблением оценочно негативного слова *застой* не отмечаются (показательна и языковая игра в народной речи: соответствующая историческая эпоха нередко определяется как *застольные годы*).

На смену популярной в советском идеологическом дискурсе оппозиции «*социализм* (позитивная оценка) — *капитализм* (негативная оценка)» через устойчивую повторяемость в языке СМИ и текстах учебников утвердилась оппозиция «*рынок* (позитивная оценка) — *командно-административная система* (негативная оценка)». Об объективном экономическом анализе той или иной модели хозяйствования при такой априорно заданной оценочности терминов (по своему статусу в научном тексте призванных к беспристрастной фиксации понятия) речь может идти лишь с известной долей условности.

В советское время безусловной ценностью виделся коллективизм, идеологически противопоставляемый *буржуазному индивидуализму*. Переход к рыночным началам и развитию предпринимательской инициа-

тивы обусловил изменение оценки: понятие *индивидуализма* перестало трактоваться в сугубо негативном ключе; *коллективизм*, напротив, был подвергнут критическому осмыслению («уравниловка»). В то же время отсылки к коллективному началу, *соборности* и сейчас демонстрируют значительный воздействующий потенциал в речах и политических призывах. Ключевые слова современного политического дискурса — *единство, единый, объединение* и другие производные соответствующего деривационного гнезда. В сверхчастотности их употребления в СМИ и речах политиков усматриваются не только активные поиски властью общих для социума начал, но и проявление современных политических реалий — ассоциации с названием правящей партии очевидны.

2. Поскольку оценка в сфере идеологии напрямую связана с занимаемой конкретным говорящим мировоззренческой позицией, постольку нужно учитывать сложность и многослойность стоящего за языковым знаком абстрактного содержания. Отсюда — возможность выхода при анализе от семантического уровня к когнитивному и, соответственно, к разграничению уровней концепта языка, концепта социального страта, концепта языковой личности. Определение содержания таких слов, как *жизнь, свобода, счастье*, активно эксплуатируемых политиками, для любого носителя языка оказывается равносильно определению жизненной позиции.

Абстрактное слово нередко выступает как слово многосмысленное, а иногда и содержательно противоречивое. В политическом дискурсе это проявляется особенно ярко именно вследствие системного столкновения разных позиций и принципиального характера политической борьбы.

Демократические реформы в постсоветской России проходили под аккомпанемент рассуждений об обретении *свободы*, осмысливаемой как противоположность *тоталитаризму*. Между тем и революция 1917-го также совершалась под лозунгом *свободы* («Свобода, равенство, братство!» — призыв, подхваченный русской революцией у революции французской). И еще до этого русские мыслители критически анализировали содержательное наполнение французского *liberté*. «Что такое “*liberté*”? — вопрошал Ф. М. Достоевский. — Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобо-

да каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, кто делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно» [Достоевский, 1972—1990: 32].

В использовании идеологически заряженного слова и экспликации его содержания даже лексикографы оказываются зависимыми от собственных политических взглядов и идеологии, господствующей в стране в соответствующий период. Функцию идеологического воздействия могут выполнять и цитаты, приводимые в словарях в качестве примеров. Подобное наблюдаем, например, в советской лексикографии:

«Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб» (И. В. Сталин; пример из Толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова [Ушаков, 1934—1940]).

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» (В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература; пример из МАС [Евгеньева, 1981—1984]).

Различные понимания идеологически заряженного абстрактного слова не существуют изолированно, но пересекаются, сталкиваясь и взаимодействуя. В результате на уровне национальной языковой картины мира объем понятия размывается, а образная составляющая концепта варьируется в зависимости от интенций языковой личности.

Однако абстрактное слово, которое на общезыковом уровне может представлять содержательно размытым, для конкретной идеологии и конкретного носителя языка нередко выступает носителем первостепенно значимого содержания. И потому определение содержания таких слов оказывается равносильным определению отношения к миру, к себе и к своему месту в мире. В этом — источник «борьбы за знак», проявляющейся в идеологически значимых контекстах.

Литература

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 5. С. 32.
Крючкова Т. Б. Социоллингвистические методы исследования лексики // Методы социоллингвистических исследований. М., 1995.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.
Т. 1–4.

Энштейн М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

Alexey V. Varzin
Ivanovo State University, Ivanovo

ABSTRACT WORD: SEMANTICS AND FUNCTIONING IN THE IDEOLOGICAL CONTEXT

Abstract. The article reveals the specifics of substantive content and features of functioning in the ideological context of abstract words. Differences were found in the evaluation using political terminology depending on the worldview of the subject of the speech. Abstract word acquires meanings corresponding particular ideology, for inclusion in the ideological context. Pragmatics may displace semantics. Subjective and objective difficulties exist in the formulation of uncontroversial definitions of words with abstract semantics.

Key words: abstract word, ideology, semantics, context.

ЛЕКСИКА И ПОЛИТИКА: ЛУКАВСТВО, НАРОД, ЭЛИТА

Аннотация. На материале современных массмедийных текстов исследуются политически, социально и культурно обусловленные изменения в семантическом составе глагола «лукавить», прилагательных «народный» и «элитный/элитарный».

Недавние изменения в российской политической системе определили выбор в массмедиа для обозначения лжи глагола «лукавить», а становление рыночных отношений вызвало количественный рост номинаций межличностной лжи и обмана, передаваемых глаголом «лукавить». Современное речевое употребление лексемы «народный» свидетельствует о восстановлении присущего ей ранее уничижительного оттенка, что связано с изменением «модальной личности» российского общества, а речевое употребление лексемы «элитный» свидетельствует о ее превращении из паронима к «элитарному» в частичный синоним последнего. В то же время распространение речевого использования «элитного» на область «элитарного» сопровождается повышением степени мелиоризации семантики этого прилагательного.

Ключевые слова: семантические изменения, лукавство, народ, элита.

Лексическая система языка, как и любая сложно организованная система с множеством разнородных элементов, между которыми устанавливаются разнокачественные связи, в достаточной мере инерционна: социально-политические, экономические и культурные изменения общества, коммуникативные нужды которого она обслуживает, отражаются в ней не вдруг и отнюдь не линейно — мы, например, по-прежнему (почти по Птолемею) говорим, что солнце всходит и заходит, стреляем из пушек и пользуемся цветным бельем.

Социально-политические изменения, очевидно, прежде всего отражаются в интенсивности прямых заимствований в родной язык из чужих языков, что позволяет оперативно заполнить возникающие лексические лакуны — достаточно взглянуть на очередную волну англицизмов, которая обрушилась в последние десятилетия на русский язык. После прямого заимствования идет скрытое семантическое калькиро-

вание: нам уже рекламируют с телевизионных экранов «деликатный» вкус кофе и призывают покупать «оригинальные» запчасти к японским автомобилям. Но социально-политические изменения, как выяснилось, отражаются и на исконно русской лексике, вызывая изменения в ее семантическом составе, главным образом стилистические и оценочные.

Так, наблюдения над современным речевым функционированием в медийном дискурсе глагола «лукавить» [Воркачев, 2013а] и прилагательных «народный» и «элитный/элитарный» [Воркачев 2013], как представляется, позволяют говорить об определенных семантических сдвигах в их лексическом значении, обусловленных социально-политическими изменениями коммуникативной среды.

Со стороны говорящего основная речевая функция глагола «(с)лукавить» во всех лицах и временах, отличных от 1-го лица настоящего времени, — разоблачение какого-либо обмана, предметного или вербального. Сам же обман, выступающий объектом лукавства, представлен в той или иной степени ложной ситуацией либо ложной вербализацией такой ситуации.

Нужно заметить, что «предметный» обман передается глаголом «лукавить» относительно редко, на порядок реже обмана вербального. В подавляющем же большинстве случаев речевого употребления глагол «лукавить» передает обман вербальный, о чем чаще всего свидетельствует присутствие в ближайшем его окружении лексических единиц со значением речевой (устной и письменной) деятельности: «Он *лукавит*, когда *говорит*, “что только выполнял указания”»: по-разному выполнялись они, да и разные были указания» (Аграновский); «*Утверждая* это, Иван Григорьевич явно *лукавит* — по-видимому, в расчете на наивного читателя» (Щеглов).

Количественный диапазон «вербального обмана», передаваемого глаголом «лукавить», достаточно широк. Это может быть умолчание («пассивная ложь»): «Хотя я *слукавил*, умолчав про подвал, в моем хвастливом заявлении — неожиданная правда» (Петросян). Это может быть обычная, никак не квантифицированная ложь: «Кирилл Афанасьевич *лукавил*, комдив Виноградов вместе с начштаба дивизии Волковым и начальником политотдела Пахоменко были расстреляны» (Солдат удачи, 2003. 5 нояб.). Однако чаще всего «лукавить» номинирует ложь

частичную, «полуправду», которая вроде бы не совсем ложь и которой можно найти оправдание, о чем свидетельствует сопровождение глагола наречиями — смягчителями категоричности («несколько», «слегка», «немного», «малость» и пр.): «Наверное, он *немного лукавит*, когда говорит, что его жизненный опыт равнозначен опыту заброшенной в этот хаотический мир молекулы, которая не знает, куда ее вынесет» (Вестник США. 2003. 10 дек.).

При всей нетерпимости к лукавству в религиозном дискурсе глагол «лукавить» в современном языке значительно слабее в своей обличительной силе, чем глаголы «лгать» или «врать»: «Получается, что американцы *нагло врут*, и все это знают? — Если не врут, то *лукавят* — точно» (Комсомольская правда. 2004. 6 сент.); «Публикуя эти цифры, чиновники *не лгут* — они просто *лукавят*» (Труд-7. 2003. 19 сент.). «Лукавить» чаще всего в современной речи — это эвфемистический вариант «лгать»: «Да *лукавит* он, *если интеллигентно говорить!* — когда режиссер Леонид Якушев комментировал высказывание своего шефа, он просто кипел от возмущения» (Комсомольская правда, 2008. 24 дек.).

Субъектами лукавства в художественном и бытовом дискурсе выступают, как правило, отдельные личности вне своей социальной роли: «Как разбойник, как злодей, / Над святынями людей / Беспреданно он *лукавил*» (Мятлев). В массмедийном дискурсе лукавят уже представители профессиональных сообществ — продавцы, производители, страховщики, пивовары, банкиры, журналисты, нефтяники, сотовики, маркетологи и пр.: «Однако, по мнению аналитиков и участников рынка, региональные *банкиры* слегка *лукавят*» (РБК Daily. 2004. 14 июля); «Стоит отметить, что *пивовары* несколько *лукавят*» (Новый регион 2. 2004. 2 июля).

Лукавят и коллективные субъекты — компании и организации: «Иногда *видефирмы* малость *лукавят*, вводят в заблуждение покупателя» (Известия. 2001. 17 авг.); «И когда *профсоюзы* сравнивают коэффициент замещения заработка у нас и за рубежом, они несколько *лукавят*» (Труд-7. 2007. 25 мая). Особой же «популярностью» в дискурсе СМИ пользуются «лукавые деятели» — представители всяческих элит и институтов власти, лукавящие перед своим «партнером» — народом.

Это прежде всего политическая элита — президент, правительство, министры, губернаторы, депутаты, мэры, префекты, чиновники всех

уровней: «Помогите, пожалуйста, разобраться, в чем *лукавит* наша *исполнительная власть*?» (Мир & Дом. City. 2003. 15 апр.); «Между тем *правительство* сильно *лукавит*, связывая повышение ставки налогообложения дивидендов с борьбой по оптимизации гражданами своих доходов» (РБК Daily. 2004. 2 авг.); «Двусмысленность сложившейся ситуации невольно подталкивает к мысли, что *Президент* *лукавит*, перестраховывается, создает фигуру, которая могла бы оттягивать на себя возможное недовольство непопулярными или неграмотными действиями Кабинета» (Огонек. 1991. № 4). Это судебные институты, силовые и правоохранительные структуры, а также церковные власти: «Надо сразу сказать: господин *прокурор* явно *лукавил*» (Труд-7. 2003 16 июля).

Изменения в российской политической системе: общая демократизация общества, гласность и свобода слова, позволившие критиковать власти, с одной стороны, и наследственная боязнь «обидеть» эту власть — с другой, определили выбор в массмедиа для обозначения лжи вполне «политкорректного» глагола «лукавить». В то же самое время становление рыночных отношений, основанных на российском принципе «не обманешь — не продашь», вызвало количественный рост номинаций межличностной лжи и обмана, и тут весьма кстати пришелся глагол «лукавить».

Прилагательные, производные от ЛСВ «народ—люди» и «народ—население», аксиологически и идеологически нейтральны, прилагательные, производные от ЛСВ «народ—этнос» и «народ—нация», приобретают оценочные и субъектно-позиционные коннотации, будучи конкретизированными соответствующими этнонимами: кто-то не любит русское народное, кто-то — американское народное, кто-то — арабское народное и пр., а кто-то, наоборот, любит все это. В то же время аксиологичность и идеологичность в полной мере присутствуют в большей части речевых употреблений прилагательных, производных от ЛСВ «собственно народ» — большинство населения, трудящиеся массы, не элита.

Естественно, высокая эмоционально-оценочная тональность имени «народ» в советский период, когда народ был, по существу, тотемным идолом, кумиром эпохи, перешла «по наследству» к производному прилагательному: все народное по умолчанию оценивалось положительно — народная власть, народная армия, народное искусство, на-

родный суд, народное образование, народное достояние и пр.: «На то она и поставлена, чтоб формировать гармонически развитую личность, если, конечно, это *народная*, национальная *власть*» (Советская Россия. 2003. 19 авг.); «В СССР артисты получали звания “заслуженный”, а если очень заслуженный, то “*народный*”» (Вестник США. 2003. 1 окт.).

Лексикографические источники фиксируют с пометой «устарелое» такое значение прилагательного «народный», соотносимое с ЛСВ «народ—чернь», «народ—простолюдины», как «в дореволюционной России — предназначенный для низших слоев общества, общедоступный» [МАС, 1981, т. 2: 389]; «в эксплуататорском государстве — устроенный специально для низших слоев общества» [БАС, т. 7: 452]; «общедоступный, для непривилегированных слоев населения» [Ушаков, 2000, т. 2: 414] — «народная чайная», «народная столовая», «народное гулянье» и пр.: «14 июля пошел я в *народную баню*» (Пушкин); «Я успокоился, увидев азбуку и арифметику, изданную для *народных училищ*» (Пушкин). Однако наблюдения над современным речевым употреблением лексемы «народный» свидетельствуют о том, что с постоянно усиливающимся расслоением российского общества пейоративный, уничижительный оттенок в ее семантике постепенно восстанавливается, и лексикографическую помету «устарелое», видимо, скоро придется снимать.

В современном речевом употреблении прилагательного «народный» вырисовываются два типа оценочных оппозиций.

«Народный» как любимый народом — большинством населения — и популярный со знаком «плюс» («*Фильм* этот — воистину *народный*, любимый всеми, из тех, что можно смотреть десятки раз, и каждый раз с огромным удовольствием» — Известия. 2002. 31 марта) противостоит «народному» как доступному для народа, т.е. общедоступному и тем самым второсортному, дешевому со знаком «минус» — как сейчас стали говорить, «бюджетному» («Мы не хотим, чтобы у нас появились *народные бани* — как *народный автомобиль*, плохонький, зато дешевый» — Известия. 2001. 23 сент.).

И «народный» как проверенный временем, надежный, поскольку присущ народу, со знаком «плюс» («Хорошо, когда полезные вещи не насаждаются сверху, как те же колхозы или хрущевская кукуруза, а создаются внутри самого общества, превращаясь в бесценный *народный опыт*» — Вестник США. 2003. 23 июля; «*Народное чутье, на-*

родный вкус — суровые регуляторы речи, и если бы не эта суровость, язык в каких-нибудь пять—десять лет весь зарос бы словесной крапивой» — Чуковский) противостоит «народному» как чему-то сделанному непрофессионально, некачественно, «самопальному» со знаком «минус» («Чехардин, прищурившись, взглянул на картину: — «Народный примитив... Впрочем, не без чего-то» — Грекова).

Как представляется, пейоризация оценочных коннотаций в семантике прилагательного «народный» связана с изменением «модальной (как она называется в психологии) личности» — личности, наиболее часто встречающейся в данном обществе: на смену личности коллективистской, ориентированной на большинство, приходит личность, ориентированная на индивидуализм и элитарность, для которой общедоступность и непрофессионализм являются признаками «черни» и «быдла».

Слово «элита» — заимствование из французского языка, где оно обозначает «людей, которые считаются лучшими, самыми заметными в своей группе, в своем сообществе» [Petit Robert, 1990: 619]. Этимологически *élite* восходит к латинскому *electus*, *-a*, *-um* — страдательному причастию от глагола *eligere*, означающему 1) «выдергивать, удалять, полоть»; 2) «вырывать с корнем, искоренять»; 3) «выбирать, избирать» [Дворецкий, 1949: 316]. Между ЛСВ «лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-либо растений, животных» (элита₁) и «лучшие представители общества или какой-либо его части» лексемы (элита₂) складываются отношения метафорической производности, когда результат искусственной селекции переносится на отбор социальный, отнюдь не подконтрольный чьей-либо воле и в этом смысле «естественный».

В лексикографии у существительного «элита» фиксируются два адъективных производных — «элитный» и «элитарный», причем везде производность от ЛСВ «лучшие представители общества или какой-либо его части» отмечается лишь для последнего прилагательного: «элитарный — прилагательное к элита (во 2-м значении)» [МАС, 1981, т. 2: 758], а за «элитным» закреплена производность исключительно от «сельскохозяйственных» ЛСВ.

Судя по данным русских толковых словарей, прилагательные «элитный» и «элитарный» — паронимы: однокоренные лексические единицы, принадлежащие к одной части речи, с различным суффиксальным

оформлением и с различным значением. В то же самое время наблюдения над современным речевым употреблением лексемы «элитный» со всей очевидностью свидетельствуют о том, что она из паронима к «элитарному» превратилась в частичный синоним последнего, вытеснив его в значительной мере в функции производного от ЛСВ «лучшие представители общества или какой-либо его части»: «Эту квартиру оплатил мой отец, а разрешение вселиться в такой *элитарный дом*, конечно, получила для внучки Овчинникова» (Тарасов); «Он знает, где в Москве находится первый “настоящий” *элитный дом*, построенный в 1997 г. и пять лет подряд считавшийся самым лучшим» (Русская жизнь. 2008).

В первом шаге семантика прилагательного «элитный» расширяется по схеме метафорического переноса из биологической области в область социальную, когда «лучшие, отборные экземпляры каких-нибудь растений или животных» [Ушаков, 2000, т. 4: 1417] превращаются в «лучших представителей общества или какой-либо его части» [МАС, 1981, т. 2: 758]. В следующем шаге значение «элитного» развивается через ассоциации «лучшего» с «дорогим», а «дорогого» с престижным, имиджевым — «эксклюзивным», «премиум-классом», которые появляются в одном смысловом ряду с «элитным»: «Сначала чиновники устанавливали такую арендную плату, что она была по карману только продавцам *дорогого, элитного товара*» (Биржа плюс свой дом. 2002. 16 дек.); «В торговле к предметам роскоши еще с советских времен и до сегодняшнего дня относят: ювелирные изделия, дорогостоящую посуду, содержащую в своей отделке драгоценные металлы (золото, серебро), дорогостоящие меховые и кожаные изделия *эксклюзивных и элитных производителей...*» (Встреча. 2003. 26 февр.); «*Клубы* высшей категории (5-й) часто называют *элитными или premium*» (Карьера. 2003. 9 нояб.).

Распространение речевого использования «элитного» на область «элитарного» сопровождается повышением степени мелиоризации семантики этого прилагательного: «лучший, отборный» становится «самым лучшим, предназначенным для избранных». Процесс этот в определенном смысле дополняет пейоризацию прилагательного «народный».

Лингвоидеологический характер «элитного/элитарного» проявляется в замене положительного аксиологического знака этих лексем на отрицательный со сменой позиционирования субъекта речи — эли-

тарность приветствуется далеко не всеми: «Устойчивое теперь словосочетание “*элитный дом*” (пример: “Продаем пентхаус на Красной Пресне с видом на Белый дом под офис *элитного класса* или *элитные квартиры*”) — вот это и есть “*черная метка*”, врученная моему народу» (Илличевский); «Теперь он призывает контру отвернуть от народа *жирный, элитный зад* и повернуться к нему лицом, “что явно годится быть лицом и ягодицей» (Молния. 2001. 10 июля); «Здесь буржуи, видимо, собираются размещать бутики и *элитные фитнес-клубы*, стриптиз-бары, интим-салоны и прочую *погань*» (Правда. 2004. 29 окт.); «Куда ни плюнь — “супер”«, куда не доплюнул — «элита». *Элитные подразделения, элитарные клубы*, сливочный бомонд» (Мишин).

Прилагательные «элитарный» и «элитный» в социальной функции определяют главным образом имена, отправляющие к потреблению и условиям быта представителей «элиты» — от момента рождения до могилы. Это «лучшие» родильные дома, детсады, школы, вузы, апартаменты, товары, магазины, рестораны, клубы, курорты, клиники, гробы и пр.: «Но, родив первую дочку в *элитном столичном роддоме*, она предпочла второго ребенка рожать дома старым бабушкиным способом: негативные воспоминания о первых родах и уходе за ребенком оказались сильнее страха родить самой, даже без помощи акушерки» (АиФ. 2003); «Естественно, что *элитные детские сады* стремятся занять как можно лучшие места в городе» (Вслух о..., 2003.07.01); «Есть два типа *школ: элитные* и для шпаны» (Известия. 2001. 7 сент.); «Почему-то в этом очень трудном, *элитном* и еще черт знает каком *институте для особенно умных* не приняты были обыкновенные студенческие штучки вроде шпаргалок или списывания друг у друга контрольных во время отлучек в туалет» (Устинова); «Кино и литература выбирают красивую смерть: на яхте, в швейцарском шале, в Париже, а если в Москве, то в *элитном ночном клубе* для гомосексуалистов, политиков или предпринимателей» (Козырева); «Говорят, в *элитных клиниках* в Москве платят много, но, думаю, туда без нужных знакомств не попасть» (Известия. 2002. 24 дек.); «В рамках жесткой рыночной конкуренции похоронные бюро предлагают своим клиентам множество дополнительных услуг: фото- и видеосъемку на похоронах, оркестр, почетный караул, банкетные залы, *элитные гробы* и даже пятидесятипроцентные скидки для ветеранов ВОВ» (Хулиган. 2004. 15 авг.).

Итак, изменения в лексической части языковой системы не в последнюю очередь связаны с социально-политическими изменениями, симптомами которых они и выступают. В то же время изменения в лексике могут быть обусловлены и собственно языковыми, внутрисистемными причинами.

Изменения в российской политической системе: общая демократизация общества, гласность и свобода слова, позволившие критиковать власти, с одной стороны, и наследственная боязнь «обидеть» эту власть — с другой, определили выбор в массмедиа для обозначения лжи вполне «политкорректного» глагола «лукавить». В то же время становление рыночных отношений, основанных на российском принципе «не обманешь — не продашь», вызвало количественный рост номинаций межличностной лжи и обмана, и тут весьма кстати пришелся глагол «лукавить».

Наблюдения над современным речевым употреблением лексемы «народный» свидетельствуют о том, что с постоянно усиливающимся расслоением российского общества пейоративный, уничижительный оттенок в ее семантике, который был присущ этой лексеме лет двести назад, постепенно восстанавливается. Как представляется, пейоризация оценочных коннотаций в семантике прилагательного «народный» связана с изменением «модальной личности»: на смену личности коллективистской, ориентированной на большинство, приходит личность, ориентированная на индивидуализм и элитарность, для которой общедоступность и непрофессионализм являются признаками «черни» и «быдла».

Наблюдения над современным речевым употреблением лексемы «элитный» со всей очевидностью свидетельствуют о том, что она из паронима к «элитарному» превратилась в частичный синоним последнего, вытеснив его в значительной мере в функции производного от ЛСВ «лучшие представители общества или какой-либо его части». Распространение речевого использования «элитного» на область «элитарного» сопровождается повышением степени мелиоризации семантики этого прилагательного: «лучший, отборный» становится «самым лучшим, предназначенным для избранных».

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: АН СССР, 1951–1965.

Воркачев С. Г. «Народный автомобиль» и «элитные гробы»: ассоциативное поле лингвоидеологемы // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2013. № 1(43). С. 9–18.

Воркачев С. Г. The kinds of lie: лукавство // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2013а. № 4(46). С. 17–29.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1949.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2000.

Petit Robert: Dictionnaire de la langue française. T. 1. Paris: LE ROBERT, 1990.

Sergei G. Vorkachev
Kuban State Technological University, Krasnodar.

VOCABULARY AND POLITICS: SLYNESS, PEOPLE AND ÉLITE

Abstract. Politically, socially and culturally conditioned changes in the meanings of the verb “lukavit”, adjectives “narodnyi” and “elitnyi/elitarnyi” are investigated as reflected in contemporary mass-media texts. Recent changes in the Russian political system determined the choice of the verb “lukavit” for the nomination of lying and the formation of the market lead to more nominations of interpersonal lie and fraud expressed with the help of that verb. Modern speech usage of the lexical unit “narodnyi” gives evidence of its renewed pejorative meaning related to the change in the Russian “modal personality” and speech usage of the lexical unit “elitnyi” gives evidence of its transformation from its paronym “elitarnyi” into its partial synonym. Meanwhile the expansion of the speech usage of “elitnyi” in the domain of elitarnyi” is accompanied by a higher degree of its semantic melioration.

Key words: semantic changes, slyness, people, elite.

НОВЫЕ ТЕРМИНЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Общественно-политическая лексика характеризуется значительной динамичностью и постоянно пополняется и обновляется за счет появления новых терминов, что вызвано необходимостью зафиксировать в языке новые политические и социальные явления. Основные пласты общественно-политической лексики — международная, внешнеполитическая и внутривнутриполитическая — подвергаются изменениям в результате различного рода преобразований в политической жизни как глобального характера, так и внутри страны. С приходом к власти в Иране летом 2013 г. «умеренного» президента Хасана Роухани и сменой внутривнутриполитического и внешнеполитического курса в лексике персидского языка появился ряд новых политических терминов, рассмотрению которых преимущественно и посвящена настоящая статья. Исследование языка политики в современном Иране представляет интерес не только с точки зрения необходимости дать четкое определение тем или иным политическим реалиям, но и с точки зрения изучения словообразовательных процессов и путей развития и пополнения лексики современного персидского языка.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, современный персидский язык, новые термины.

Общественно-политическая лексика (далее — ОПЛ), как известно, представляет собой один из наиболее подвижных пластов лексики языка, что обуславливает ее постоянное обновление и пополнение.

Именно вследствие гибкости и динамичности ОПЛ современного персидского языка (далее — СПЯ) ее изучение дает богатый материал для лингвистических исследований, в первую очередь в области лексикологии и фразеологии, в частности, позволяя рассмотреть взаимодействие способов словообразования, выделить наиболее продуктивные типы словообразовательных моделей, проследить пути пополнения лексического состава СПЯ. Кроме того, речи и выступления политических деятелей представляют обширный материал для исследования стилистики, соотношения литературного и разговорного языка.

Границы ОПЛ из-за тесной связи политики с явлениями общественной жизни весьма расплывчаты. Условно здесь можно выделить ядро ОПЛ, куда входит собственно политическая лексика, определяющаяся основными концептами языка политики: «политика», «власть», «идеология» — и включающая собственно политические термины, дипломатическую лексику (отдельно — документную лексику), внутриполитическую, внешнеполитическую и международную лексику и терминологию [Ошеева, 2004].

За пределами этого ядра лежит обширный пласт периферии, куда входят элементы экономической, юридической, культурной, социальной и даже филологической лексики.

Развитие ОПЛ, как известно, определяется рядом факторов, в первую очередь лексико-семантическим, хронологическим и динамическим. Первый фактор обусловлен необходимостью дать четкое определение новому политическому явлению, второй — последовательностью появления неологизмов и частотностью употребления того или иного неологизма (впоследствии фиксирующегося как общественно-политический термин) в различные периоды времени. Третий фактор обусловлен динамикой развития постоянно меняющегося мира.

Лексика современного персидского языка, помимо спонтанного пути развития, пополняется путем создания новых терминов Академией персидского языка и литературы, поставившей в качестве одной из своих главных задач формирование «языка науки» на основе собственно персидского терминологического фонда путем изъятия из языка европейских заимствований и замены их на персидские термины [Термины..., 1999]. Этот процесс не обошел стороной и политическую терминологию, что коснулось в первую очередь ряда понятий, связанных с идеологией и политической борьбой. Так, термин «анархия» *ānārši* предложено заменить персидским глагольным полуаффиксатом *eqtedārgorizi*, европейские заимствования «деспотизм» и «доктрина» *doktrin* — сложными словами *xodkāmegi u rāhnāme* соответственно. В качестве синонима термина «идеология» *ideoloži* предлагается использовать малоупотребительное существительное *marām* с тем же значением «мировоззрение», «идеология», термин «парламентаризм» *pārlāmentārisim* заменил именной полуаффиксат *majlesmehvari*.

Масштаб изменений ОПЛ СПЯ, как и в любом другом языке, напрямую зависит от масштаба преобразований в политической жизни на глобальном, региональном и внутреннем уровнях.

Так, в *международной* лексике и терминологии СПЯ, постоянно обновляющейся за счет возникновения новых политических реалий, значительное количество новых терминов появилось после распада биполярной системы и последовавших событий. Так, в состав СПЯ вошли такие термины, как *jahāni šodan* — «глобализация», *forupāši-ye ettehad-e šowravi* — «распад СССР», *jenāyatkāri-ye sāzmānyāfte-ye farāmelliyati* — «транснациональная организованная преступность», *naqše-ye rāh* — «дорожная карта», *niru-ye narm* — «мягкая сила» (глобальный уровень); *bahār-e ‘arabi* — «арабская весна», *taškilāt-e xodgardān-e Felestin* — «Палестинская автономия» (региональный уровень); *goftogu-ye tamaddonhā* — «диалог цивилизаций», *parvande-ye hastei-ye Irān* — «ядерное досье Ирана», *yekjānebegarāyi* — «одностороннее мышление» (внешнеполитический уровень).

В случаях, когда возникает необходимость употребления нового термина из числа международных реалий, соответствующая терминология пополняется в основном за счет не прямых заимствований — калек и полукалек («мягкая сила», «арабская весна», «дорожная карта»). Значительно реже встречаются прямые заимствования — например, *rāyt sektor* — «правый сектор». Собственно персидские термины, такие как *yekjānebegarāyi* — «одностороннее мышление» (перевод предложен иранскими специалистами, смысл термина — «навязывание одной страной другим своих ценностей, в основном культурных, этических и поведенческих»), образуются по наиболее продуктивным словообразовательным моделям — аффиксации, полуаффиксации, трансаффиксации. Впрочем, недавно появился синоним этого термина, буквально передающий его значение словосочетанием — *tafakkor-e yekbo’di* (*tafakkor* — «мышление», *yek bo’di* — «односторонний»).

Во *внутриполитической* лексике и терминологии кардинальные изменения происходят в первую очередь при смене государственного строя страны, чему сопутствует, как правило, формирование новой идеологии.

В персидской *внутриполитической* лексике такие изменения произошли после Исламской революции 1979 г. Этот период отмечен появ-

лением в ОПЛ СПЯ ряда терминов, связанных с новой формой правления — Исламской республикой — и исламом, а также формированием на этой основе новой идеологии, что обусловило широкую трансформацию политической лексики СПЯ.

Известно, что в Конституции Исламской Республики Иран содержится 15 ссылок на Коран и хадисы [Конституция, 2004]. Само обоснование системы правления в статье 1 дается в терминах «веры в единого Бога» (*xodā-ye yektā*), «божественного откровения» (*vahy-e elāhi*), «божественной справедливости» (*adl-e xodā*), «преемственности имамов» (*emāmat*), иджтихада (*ejtehād*) [Весна свободы, 1994: 70; Конституция, 2004: 21–22; Гладкова, 2013: 228], т.е. обосновываются положения об опоре власти на божественные силы. Формула власти отражена в специфических терминах *valāyat-e faqih* — «правление справедливого факиха (мусульманского богослова)» и *valāyat-e amr* [Весна свободы, 1994: 67; Конституция, 2004: 12].

С позиций божественного толкуется в Конституции понятие суверенитета: «Абсолютная власть над миром и человеком принадлежит Богу, который дал человеку власть над своей общественной жизнью. Никто не может отобрать у человека это божественное право либо поставить его на службу интересов какого-то человека или группы людей» (глава 5 «Суверенитет народа и органы власти, основанные на нем», статья 56 [Конституция, 2004: 80; Гладкова, 2013: 229]). Исламская экономика «рассматривается как средство, от которого нельзя ничего ожидать, кроме лучшей производительности для достижения поставленных целей», поэтому ее программа предусматривает создание благоприятных условий для проявления творческого потенциала человека» [Конституция, 2004: 68; Гладкова, 2013: 229].

Важно, что категории «ислам» и «исламский» стали политическими терминами, зафиксированными в иранских специализированных словарях [Йазди, 1994: 251; Ноурузи, 2009: 13].

Термины, связанные с исламом, продолжают пополнять ОПЛ СПЯ и в настоящее время. Так, в разгар предвыборной кампании 2013 г. появился лозунг *jomhuriyyat hamrāh-e eslāmiyyat* — «исламский республиканизм», «республиканский строй в сочетании с исламом» (*букв.* «республиканскость» на одном пути с «исламскостью»), означающий, что «ислам невозможен без республики». Следует отметить, что *jomhuriyyat*

и *eslāmiyyat* являются новообразованиями — оба термина возникли по модели аффиксации «существительное (*jomhuri* — «республика» и *eslām* — «ислам») + арабский суффикс *-iyyat*».

Термин *jahād* — «джихад», содержание которого, как известно, уже давно вышло за рамки его традиционного значения «борьба за веру» (в современной политической терминологии персидского языка этот термин приобрел значение «движение, кампания за достижение определенных политических установок», например, *jahād-e kešāvarzi* (букв. «сельскохозяйственный джихад») — «борьба за развитие сельского хозяйства», *jahād-e dānešgāhi* (букв. «университетский джихад») — «борьба за повышение уровня высшего образования», продолжает употребляться в новых словосочетаниях.

Так, в международной терминологии СПЯ в связи с активизацией деятельности радикальных исламистских группировок, провозгласивших образование и борьбу за так называемый Кавказский эмират, появился термин *jahād-e takfiri* — «еретический джихад». Термин «джихад» здесь употребляется в своем прямом значении, но при этом носит негативную окраску, поскольку в Иране экстремистские исламистские движения резко осуждаются.

Во внутривнутриполитической терминологии также появился новый термин *modiriyyat-e jahādi* — «джихадное управление», где термин «джихад» уже имеет более широкое значение. Термин был впервые употреблен Духовным лидером ИРИ А. Хаменеи и позднее разъяснен президентом Х. Роухани на встрече с членами Кабинета министров: «джихад» в данном случае означает всеобъемлющие усилия с использованием всего потенциала страны, а «джихадное управление» — управление страной консолидированно, серьезно и последовательно [Встреча президента].

Изменения во внутривнутриполитической лексике происходят и в результате смены руководства страны, в частности прихода к власти нового президента, новой коалиции или партии, а также при обострении внутривнутриполитической борьбы, нередко связанной с предвыборной кампанией.

Так, с приходом к власти летом 2013 г. президента Х. Роухани новое руководство объявило своим лозунгом «благоразумие и надежду» — *tadbir-o omid*. Аналогичный термин употребляется и применительно к новому правительству Ирана: *dowlat-e tadbir-o omid* — «правитель-

ство благоразумия и надежды». При этом особо подчеркивается, что основное внимание в деятельности нового кабинета уделяется культуре, экономике и управлению.

Персидский язык обладает богатыми ресурсами, в число которых входит развитая синонимия. Примером служит термин *e'tedāl* — «умеренность», «уравновешенность», выбранный президентом Х. Роухани, позиционирующим себя как «умеренный» (в отличие от *osulgarāyān* — «консерваторов» и *eslāhgarāyān* — «реформаторов») для наименования своего политического направления. В терминологии СПЯ есть закрепившийся термин персидского происхождения — *miyānerow* — «умеренный» и *miyāneravi* — «умеренные» (*непс.* *Miyān* — «середина»). Однако в данном случае было выбрано малоупотребительное существительное арабского происхождения *e'tedāl*, очевидно, с целью подчеркнуть особый статус нового направления в политике. В первое время в СМИ устоявшийся персидский термин *miyāneravi* появлялся в скобках после термина *e'tedāl*, а позднее — оба термина нередко стали употребляться как копулятивное словосочетание — *e'tedāl-o miyāneravi*. Характерно, что практически сразу появился полуаффиксат *e'tedālgarāyi* со значением «линия, движение умеренных».

Среди первых терминов, введенных новым руководством и вначале несколько озадачивших исследователей — историков и политологов, оказался термин *eqtesād-e moqāvemati* (*букв.* «экономика сопротивления»). После разъяснений иранских политиков выяснилось, что под новым термином подразумевается в первую очередь выход экономики из застоя, переход к процветанию и создание «конкурентоспособной экономики».

В случае если приход к власти нового руководителя сопровождается сменой внешнеполитического курса страны, происходит обновление и *внешнеполитической терминологии*.

При новом президенте Х. Роухани произошел достаточно резкий переход от «жесткой линии» — *siyāsat-e tond*, характеризовавшей внешнюю политику М. Ахмадинежада, к «политике умеренности» — *siyāsat-e e'tedāl-o miyāneravi*. Здесь перемены связаны прежде всего с курсом, взятым на «конструктивное взаимодействие с Западом» — *ta'āmol-e sāzande bā qarḩ*. При этом приоритет по-прежнему отдается одному из важнейших направлений — *tanešzedāyi* — «разрядке напряженности»,

однако новый акцент делается на *ijād-e e'temādsāzi bā qarḥ* — «создание взаимного доверия с западным миром».

Важнейший термин, характеризующий внешнеполитический курс ИРИ на современном этапе, — это *ārmāngarāyi-ye vāqe'garāyāne* — «реалистический идеализм». Под этим термином подразумевается, что, «опираясь на основополагающие принципы своей внешней политики (в частности, *jomhuriyyat hamrāh-e eslāmiyyat* — «исламский республиканизм», *'adālatxāhi* — «стремление к справедливости», *nafy-e nezām-e estekbār* — «отрицание гегемонизма», *hamāyat az mostaza'fin* — «поддержка обездоленных», *nafy-e nezām-e nā'ādelāne-ye eqtesādi* — «отрицание несправедливой экономической системы» и др.), Иран в период доминирования «умеренного подхода во внешней политике» (*e'tedālgarāyi dar siyāsat-e xāreji*) должен реалистично и с учетом современной внутренней и внешней обстановки действовать на благо укрепления своих национальных интересов» [Симбар Реза].

Появился и ряд новых терминов, связанных с ядерной программой Ирана. После женевских переговоров «шестерки» (*goruh-e panj be 'alāve-ye yek* — букв. «группы “пять плюс один”») весной 2014 г. акцент в переговорной лексике сместился от отстаивания интересов Ирана (*haqq-e mosallam-e Irān barā-ye estefāde-ye solhāmiz az enerži-ye atomi* — «неотъемлемое право Ирана на мирное использование ядерной энергии») в сторону экономической тематики. В частности, в обиход вошли метафорические термины *mozākerāt-e bord* — *bord* — «взаимовыгодные переговоры» (букв. «выигрыш—выигрыш») и *mozākerāt-e bord* — *bāxt* «односторонние переговоры» (букв. «выиграл—проиграл») с намеком на то, что Запад старается определить для себя наиболее выгодные условия в переговорах с Ираном по поводу «смягчения санкций» — *sost šodan-e tahrīmāt*. Появились и другие метафоры, например *arabe-ye tahrīmāt rā motavaqqef kardan* — «приостановить санкции» (букв. «остановить повозку санкций»). Кстати, новое определение западных политиков — *bājgirān* — «мздоимцы» (букв. «сборщики податей») также говорит о смещении акцента в сторону экономической тематики с определенным негативным оттенком.

Позднее, после очередного раунда переговоров, когда достижение *tavāfoq-e jāme'-e hastei* — «комплексного соглашения по ядерной программе» зашло в тупик, в переговорной риторике появился термин *tahmil* — «навязывание» (в контексте того, что Иран не пойдет на навяз-

зываемые ему условия). Термин *tahmil* — «навязывание» в политической терминологии СПЯ устойчиво ассоциируется с Ирано-иракской войной 1980–1988 гг., именуемой в Иране *jang-e tahmili* — «навязанной войной».

Учитывая, что в течение ряда лет страна находилась не только под давлением санкций, но и под угрозой прямого вмешательства извне, в политической терминологии СПЯ отчетливо присутствует элемент героики, особенно в том, что касается характеристики качеств иранского народа, где основными терминами являются *esteqāmat*, *isārgari*, *istādegi* — «стойкость», «мужество». Деяния народа на протяжении тридцати пяти лет после Исламской революции именуются термином *hamāse* — «героика», «эпос», а новый внешнеполитический курс страны — *narmeš-e qahremānāne* — «героическое смягчение».

Подвижность ОПЛ характеризуется не только появлением новых терминов, но и достаточно быстрым переходом неологизмов в категорию историзмов.

Примером могут служить такие внутривополитические термины ОПЛ СПЯ, как *sodur-e enqelāb* — «экспорт революции» и *eqtesād-e towhidi* — «тоухидная экономика», появившиеся непосредственно после Исламской революции и в настоящее время малоупотребительные ввиду отказа от соответствующих программ и лозунгов.

Термин *tanešzedāyi* — «разрядка напряженности» в европейской политической терминологии относится к категории историзмов — политического обихода 1970-х годов, в то время как в ОПЛ СПЯ, как уже отмечалось выше, — это один из важнейших терминов, определяющих внешнеполитическую платформу ИРИ [Гладкова, 2013: 233].

Динамику развития ОПЛ в хронологическом аспекте интересно проследить на примере *дипломатической лексики*, представляющей собой наименее «подвижный» пласт ОПЛ СПЯ, где на протяжении десятилетий основные дипломатические термины остаются неизменными. Это относится, в частности, к наименованиям документов (*yāddāšt* — «нота», *movāfeqatnāme* — «соглашение», *qarārdād* — «договор»), дипломатических должностей (*vābaste* — «атташе»), названиям дипломатических представительств (*konsulgari* — «консульство») и т.д.

Однако дипломатическая лексика на протяжении многих десятилетий претерпела значительные изменения, связанные как с переменами внутри государственного строя (например, сменой династий в эпоху

монархии), так и с кардинальными внутренними преобразованиями (свержением монархии и установлением исламской республики).

Так, названия ряда придворных должностей, начиная с правления династии Сефевидов (XVI–XVIII вв.), составляли термины тюркского и арабского происхождения, просуществовавшие до XX в. (например, «церемониймейстер» — *işikāqāsi*). В современной дипломатической терминологии тюркский термин заменило словосочетание *ra'is-e tašrifāt* — «начальник, шеф протокола», впрочем, тоже состоящее из арабских слов. Термином *sadr-e a'zam* в период правления династии Каджаров (XVIII–XX вв.) именовали должность премьер-министра, однако в современной персидской политической терминологии его заменил персидский термин *no(a)xostvazir* (букв. «первый министр»), а термин *sadr-e a'zam* стал употребляться в значении «канцлер». Арабский термин *monši ol-mamālek* — «министр иностранных дел» (букв. «государственный секретарь») в середине 50-х годов был заменен персидским *vazir-e omur-e xāreje*.

В дипломатической терминологии последних лет также можно наблюдать отдельные изменения. В частности, дипломатическая должность советника в настоящее время получила наименование *rāyzaṅ* (вместо ранее употреблявшегося термина *mošāver*). Одним из результатов деятельности Академии персидского языка и литературы стало появление таких терминов, как *konsulyār* — «вице-консул», *faryār* — «офицер протокола на дипломатических церемониях».

Язык политики («политический дискурс», именуемый в СПЯ термином *goftemān-e siyāsi*, а в чисто лингвистическом аспекте *motun-e siyāsi* — «политическими текстами») в современном Иране в последние годы стал привлекать все большее внимание как политиков, так и исследователей-языковедов. В статье министра иностранных дел ИРИ Мохаммада Джавада Зарифа, опубликованной в журнале *Foreign Affairs*, говорится о том, что «во внешней политике, в особенности в современных условиях, язык приобретает все большее значение ... и для установления связи с народами, правительствами и многочисленными ... организациями требуется профессиональный язык, понятный всем другим» [9].

Эти идеи весьма созвучны предложенной в начале нашего века Президентом Ирана С. М. Хатами (1997–2003 гг.) концепции диалога цивилизаций, где одним из основных постулатов был термин *digarpaziri*

(*букв.* «принятие других») — «способность принимать точку зрения других людей», умение не только говорить, но и слушать.

Язык политики в современном Иране, как и общественно-политическая лексика персидского языка, еще недостаточно изучен и представляет собой широкое поле для исследований. Важно отметить, что политики в Иране — в основном люди высокообразованные и уделяют значительное внимание персидскому языку, который, как известно, является в стране национальным достоянием.

Литература

Весна свободы // Приложение к журналу «Третий взгляд». М., 1994. 144 с.
Встреча президента ИРИ с членами кабинета министров. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://president.ir/fa/76213>.

Гладкова Е. Л. Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка. М.: МГИМО-Университет, 2013. 316 с.

Йазди А. Словарь политических терминов. Тегеран, 1994. 178 с.

Конституция Исламской Республики Иран (на персидском языке). Тегеран: Нашре Доуран, 2004. 112 с.

Ноурузи М. Англо-персидский словарь политических терминов. Тегеран: Нашре Ней, 2009. 597 с.

Ошеева Ю. В. Политическая лексика и фразеология русского языка: 1995–2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2004. 21 с.

Симбар Реза. Первостепенные задачи внешней политики Ирана. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20140326/218907742.html>; (на персидском языке) <http://www.tabnak.ir/fa/print/390848>.

Статья министра иностранных дел ИРИ в журнале *Foreign Affairs*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iridiplomacy.ir/fa/page/1931792>.

Термины, принятые Академией персидского языка и литературы: общая терминология: В 2 ч. Тегеран, 1999. Ч. 2. 54 с.

Elena L. Gladkova
MGIMO University, Moscow

NEW TERMS IN POLITICAL VOCABULARY OF THE MODERN PERSIAN LANGUAGE

Abstract. The language of politics in Iran is an area which has not been sufficiently explored by linguists. One of the most important features of political

vocabulary is its flexibility and mobility. Political vocabulary constantly changes along with the modern world of politics. New terms appear as a result of changes both at the global and internal level. Quite a few of new political terms have appeared in the modern Persian language after President Hassan Rowhani — the “moderate” politician — came to power, which led to some very important changes in the Islamic Republic approach both as regards its foreign and domestic policy. This article deals with the terms related to foreign and domestic policy and partly — with the chronology of changes in the vocabulary of diplomatic terms.

Key words: political vocabulary, new terms, modern Persian language, President H. Rowhani.

МЕМЫ И ФРЕЙМЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: СОЦИОДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье описываются и классифицируются мемы, появившиеся в ходе событий украинского кризиса 2013–2014 гг. Проведено когнитивное картирование мемплекса «(Евро)майдан» и определены составляющие его основные семантические поля. Сделан вывод о том, что мем является мощным орудием информационной войны и средством конструирования общественного сознания.

Ключевые слова: мем; Интернет; информационные войны; пропаганда; когнитивный мэппинг.

Как известно, мемом (англ. *meme*) считается единица культурной информации — любая идея, символ, фраза, образ, передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т.д. Термин и концепция мема были предложены биологом Ричардом Докинзом в 1976 г. в книге «Эгоистичный ген». Докинз представил идею о том, что вся культурная информация состоит из базовых единиц — мемов, так же как биологическая информация состоит из генов [Dawkins, 1989]. Причем спонтанному массовому распространению подвержена не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет людей равнодушными к ней.

Мемы могут объединяться в группы для совместного овладения умами носителей и для усиления в борьбе за них, формируя комплексный мем, или мемплекс. Распространяемые через СМИ мемы нередко именуется медиавирусами, а мемы, распространяющиеся через Интернет, — интернет-мемами (известные примеры последних — «Превед медвед» или Facepalm). По нашему мнению, в современных условиях тотальной дигитализации интернет-мемы служат активным инструментом фреймизации общественного сознания, закладывая в него определенные рамки-фреймы.

Украинский кризис, как любое важное социальное явление, событие, породил собственные мемы и мемплексы. И исходным комплекс-

ным мемом можно считать само понятие «Евромайдан», описывающее обстоятельства, при которых бывшая оппозиция пришла к власти в Киеве, а также последовавшие за этим события в Крыму и на юго-востоке Украины. Вот как этот мем вербализован в Lugkmoге — вики-проекте, посвященном интернет-мемам: «Евромайдан — многосерийная драма с элементами жертвоприношений, фарса, трагикомедии, цирка, перформанса... и реалити-шоу. Премьера состоялась 21 ноября 2013 г. на Майдане Незалежности в Киеве, в дальнейшем действие охватило всю страну. Название #Евромайдан пишется со знаком #, отмечающим тэг, распространена также замена первой буквы на символ €».

Можно провести когнитивный мэппинг (картирование) мемплекса «(Евро)майдан» и определить составляющие его основные **семантические поля**: (1) участники (субъекты) — люди (а иногда и животные), организации, стороны, (2) артефакты (объекты), (3) события, (4) местности, (5) девизы, идеи. Причем каждое когнитивно-семантическое поле, в свою очередь, распадается на две подобласти, обозначающие противодействующие стороны конфликта (есть Майдан и есть Антимайдан), и эти две подобласти выступают во взаимоотношениях пейорации и троллинга друг к другу.

Так, в число мемов, обозначающих противников «старой власти» (свергнутого в феврале 2014 г. президента), **первого семантического поля «участники»** входят следующие мемы: *майданистики* (отсюда глаголы — майданить, майданничать), *майдауны*, *майданутые*, *онижедети* (иногда в варианте *анижедети*), *мирные протестанты* (особенно как подписи к изображениям людей, вооруженных дубинами и цепями), *побиті діти* (избитые дети — визуальным символом этого мема стало фото американской актрисы Хлои Морец с постера к фильму «Саргіе» с окровавленным лбом и украинским флагом на щеке, добавленным с помощью фотошопа), *девочки с кружевными трусами («хочу кружевные трусики и в ЕС»)*, *западєнці*. Сюда же входят *сотник*, *сотня*, *небесная сотня*, *киберсотня*, *диванные войска* (последний мем может применяться и в отношении интернет-пользователей, активно выступающих на противоположной стороне). После победы Майдана эту область мемов дополнили *псы*, *правосєки*, *нацики* и *нацигады* (бойцы Национальной гвардии — *нацигвардии*); *хунта*; *крымчанка — дочь офицєра*; *баунти-хантеры*. Еще одним элементом этого семантического мем-поля являются

троллинговые именованья представителей Западной и Центральной Украины: *укры, укропы, каклы*.

В число мемов, обозначающих противников Майдана, входят следующие: *антимайданички, Беркут, беркутята, киберберкут, титушки, Злочинна Влада, Проффесор* (именно с такой орфографией) и *Панда*. С переходом событий от Киева на юго-восток страны добавились *сепаратисты, федералисты, Бабай, Стрелок, ватники, колорады (колорадские жуки)*.

Два последних представляют особенный социолингвистический интерес: во-первых, это чрезвычайно яркие примеры «расчеловечивания» противника — приема, используемого в пропаганде и в информационных войнах, при котором специальная номинация представляет противника не как человека, а как неодушевленный предмет или животное, тем самым ликвидируя естественный гуманизм в отношении к этому противнику.

Во-вторых, эти два интернет-мема в последнее время наглядно демонстрируют явление, которое мы предлагаем назвать «вторичным осваиванием с мелиорацией значения»: эти изначально отрицательные мемы были взяты на вооружение («освоены») теми, кому они предназначались, и блогеры — противники Майдана гордо разместили на своих аватарках и в демотиваторах изображения символов американского штата Колорадо, флагов испанского сопротивления (обыгрывая исторические смыслы слова «*colorado*») и даже колорадского жука, побеждающего клопа или таракана. Нередко встречаются и соответствующие сетевые ники и мем-фразы (например, *ватник* часто рифмуется с названием нового защитного военного обмундирования «Ратник»), а также текстовые и визуальные материалы, в которых ватник ассоциируется с трудовыми и военными победами простого народа.

Особого анализа заслуживает и мем (точнее, целый мемплекс) *вежливые люди* (в этот же комплекс входят и мемы *вежливые, вежливо, вежливость города берет, в вежливом Крыме вежливы люди вежливо просят* и т.п.). Автор мема — крымский журналист и общественный деятель Борис Рожин, в Интернете известный под ником «Полковник Кассад» [Рожин, 2014a].

В своем блоге в Живом Журнале <http://colonelcassad.livejournal.com/> он описывает, как был создан мем: «Мем родился чисто случайно, без

всякой связи с последующей российской пропагандой. Пошел он формально из моего поста «Вежливые люди захватили 2 аэродрома в Крыму», написанного ночью 28 февраля, где цитировалось одно из первых сообщений о захвате аэродрома, сами знаете кем. Звучал этот кусок так. Аэропорт Симферополя захвачен неизвестными вооруженными людьми... Начальник охраны сообщил, что его людей вежливо попросили выйти... мем обрел определенную популярность в соцсетях и блогосфере (примерно со скоростью «Превед-медвед») и потом уже был подхвачен российской пропагандой, для которой он оказался полезен в силу своей позитивной коннотации, избавляющей от необходимости придумывать более сложные объяснения для разъяснения ситуации по неопознанным вооруженным людям, захватывающим украинские объекты, превращая, по сути, часть проблемы в шутку на грани фарса (причем что забавно, шутка удалась настолько, что даже путчисты начали использовать это выражение, гневно разоблачая, что это, мол, никакие не «вежливые люди», а сами настоящие не вежливые оккупанты, лишний раз демонстрируя свой идиотизм и отсутствие чувства юмора), которая расползлась из блогов и соцсетей по государственным пропагандистским каналам, вплоть до Путина» [Рожин, 2014б].

Помимо своей двойной пользы («деликатная номинация» тех, кого прямым текстом называть было нежелательно, и формирование положительных коннотаций), данный мем был еще и эффективно противопоставлен другому мему — *онижедети*, который утратил свою функцию формирования позитивного общественного мнения (поскольку уже не ассоциировал майдановцев с побитыми полицией детьми, вызывая прежнее сочувствие, а создавал уже сатирические противоречия в сознании граждан, видящих в протестантах опасных боевиков, но не мирных подростков). При этом новый мем *вежливые (люди)* стал выполнять именно эту важную роль, тем самым воплощая социальную функцию мема как средства конструирования общественного сознания.

Вскоре мем вошел в онлайн-лексикографию (например, в «политическом словаре» портала <http://guxpert.ru> термин «вежливые люди» трактуется следующим образом: «молчаливые вооруженные люди без опознавательных знаков, которые после бандеровского госпереворо-

та в Киеве внезапно появились в Крыму с целью обеспечения мира и безопасности. Также известны как «зеленые человечки». Отличаются вежливостью и спокойствием, очень качественно экипированы. С удовольствием фотографируются со льнущими к ним местными жителями и жительницами, денег за фото не берут. Ходят слухи, что это российские военные либо работники какой-то загадочной ЧВК (частной военной компании), но, по официальной версии, это местное крымское ополчение, которому добрые люди помогли с техникой и экипировкой».

Мем разросся до масштабов мемплекса: появились устойчивые выражения, стихи, пословицы и поговорки на эту тему (например, «Вежливость города берет»), был создан твиттер-аккаунт Вежливых людей, сочинен Гимн Вежливых людей, придумана «Азбука Вежливых людей». Мем стал брендом в прямом и переносном смысле: товарный знак с таким названием пытается зарегистрировать «Военторг», Министерство обороны, и гражданские бизнесмены выпускают одежду и сувениры с соответствующими логотипами и надписями.

Между тем исходные «корни» этого мема можно проследить в цитате из книги М. Булгакова «Дни Турбиных»: «Красные уже в Слободке. Через полчаса будут здесь. — А почему стрельбы нет? — Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!»

Наконец, небезынтесным элементом семантического поля «участники» являются животные — *кот* (*спасибо, что я больше не кіт* — с возможной аллюзией на еще одну булгаковскую цитату из «Белой гвардии»: «Так вот спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется»), *собака-сепаратяка* и др. Здесь имеет место наложение и синергизация мемов: как известно, коты и прочие «мимишные» животные входят в топы-рейтинги популярности интернет-образов, что и используется для создания синергетического эффекта при добавлении к ним узнаваемых символов украинского конфликта — вербальных и визуальных (кот в камуфляжном костюме, собака в маске-балаклаве и т.п.). Успешным использованием синергизации мемов можно считать *вежливую кошку Шойгу* (возникшую из фразы, которую ряд СМИ приписывают российскому министру

обороны — «Трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Это тем более глупо, если эта кошка умная, смелая и вежливая»).

Второе семантическое поле — артефакты (объекты) украинского кризиса — составляют мемы *йолка* (или елка), *золотой унитаз* или *золотой батон*, *печеньки Нуланд*, *майданский чай*, *коктейли Молотова*, *линия Таруты*, *георгиевская лента* и др.

Третье поле — события — включает собственно мемы *Евромайдан* и *Майдан*, *ленинопад*, *оккупендум* и *блеферендум*, *перемога*, *санкции Обамы*, *карусель Псаки*, *русская весна* и др.

Четвертое поле — местности — состоит из мемов, представляющих троллинговые именованья страны и территорий — *Укропия*, *Юкрейн*, *Внаукраина*, *Руина*, *Хохланд*, *Каклостан*, *Луганда*, *Даунбас* и др.

Впятомполе — девизы и идеи — сосредоточены мемы-слоганы: *Україна — це Європа!*, *Україна — не Росія*; *Ви не розумієте Майдана*; *Панду геть*; *Топаз, дай команду!*, а также несколько мемов, представляющих старые националистические лозунги, часто сатирически переделанные (вместо *Хто не скаче, той москаль* — новый вариант: *ми не скачем, ми — москаль*; *сало уронили, героям сала* (или *саван*) — причем буква «г» в слове «героям» может заменяться на «х»; приведем в качестве примеров «финансово-экономические» варианты таких переделок — *Гривну уронили*, *Дефолту слава!*, *Стабільняку на гияяку, здоровий смисл на ножі!*). Здесь же мемы *не все так однозначно*; *Няш-мяш Крым наш*, а также ряд хэштэговых мемов — «#SaveOurGuys» и «#SaveDonbassPeople» и т.п.

Социодискурсивный обзор мемов украинского кризиса и их когнитивное картирование наглядно показали, что мем может служить мощным орудием пропаганды и информационной войны и быть эффективным средством конструирования общественного сознания.

Литература

Рожин Б. Вежливые люди захватили 2 аэродрома в Крыму. 2014а. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://colonelcassad.livejournal.com/1440088.html>.

Рожин Б. О происхождении «вежливых людей». 2014б. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://colonelcassad.livejournal.com/1500222.html>.

Dawkins R. The Selfish Gene. 2nd ed. Oxford University Press, 1989.

Yulia V. Danyushina
State University of Management, Moscow

MEMES AND FRAMES OF THE UKRAINIAN CRISIS: A SOCIO-DISCURSIVE ANALYSIS

Abstract. The paper describes and classifies the web memes that appeared during the events of the Ukrainian crisis of 2013–2014. A cognitive mapping of the memplex «(Euro) maidan» is provided, and its constituent basic semantic fields are identified. The conclusion is made that the meme is a powerful tool of information warfare and a means constructing public consciousness.

Key words: meme; Internet; information wars; propaganda; cognitive mapping.

ПРАГМАТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАСТРАХОВ ГОСУДАРСТВА*

Аннотация. Исследование показывает, что культивирование политических медиастрахов и кардинальное изменение установок в сознании людей возможны в определенных социально-политических и экономических условиях и при массовой пропаганде в СМИ. Данная статья посвящена изучению прагматического аспекта политических медиастрахов государства. Установлено, что в современных массмедиа политический страх государства раскрывается в страхе войны, терроризма и конкуренции. Для вербализации страха войны, борьбы государственными политическими деятелями используются различные тактики агональной функции как основные методы воздействия на оппонентов. Для сближения с оппонентами и избирателями политиками реализуются тактики гармонизирующей функции.

Ключевые слова: медиастрахи, политические медиастрахи государства, установки в сознании, пропаганда, прагматика, страх войны, страх терроризма, страх конкуренции, тактики, методы воздействия, агональная функция, гармонизирующая функция, политики, оппоненты, избиратели.

Тематические классификации страхов основаны на выделении объекта или субъекта страха, сферы его реализации [Изард, 1999]: социальные, политические, экономические, бытовые, деловые, педагогические и другие страхи. В связи с тем что политические медиастрахи [Желтухина] наиболее распространены в современном обществе, остановимся на них подробнее. Политические страхи понимаются как эмоции, возникающие в ситуации политической угрозы внутри одного государства или в международной сфере. Медиавоздействие на чувства и эмоции адресата осуществляется в нужном для адресанта направлении, а именно в информировании о возможных угрозах в СМИ, в формировании определенных страхов, страхов реальных, невротических, страхах совести и т.п.

* Исследование реализовано при финансовой поддержке Минобрнауки России для выполнения государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания (код проекта: 1417).

Политический страх государства раскрывается в страхе войны, терроризма и конкуренции. При этом страх войны преобладает в современном обществе. Существуют разные теории, согласно которым главные причины появления войн могут отличаться, но нельзя забывать, что основу многих теорий причин возникновения войн составляет агрессивная сущность человека [Durbin, Bowlby, 1939]. Она активизируется сублимацией и проекцией, превращением человеческого недовольства в предубеждение и ненависть к другим религиям, расам, идеям, идеологиям. Согласно данной теории государством создается и сохраняется определенный порядок в социуме при одновременном формировании основы для агрессии в форме войны [Durbin, Bowlby, 1939]. Война выступает объектом страхов как государств, политических лидеров, так и народа, которые по-разному испытывают и выражают страхи. О войне говорят и в отечественных, и в зарубежных СМИ. **Война** понимается как *конфликт между политическими образованиями* — государствами, племенами, политическими группировками и т.д., который реализуется в форме военных (боевых) действий, вооруженной борьбы (с использованием вооруженных сил) между ними [Бутенко, Миронов, 1998], а также как *продолжение политики насильственными средствами* [Клаuzeвиц, 2008].

В американских СМИ большей частью речь идет о глобальной войне, исход которой не сулит ничего хорошего для всего человечества. Основной работой, касающейся этой темы, является работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1998). Необходимо отметить, что с 1990-х годов эта работа пользуется огромной популярностью и, возможно, оказала значительное влияние на американское общество. Название данной работы прогнозирует, что грядущая война будет глобальной и затронет если не весь мир, то огромную его часть. В отличие от других американских авторов, которые писали о войнах, С. Хантингтон говорит не о войнах между племенами, государствами, народами, а о войне между двумя цивилизациями: Западом и Востоком, между христианским Западом и исламским Востоком. Он объясняет причины возникновения войны агрессивной сущностью человека, отмечает, что главная проблема заключается в культурных различиях стран. Одни хотят сохранить территориальную целостность, другие нажиться на богатствах первых и т.д. Говоря о страхах политиков, С. Хантингтон

использует глаголы, которые выражают неуверенные действия. Например, в восьмой главе автор говорит: *«Запад пытается и будет продолжать пытаться сохранить свое высокое положение и защищать свои интересы, называя их интересами мирового сообщества»* [Хантингтон, 1998]. Глаголы *«пытается»* и *«будет продолжать пытаться»* выявляют слабую сторону европейских политиков, которые в течение продолжительного времени не смогли установить свое признание во многих странах мира. Автор также часто использует агрессивно окрашенную лексику. Например, *«фундаментальные различия»*, *«антагонистичные отношения»*, *«глобальная война»*, *«война цивилизаций»*, *«война религий»*.

Подобные выражения применяют и другие американские авторы, например К. Зигфельд, заявляющий о глобальной войне и использующий лексему *«революция»* (American Thinker. 18.11.2010). К другим ярким примерам, реализующим агональную функцию через тактики угрозы, компрометации, игнорирования, можно отнести: *The world in expectation of revolution* (здесь и далее жирный курсив наш. — М. Р.) / *Мир в ожидании революции* (American Thinker. 18.11.2010); *Стратегические недостатки нового сдерживания* (The American Conservative); *Кто будет определять процветание планеты?* (The National Interest. 24.04.2014); *Заблуждения американских «ястребов»* (The American Conservative. 22.04.2014); *В выходные дни Питер Бейкер (Peter Baker) из New York Times сообщил, что администрация Обамы теперь откажется от своих давних отношений сотрудничества с Россией (в рамках многократно высмеянной политики «перезагрузки») и перейдет к политике изоляции в попытке ограничить «экспансионистские амбиции» России в ближнем зарубежье и, по сути дела, превратить ее в государство-изгой. По словам Бейкера, администрация фактически привела в соответствие с требованиями сегодняшнего дня политику сдерживания времен холодной войны, автором которой является Джордж Кеннан (George F. Kennan). Смысл ее идеи заключается в том, чтобы сформировать общемировой консенсус против ревизионистской внешней политики России.*

На первый взгляд такой замысел вполне разумен и указывает на то, что администрация отходит от своего бессистемного отношения к разрушающимся российско-американским отношениям, отдавая предпочтение стратегической и более долгосрочной концепции... Опять же, к сожалению, изложенный Бейкером новый подход кажется очередным примером

того, как администрация Обамы за лесом не видит деревьев и не понимает, что политика изоляции и наказания России за ее провокации на Украине хоть и может принести в ближайшее время удовлетворение, но из-за нее США будет гораздо труднее отстаивать свои интересы национальной безопасности в гораздо более важных районах, чем Украина (The Containment Revival's Strategic Shortcomings. 24.04.2014. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20140425/219833224.html#ixzz2ztXpLAPv>). В своем годовом прогнозе на 2014 год компания «Stratfor» (американская частная разведывательно-аналитическая компания, которую некоторые называют «теневым ЦРУ». — Примеч. пер.) посчитала, что России удастся нейтрализовать Украину после того, как бывший президент Виктор Янукович решил отказаться от подписания соглашения об ассоциации с ЕС. Аналитики компании, как сказано в ее «Прогнозе на II квартал 2014 года», ждали демонстраций, однако не рассчитывали на то, что Соединенные Штаты и европейские страны воспользуются протестами и нанесут удар по самому чувствительному для России месту на ее периферии.

Эти откровения «Stratfor» так и не были опубликованы и прокомментированы американскими СМИ — слишком уж они откровенны и не укладываются в пропагандистское руло. Скорее всего, их даже и в редакциях особо не читали. А стоило бы. «То дежавю холодной войны, что воцарилось в Евразии в последние месяцы, ни в коей мере не является ни началом, ни окончанием американо-российского противостояния. «Stratfor» следил за приливами и отливами этой борьбы, в том числе за оранжевой революцией 2004–2005 годов, в ходе которой американские и европейские неправительственные организации пытались, но так и не смогли надежно привязать Украину к Западу, а также за российским вторжением в Грузию в 2008 году, которым Путин продемонстрировал пределы возможностей Запада по оказанию поддержки странам, находящимся по периметру России». Таков вывод аналитиков о текущей ситуации.

А вот что, по их предположению, будет в не столь отдаленном будущем: «Мы ждем, что вспышка первого квартала угаснет и ситуация вернется в те рамки, которые определяли ее на протяжении основного периода холодной войны. Соединенные Штаты и Россия отказываются от выдумки о том, будто они координируют свою политику с расколотой Европой. Конечно, обе стороны будут обсуждать с европейцами различные вопросы, но границы нынешней конфронтации будут определяться

на переговорах между США и Россией». А Украина сохранит свое перво-степенное значение для Москвы. Однако то, что позволено американским аналитикам, не позволено американским журналистам. Хотя некоторые из них достаточно отчетливо, как Николас Гвоздев в «The National Interest» (17.04), показывают предысторию проблемы: «Кризис на Украине все равно нельзя занести в разряд совершенно непредсказуемых событий с серьезными последствиями, которые мы по факту пытаемся предста-вить более объяснимыми.

Переговоры о заключении соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом шли несколько лет, и Россия громко и отчетливо излагала свои возражения по поводу различных положений этого договора». Тем не менее следует признать, что ситуация с освещением украинского кризиса несколько изменилась, причем в лучшую сторону: некоторые ведущие и популярное издания позволили себе признать украинский кризис внутренним делом этой страны. Основанием для этого в значительной степени послужила четырехсторонняя встреча по Украине в Женеве 17 апреля. По мнению самой многотиражной газеты США — «USA Today», чтобы разрядить кризис на Украине, потребуются гораздо более существенные меры, чем то соглашение, которое дипломаты достигли в четверг в Женеве. В своей редакционной статье от 18 апреля она многие вещи называет своими именами и пишет, в частности, следующее: «Прозападное правительство в Киеве уже сделало первый шаг, приняв закон об амнистии участников протестов. Однако протестующие требуют, чтобы правительство продолжало двигаться в этом направлении — и не без оснований. Пророссийское правительство, за которое они голосовали, было свергнуто в результате переворота. Поэтому они не считают нынешнее правительство законным».

Газета признает кризис внутривукраинским и считает, что «обе противоборствующие стороны — при поддержке международной дипломатии — должны получить возможность двигаться по направлению к новой конституции, в которой будут закреплены принципы децентрализации некоторых полномочий, отражающие естественное разделение Украины». Более того, следует признание о том, что «начиная с Оранжевой революции 2004 года, ни прозападные, ни пророссийские правительства не смогли создать прочных институтов, способных обеспечить связи с Востоком и Западом одновременно, а вместо этого опирались на коррумпированное

вливание олигархов. Исправление этой ошибки должно стать долгосрочным приоритетом для властей Украины». Знаменательное уточнение: и ошибка признана, и тот, кто ее должен исправить, определен, то есть власти Украины. Под властями американцы — как политики, так и журналисты — понимают только людей в Киеве. А дальше следуют логические неувязки, и кризис вновь перестает быть украинским: «Однако прежде чем это станет возможным, Путин должен начать менять свой курс, отозвав из Украины провокаторов, которых он туда направил, чтобы дестабилизировать ситуацию в стране, и 40 тысяч российских военнослужащих, размещенных вблизи украинской границы».

В тот же день другая влиятельная газета, «*Вашингтон пост*», поместила интервью министра иностранных дел Польши Радослава Сикорского, в котором журналист неоднократно задавала достаточно провокационные вопросы типа: «Итак, Россия отправляет своих агентов в города на востоке Украины, и затем они удерживают эти города?» И разумеется, получала желаемые ответы: «Они направляют туда оперативников [военной разведки] и тратят огромные деньги на этих сепаратистов, потому что общество не испытывает особого энтузиазма в этом вопросе». Женевское соглашение по Украине стало дипломатическим шедевром для г-на Путина, сделала вывод газета «*The Wall Street Journal*» (18.04). Может быть, именно поэтому, по признанию журнала «*Тайм*» (Time. 18.04), это соглашение «выглядит таким же хрупким, как пасхальное яйцо»: «Госсекретарь Джон Керри, который принимал участие в разработке соглашения в Женеве вместе с представителями России, Украины и Евросоюза, заявил, что это соглашение является всего лишь „словами на бумаге“. В беседе с журналистами президент Обама отметил, что он не уверен, что „мы можем рассчитывать“ на исполнение условий соглашения».

Сходные оценки женевскому соглашению дает и «*The Washington Post*» (22.04): «Не существует ясных механизмов претворения женевского соглашения в жизнь, а пророссийские силы в Донецке уже заявили, что оно их не касается... Участие в этих переговорах давало Путину возможность оттянуть введение дополнительных, более жестких санкций. В этом отношении женевские переговоры принесли больше отрицательных, чем положительных результатов. Санкции — это единственный действенный способ заставить Путина пересмотреть свою политику агрессии, а так-

же породить внутри России противодействие его политике». «То, что сейчас происходит в унылых провинциальных городах [юго-востока], на самом деле представляет собой вопрос жизни и смерти для Украины... Помимо того что Россия может продолжить свое наступление на восточные области Украины, Москва способна наглядно продемонстрировать бессилие нового правительства перед лицом кризиса национального выживания», писала «The Wall Street Journal» (18.04). О том, что Россия давно уже призывает руководство Украины начать слушать людей на востоке и таким образом урегулировать реальный «кризис национального выживания», «большая» пресса не пишет. Получается, что нежелание нынешних украинских властей в Киеве прислушаться к требованиям русских и русскоязычных жителей Украины никакого отношения к украинскому кризису не имеет. Имеет отношение только Россия. Яценюк призвал мир дать России «по зубам» (25.04.2014 / <http://news.mail.ru/politics/17985738/?frommail=1>).

Как видно из приведенных примеров, путем реализации агональной функции стратегии борьбы американские массмедиа создают у своей аудитории отрицательный образ России: «нехорошей и страшной» России, помогающей «нехорошим» протестующим. О реальных действиях, точнее, бездействии властей в Киеве американские СМИ не сообщают. В небольших изданиях, правда, встречаются неожиданные заявления типа «Украина тоже виновна в агрессии России» (American Thinker. 18.04), но логика в них хромает. Автор убеждает читателя в том, что руководители Украины не сделали ничего за годы ее независимости, чтобы достичь такой экономической свободы, как, например, Эстония. Тогда более высокий уровень жизни, чем у россиян, сдержал бы стремление жителей юго-востока и Крыма к «воссоединению». Но тогда при чем здесь «агрессия» России? И почему «воссоединение» поставлено автором в кавычки? Он не видел реальных, без цензуры, телерепортажей из Крыма? Тогда он — плохой журналист... При этом «Американцы не считают Украину своей проблемой», как утверждает автор статьи в журнале «The American Conservative» (19.04). И справедливо замечает: «Моральную проблему трудно увидеть даже на Восточной Украине. Киевский режим провозглашает “террористами” русских, захватывающих центры городов точно так же, как демонстранты с Майдана захватывали Киев. Если партия “Свобода” и “Правый сектор” дерутся с полицией

*и поджигают здания, чтобы свергнуть Виктора Януковича, законно избранного президента Украины, нам говорят, что это героизм. Почему же тогда узурпаторы, унаследовавшие власть Януковича, недовольны, когда с ними ведут себя точно так же? Нет ли в этом явного лицемерия? И как мы, американцы, вообще смеем с благочестивым видом осуждать действия русских на Украине?» «Президент Обама и Джон Керри, бесспорно, опять сели в лужу, как и в случае с сирийской „красной чертой“, — резюмирует автор. Тем не менее они продолжают лезть в чужие дела и бросаться предупреждениями и угрозами, которые они не в силах воплотить в жизнь. Они усердно блефуют и хвастаются, хотя американский народ говорит им: “Это не наша драка”». А что касается пропагандистских усилий американских СМИ, то весьма любопытна и откровенна статья в журнале *Salon* (17.07) под говорящим названием «**Миф о либеральных СМИ официально умер: наглая пропаганда, историческое беспамятство и “New York Times”**». (24.04.2014 / <http://www.inosmi.ru/overview/20140424/219817749.html#ixzz2zta2ZrFd>).*

В американских СМИ, особенно в интервью с государственными лицами, речь идет также о Китае как о государстве, которое является источником беспокойства всего мира. Например, «*The world is worried about China*» / «*Мир обеспокоен Китаем*», «*Economists are busily debating the usual: Will China have a hard or soft landing?*» / «*Экономисты тщательно обсуждают: ждет ли Китай мягкое приземление*» (*Business Time*. 06.10.2013). Б. Обама в своем выступлении заявил, что «*Пекин в долгосрочной перспективе будет оказывать все большее влияние на экономику и военную сферу США*» (*National Journal*. 10.06.2012). В интервью «*Форбс*» в 2007 г. Б. Обама назвал Китай пугалом: «*China right now is the current bugabo*» — «*Сейчас Китай — современное пугало*», кем пугают всех вокруг (*Forbes*. 22.05.2007). Однако при реализации агональной функции устрашения у адресата складывается такое представление, что Китай не представляет собой угрозу, а выступает крупным конкурентом, поскольку представители американской лингвокультуры в своем большинстве не допускают существования иной супердержавы, кроме США. При этом некоторые пугливые американские журналисты приводят цифры об экономическом развитии Китая, указывая малые сроки больших достижений, передавая свои страхи адресату. Например: «*In 2001, China ranked sixth among the world’s economies. Today it stands*

at number two, on track to overtake the U.S. and become the world's largest economy in the next 'decade' / «В 2001 Китай занимал 6-е место среди мировых экономических держав, сегодня он стоит на второй месте, наступая на пятки Америке, и намерен стать первым во втором десятилетии» (The Atlantic. 26.03.2013).

Американские политики опасаются любых военных столкновений с Китаем, хотя считают, что китайская армия вряд ли сможет противостоять американской, по крайней мере потому, что не была вовлечена ни в одну войну с 1967 г. На фоне роста военного потенциала Китая, как заявляют многие авторитетные СМИ США, Америка боится усиления Китая во всем регионе. В связи с этими опасениями США 3 января 2012 г. приняли стратегический документ *«Sustaining US Leadership: 'Priorities for 21 century defense» — «Программа поддержки лидерства США: приоритеты в сфере безопасности в 21 веке» (Council on FR. 05.01.2012).* В данном документе Китай характеризуется как **агрессор**, например *«Military vehicle» / военная машина, «potential adversary» / потенциальный противник.*

В статье, опубликованной 23 мая 2012 г. в журнале «Внешняя политика» под названием *«5 вещей о китайской милитаризации, о которых нам не говорит Пентагон»*, Т. Мосс пишет о военном состоянии Китая как державы. Например, *«On its current trajectory, China could overtake the United States as the world's biggest military spender in the 2020s or 2030s — but there are too many unknown variables to 'accurately predict if this will happen» (Foreign Policy. 23.06.2012) / «Следуя по своей существующей траектории, Китай мог бы настигнуть США как самого крупного расточителя в военной сфере в 2020-х или 2030-х годах, но существует слишком много неизвестных переменных, чтобы точно предсказать, произойдет ли это».* В сравнительных выражениях, которые автор использует для характеристики Китая, есть некая насмешка. Например, *«paper tiger» / «бумажный тигр», «fire-breathing dragon» / «огнедышащий дракон», «string of pearls» — нити жемчуга (Foreign Policy. 23.06.2012).* Так или иначе, анализ фактического материала наглядно демонстрирует, что Китай — одна из тех стран, с которой США опасаются вести войну.

Хотелось бы отметить, что достаточно частотны статьи, в которых фигурируют Россия, Китай и Америка. Особенно ярко это отражают заголовки, например: *«The Real Reason to Worry About China» / «Реальные*

причины беспокойства за Кумай», «United States, China Compete for Russia's Favor» / «США и Кумай в борьбе за благосклонность России», «U.S. in cyberweapons race with China, Russia» / «Гонка кибервооружения между США, Россией и Китаем».

Угроза войны, страх перед войной, как мы видим, свойственны всем государствам, в том числе и супердержавам. Установлено, что страх государства перед мощью другого государства определяет и внешнюю, и частично внутреннюю политику. Например, американские СМИ рассматривают Китай как соперника, в то время как отношение к Ирану, выраженное в американских СМИ, содержит больше отрицательной информации (негативная оценочная лексика, военная метафора, эпитеты и т.п.), а российские СМИ чаще говорят об Иране как о партнере. Если в российских СМИ Америка описывается как партнер, страна, с которой у нас есть много общего, в том числе цели (поддержание безопасности, противодействие террористам и др.), то в американских СМИ Россия рассматривается как страна, которая не хочет сотрудничать, а только провоцирует супердержаву (метафоры, метонимии, сравнения, антиномии и др.).

Проведенный анализ демонстрирует, что в вербализации страха войны, борьбы государственными политическими деятелями используются различные тактики агональной функции как основные методы воздействия на оппонентов: тактики угрозы, игнорирования, компрометации, ребячливости. Политики активно применяют стилистические средства манипуляции. Необходимо отметить, что в отличие от своих американских коллег российские политики чаще прибегают к модальности. Для сближения с оппонентом, а также с избирателями политиками реализуются такие тактики гармонизирующей функции, как тактика яркого выступления, тактика установления равноправия «сверху вниз», тактика установления связи «снизу вверх» и т.д. Российские и американские СМИ указывают, что страх конкуренции, страх перед потерей власти в государстве присущи каждому политическому деятелю. Но выражается этот страх по-разному в российских и американских массмедиа. Американские политики аргументируют свои опасения, страхи, дают более конкретные ответы на задаваемые вопросы, в их речи фигурирует больше цифр, предлагаются определенные планы действий на будущее, чтобы спастись, защититься перед

конкретной угрозой как в локальном (например, внутри партии), так и в государственном масштабе. А в российских СМИ политики демонстрируют активное спокойствие за будущее страны, за будущее выборов, за политическую и деловую конкуренцию, за политическую борьбу (в основном дискуссии ради дискуссии в различных ток-шоу, в печатных и электронных СМИ) и, кроме поверхностных средств воздействия на адресата, не используют серьезных тактик, что свидетельствует об отсутствии внутренних реальных страхов («Единая Россия» уверена, что победит, «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР убеждены, что не проиграют, а займут свои ниши). Таким образом, культивирование политических медиа страхов, кардинальное изменение установок в сознании людей вполне возможно в определенных социально-политических и экономических условиях и при массивной пропаганде в СМИ. Этот вывод говорит об определенной «податливости», управляемости общественного сознания и общественного настроения, его стереотипичности, мифологичности, метафоричности.

Литература

Боллби Дж. Теория привязанности и психоанализ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.psystatus.ru/article.php?id=376&page=3>.

Бутенко А. П. Сравнительная политология в терминах и понятиях: Учеб. пособие / А. П. Бутенко, А. В. Миронов. М.: НОУ ВПО «Московский психол.-соц. ун-т», 1998. 411 с.

Желтухина М. Р. Вербальное медиавоздействие на политическое сознание в кризисной ситуации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 3. М.: ЦМО МГУ, 2011. С. 7–12.

Желтухина М. Р. Диалог культур в условиях информационной глобализации и массовой коммуникации / М. Р. Желтухина, А. В. Омельченко // Русский язык в центре Европы. № 13. Братислава: Ассоциации русистов Словакии, 2010. С. 11–18.

Желтухина М. Р. Коммуникативные технологии в XXI веке / М. Р. Желтухина, А. В. Омельченко. Волгоград: НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008. 100 с.

Желтухина М. Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиаатекст: стратегии — функции — стиль: коллективная монография / Отв. ред. Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова. Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, полиграф. фирма «Горизонт». 2010а. С. 19–32.

Желтухина М. Р. Психология массовых коммуникаций / М. Р. Желтухина, А. В. Омельченко. Волгоград: НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008б. 84 с.

Желтухина М. Р. Роль информации в медиадискурсе // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010в. № 3. М.: ЦМО МГУ, 2010б. С. 12–18.

Желтухина М. Р. Суггестивное воздействие в русской, английской и немецкой лингвокультурах // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс — 3. М.: ИЯ РАН; Волгоград: ПринТерра, 2007. С. 201–213.

Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиаального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.

Изард К. Э. Воздействие эмоций на человека / К. Э. Изард; пер. с англ. СПб.: Питер, 1999.

Клаузевиц К. О войне. М.: НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет», 2008.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: НИУ ВШЭ, 1998.

Durbin E. F. L. and Bowlby J. Personal Aggressiveness and War. Oxford: Oxford University Press, 1939.

Marina R. Zheltukhina
Volgograd State Socio-Pedagogical University

PRAGMATICS OF POLITICAL STATE MEDIA FEARS

Abstract. Research shows that cultivation of political media fears and cardinal change of installations in consciousness of people are possible in certain socio-political and economic conditions and at massive propaganda in mass media. The article is devoted to pragmatics studying of political state media fears. It is established that in modern mass media the state political fear reveals in fear of war, terrorism and competition. For verbalization of state war, fight fear politicians use various tactics of agonal function as the main methods of impact on opponents. For rapprochement with opponents and voters politicians realize any tactics of harmonizing function.

Key words: media fears, political state media fears, installations in consciousness, propaganda, pragmatics, war fear, terrorism fear, competition fear, tactics, methods of impact, agonal function, harmonizing function, politicians, opponents, voters.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ НАЦИИ: ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОСОБЕННОСТИ И ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА СТРАНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики лингвокультурных стереотипов и их позитивных и негативных ролей в создании политического имиджа страны в мировом сообществе. В работе дан анализ феномена политической культуры представителей различных наций, особенности формирования этнокультурных стереотипов, которым в национальном контексте присущи черты упрощения, обобщения целого комплекса национальных характеристик для создания единого политического образа. Перед нами стоит задача — выяснить, насколько корректно говорить о политическом имидже страны как результате влияния лингвокультурных стереотипов, существующих у представителей других стран, и каково их непосредственное воздействие на построение политического «лица» государства. Национальные стереотипы выполняют «посредническую» функцию, и технология их воздействия такова, что посредством шуток, мифов и выдуманных историй об определенной нации стереотипы проникают в общество и формируют политический образ государства на международной арене.

Ключевые слова: лингвокультурный стереотип, национальный характер, политический имидж, этническая стереотипизация, воздействие, политическая культура.

Все те, кто когда-либо сталкивался с культурами других стран, имеют представление о том, что феномен национального характера формирует контекст для межкультурного общения. Однако с 1950-х годов в социальных науках понятие национального характера было подвергнуто критике из-за грубого стереотипирования и отсутствия механизмов оценки правдивости лингвокультурных стереотипов [Inkeles, 1997: 5]. В настоящее время социальными и политическими науками уделяется большое внимание феномену лингвокультурных стереотипов, так как общепринятые образы, складывающиеся у людей мно-

гие столетия, стали проецироваться и на политику, не говоря о частом апеллировании к национальным стереотипам в СМИ.

Термин «стереотип» был заимствован из лексикона древних мастеров, владеющих технологией печати на бумаге, где копии новых печатных форм изготавливались посредством папье-маше, снятых со старых форм. Понятие стереотипа используется сегодня для обозначения упрощенного образа определенной социальной группы, который часто основан на грубом обобщении. Хотя стереотипы могут носить как позитивный, так и негативный характер, в каждодневной речи это понятие подразумевает сформированное иррациональным путем негативное отношение к определенной социальной группе и ее членам в частности [Lehtonen].

Психологами доказано, что человеческий мозг склонен к упрощению реальности для повышения эффективности его работы. Стереотипному мышлению также присущи черты сведения целого комплекса знаний о конкретном предмете к единой картине, имеющей несколько ярких характерных черт. Формирование стереотипов о народах и нациях, а следовательно, и о целых государствах — явление, знакомое в современном мире благодаря участвовавшим межкультурным коммуникациям. В контексте межкультурного общения формируются национальные стереотипы путем использования собственных наблюдений и уже существующих убеждений. Вместе с этим принято выделять также спроецированные стереотипы, образующиеся посредством формирования собственного представления о том, как другие социальные группы думают об искомой. Например, этнический финн видит свою нацию как работающий и честный народ, но в то же время думает, что шведы считают финнов склонными к алкоголизму, отсталыми и примитивными. В итоге такие догадки приводят к тому, что для финнов шведы — черствые и хвастливые [Lehtonen].

Культурные стереотипы, как и лингвистические, помогают нам концентрировать внимание на определенных характерных чертах, усиливать их, и тем самым они заставляют индивидов искать их подтверждение при непосредственном общении с представителями других культур. При этом чем меньше мы знаем о другой культуре, тем больше мы полагаемся на стереотипы. Некоторые составляющие стереотипа могут быть очень старыми и сохраняться столетиями, в то время как

некоторые «ярлыки», закрепленные за определенной культурой, могут изменяться в течение короткого промежутка времени. Следует отметить, что многие лингвокультурные стереотипы обусловлены исторически, географически и социальным контекстом. Так, Колумбия ассоциируется у многих с наркотиками, а приписываемыми ее жителям чертами характера являются агрессивность, импульсивность и страстность. Китай ассоциируется исключительно с дешевой рабочей силой, зеленым чаем и подделками. Традиционный образ немца — добросовестный, пунктуальный и скучный любитель баварских сосисок без чувства юмора [Nations].

Такие простые ассоциации объяснимы посредством нашего привычного опыта: из сводок новостей мы знаем, что Колумбия — крупнейший в мире поставщик наркотиков, что непосредственно влияет на внутреннюю обстановку в стране и на формирование национального характера в таких условиях. Во всех сферах потребления доминируют именно товары, произведенные в Китае, а немцы в сознании людей не изменились со Второй мировой войны. При этом вместе с манерой общения сочетание звуков в языке играет определенную роль. Так, согласно результатам исследования Лионского университета, чем больше смысловая насыщенность одного среднестатистического слога в языке, тем меньше требуется слогов произнести в секунду, что делает речь медленнее. Исследователи выяснили, что из всех изучаемых языков самый быстрый — японский; на втором месте — испанский, в то время как темп английской речи самый низкий [Kluger, 2011]. Таким образом, с помощью незамысловатых рассуждений можно найти прямую связь между визуальным обликом типичного представителя определенной культуры и звуками его речи. Импульсивность и кажущуюся агрессивность колумбийцев можно также объяснить интенсивностью языка и преобладанием характерных звонких звуков.

В современном мире существует тенденция к систематизации, приведению имеющейся информации к единому «произведению», в результате чего в СМИ появляются так называемые ТОП-листы. Например, выходит, что американцы — самая страдающая от ожирения нация в мире, французы считаются самыми скупыми на расходы и некоммуникабельными туристами, а испанцы — самыми шумными и неаккуратными отдыхающими за границей. Благодаря онлайн-опросу,

проведенному туристической компанией *Expedia*, статисты разделили туристов на девять категорий с присуждением определенных «типичных» характерных черт, тем самым предоставив пищу для размышления по поводу тянущихся споров по нерешенному вопросу: в какой мере национальные лингвокультурные стереотипы соответствуют реальности?

Правдивость многих стереотипов подтверждает исследование, проведенное с помощью студентов международной обменной программы, где им было предложено анонимно написать несколько ассоциаций со странами проживания своих коллег. Результаты опроса были приведены с краткой справкой из истории и быта каждой из стран. Исследование показало, что национальные стереотипы, структурно представленные ниже, чем информация о стране, логически вытекали из последней [National stereotypes]. Становится ясно, что многие лингвокультурные стереотипы не возникают на пустом месте и имеют под собой прочное фактологическое основание.

Однако другие эмпирические данные доказывают, что национальные лингвокультурные стереотипы лишены объективности и представляют лишь плод когнитивной деятельности человека, не владеющего глубокими знаниями той или иной культуры.

Одно из самых обширных исследований по данному вопросу провели ученые Американского национального института здоровья и пришли к выводу, что большинство национальных стереотипов ошибочны. Исследователи сравнили мнимые национальные характеристики с действительными чертами характера и доложили о любопытных наблюдениях. Американцы, например, считают себя очень напористыми; канадцы видят себя достаточно компромиссными, однако как американцы, так и канадцы получили практически одинаковую оценку в категории склонности к нахождению компромисса [Debusmann, 2009].

Еще одно исследование Национального института изучения процессов старения показало, что стереотипы о национальном характере не относятся к обобщениям, сделанным на основе наблюдения поведения жителей определенной страны. Согласно исследованию, стереотипы — это социальные конструкции, формирующиеся, возможно, под влиянием социально-экономических условий, истории, мифов и ценностей, культивирующихся культурой. Один из инициаторов ис-

следования, профессор Роберт МакРай, полагает, что «национальные стереотипы могут давать некоторое представление о стране, но они не характеризуют людей. В действительности нежелательные стереотипы о национальных или этнических группах потенциально очень опасны, так как формируют основы для предрассудков, дискриминации, гонения или даже геноцида». Стереотипы становятся «культурным феноменом» и укореняются посредством СМИ, слухов, образования и даже анекдотов [National stereotypes common, mistaken..., 2005].

Показательным примером формирования необоснованного стереотипа на государственном уровне в бизнес-секторе может служить письмо главного исполнительного директора американского производителя шин *Titan International*, Мауриция Тейлора, в редакцию французского финансового издания *Les Echos de la Bourse*, где он буквально обрушился с обвинениями на французских рабочих и профсоюзы. Он обвинил их в лени и глупости, по его мнению, влиятельные профессиональные союзы способствуют сохранению низкой производительности труда, и, как следствие, задержке экономического роста. Основанием для таких обвинений стало заявление французских служащих по найму, что рабочий день продолжительностью три часа — «то, как французы привыкли работать» [Contrary to national stereotypes..., 2013].

После изучения данного утверждения экспертами оказалось, что руководитель компании сделал необоснованное заявление, так как, согласно статистическим данным, показатели производительности труда во Франции выше, чем в Германии с высокой производительностью. Более того, среднее количество рабочих часов в Италии и Испании, которые расцениваются Соединенными Штатами как неблагоприятные страны для ведения бизнеса, значительно выше, чем в США и Великобритании [Statistics from A to Z]. Невзирая на такую убедительную статистическую базу, стереотип о сравнительной лени французов все же существует.

Вечная природа культурных стереотипов, вопреки научным исследованиям, изучающим их достоверность, наиболее метко отражена в неизменно актуальной шутке о рае и аде: в раю все любовники — итальянцы, полицейские — англичане, механики — немцы, повара — французы, а любое заведение управляется швейцарцами. Ад — это где

любовники — швейцарцы, повара — англичане, механики — французы, полицейские — немцы, а любое заведение управляется итальянцами.

Суммируя выводы о характеристиках и особенностях лингвокультурных стереотипов, необходимо отметить следующие ключевые моменты: стереотипированию в национальном контексте присущи черты упрощения, обобщения целого комплекса национальных характеристик с помощью создания единого образа. Лингвистический компонент стереотипа об определенной нации так же важен, как и эмпирические наблюдения за бытом народа для его построения. При этом стереотипирование характерно не только неграмотным людям и нациям, но и вполне образованным индивидам, что объясняется требованием когнитивной функции человеческого мозга. Вследствие этого лингвокультурные стереотипы могут как передаваться долгое время из поколения в поколение, оставаясь неизменными, так и дополняться и обновляться. Наряду с этим так называемые галваноклише могут основываться на реально существующих социальных или исторических явлениях, а также быть абсолютно беспочвенными и сформированными для создания исключительно отрицательного или положительного образа как собственного государства, так и оппонента в политическом контексте; неоправданные стереотипы несут в себе опасность возникновения дискриминации.

Нельзя отрицать, что лингвокультурные стереотипы нации влияют на формирование политического имиджа страны. Природа стереотипов не ограничивается лишь культурной или лингвистической компонентой жизни нации, касаясь лишь образа ее типичного представителя. Хотя попытки дать объяснение политическому курсу государства с помощью его структурного и институционального строения были достаточно успешны, лингвокультурные национальные стереотипы всегда служили более плодотворной почвой для исследования причин выбора того или иного политического решения. Так, считается, что британская политика стабильна, последовательна и миролюбива, потому что она, как говорят, отражает состояние типичного британца; французская политика жестока и индивидуалистична, поскольку соответствует природе французов.

Открытие феномена политической культуры способствовало возвращению в политический анализ понятия национального характера.

Однако вопрос о том, можно ли говорить о передаче традиционных национальных черт в политике от поколения к поколению в каждом конкретном случае и возникают ли какие-либо новые характеристики политического поведения нации, все еще остается открытым. Иными словами, перед исследователями стоит задача выяснить, насколько корректно говорить о политическом имидже страны как результате влияния лингвокультурных стереотипов, существующих у представителей других стран.

Некоторые исследователи убеждены, что политическая культура государства непосредственно зависит от типа модальной личности. Например, изучая архетип мексиканцев, исследователь Мартин Нидлер пришел к следующему выводу: среднестатистический мексиканец «больше озабочен внутренним состоянием своей души, чем происходящим во внешнем мире, и верит, что индивид сравнительно слаб, чтобы каким-либо образом влиять на по существу произвольный характер внешней реальности. Таким образом, типичный мексиканец сочетает в себе фатализм индейцев и гордое самоутверждение испанцев, что заставляет их бороться с существующей реальностью» [Needler, 1971]. Такое сложное описание внутреннего состояния мексиканцев находит отражение в их образе жизни, а как следствие — в стереотипах о них.

Наиболее ясная картина политической обстановки в каждой из стран Евросоюза и бывшего СССР представляется в набросках дизайнера Янко Цветкова, который в упрощенном виде дал весь массив стереотипов европейцев относительно друг друга. Его работы представляют собой фрагменты и полные версии политической карты мира, где вместо фактических названий стран помещены отдельные слова или словосочетания, с которыми одна из стран ассоциирует своих соседей по европейской части Евразии или полушарию. Из его иллюстраций видно, что, например, в глазах типичного американца Россия — это оплот коммунизма, Китай — супермаркет, а страны Восточной Европы до сих пор служат буферной зоной. Германия же рассматривает Россию как источник природного газа, Восточная Европа выступает не более чем транзитные страны для поставок газа из России, Турция служит источником рабочей силы [Mapping Stereotypes].

«Каковы люди, такова и их политика», — говорится в обращении к редактору газеты *The Brisbane Courier* анонимного избирателя, опу-

бликованном 31 декабря 1921 г. В статье «Политика и национальный характер» автор утверждает, что «если кому-то будет угодно реформировать политическую систему государства, но прежде предстоит изменить людей, и нет никакого смысла в брани неэффективной политики [государства] до тех пор, пока бранящий не увидит народ, который допустил ее существование». Он убежден, что никакое правительство не решится на претворение такой политики в жизнь, на которую граждане сознательно бы не соглашались [Politics and National Character, 1921]. Следуя логике автора данного обращения, можно сделать вывод, что политика, осуществляемая правительством какого бы то ни было государства, проводится с одобрения граждан государства, а следовательно, является отражением национального характера. Проводя обратную связь, национальные лингвокультурные стереотипы имеют особое влияние на формирование политического имиджа страны.

Заслуживает внимания и пример Балканского полуострова, где благодаря политическому противостоянию между государствами, желающими получить большую часть территории в свое владение, складывались определенного рода стереотипы о целой нации. Они создавались с целью дискредитировать соперника, создать его наиболее негативный образ и тем самым «опустить» его в глазах других претендентов на территории. Именно политики во многом способствовали тому, что сейчас, как и прежде, исторические события рассматриваются с национальной точки зрения болгар, сербов, греков, румын и т.д. Искусственно созданные предубеждения соседствующих наций друг о друге также подпитывались в прессе и политической литературе, что привело к их закреплению. Созданная в государствах атмосфера «самовозвеличивания» и преднамеренное разжигание патриотизма, граничащего с национализмом, стали благотворной почвой для образования этнических стереотипов, мифов и суеверий [Burdiak].

Кроме непосредственного воздействия на построение политического «лица» государства, национальные стереотипы выполняют «посредническую» функцию. Посредством шуток, мифов и выдуманных историй об определенной нации стереотипы проникают в общество. Чтобы изменить негативные представления о собственной нации, политики предпринимают меры на законодательном уровне относительно того предмета, который фигурирует в стереотипе. По-

казывая пример такого внимательного отношения к собственной нации, политики собственноручно формируют политический имидж государства.

Данный механизм можно достаточно ярко проиллюстрировать на примере Финляндии, отличающейся эффективной социальной политикой. Один из предрассудков относительно финнов заключается в стереотипе об их неконтролируемом пьянстве. Финский историк Матти Пелтонен долгое время изучал данное предубеждение и пришел к выводу, что этот стереотип — чистая выдумка. Согласно статистическим данным, финны никогда не превосходили в потреблении алкоголя своих скандинавских соседей. Этот стереотип был выдуман в начале XXI в. сторонниками движения за введение «сухого закона», чтобы отвлечь внимание мировой общественности от проблемы алкоголизма в Европе, которая в начале того века была достаточно острой. Рассматриваемый стереотип лег в основу политики регулирования потребления алкоголя в Финляндии, которая заключается в строгом ограничении продажи спиртных напитков в негосударственных учреждениях. Были приняты законодательные акты с целью снизить популярность алкогольных напитков с высоким содержанием спирта, что вызвало жаркие дебаты между противниками и защитниками по поводу жизнеспособности данных мер. Однако стереотипы имеют тенденцию трансформироваться в общественную реальность, когда они подкрепляются постоянным их обсуждением в прессе или образовательных учреждениях, как и случилось в Финляндии [Luostarinen, 1997]. В совокупности с предубеждением о ненависти финнов к тем, кто, на их взгляд, превосходит их, он создает, с одной стороны, образ типичного молчаливого и пьющего финна, но с другой — сильного социального государства, которое было названо одним из самых деятельных стран мира; характерная черта политики и культуры Финляндии — направленность на решение проблем и нахождение выхода из сложившихся ситуаций [Finland is building, 2010]. Кроме того, в политическом плане стереотип о замкнутости финнов находит свое оправдание: склонность граждан Финляндии к изоляции своего жилища объясняется наличием колоссального лесного массива, который тщательно оберегается национальным правительством. Возможно, некоторое стремление

к индивидуализму, изолированному обустройству собственного быта у финнов действительно присутствует; в этом случае такое умышленное сбережение «заборов» естественного происхождения между индивидуальными хозяйствами создает иллюзию, что правительство достаточно щепетильно относится к охране окружающей среды.

Итак, говоря о влиянии лингвокультурных стереотипов на формирование политического имиджа страны, необходимо отметить, что их содержание не только распространяется на образ модальной личности, но и может быть задействован в политической сфере путем приложения характерных черт нации к политическому лидеру страны, которого выбирают граждане. Кроме того, национальные стереотипы могут оказывать воздействие на самих законодателей, которые в попытке исправить нежелательный образ собственного государства предпринимают необходимые шаги и тем самым выстраивают собственный имидж, сигнализирующий о внимательном или невнимательном отношении к политическому «лицу» страны.

Литература

Burdiak V. Influence of ethnic stereotypes on the development of political relations in the Balkans. URL: http://atlas.usv.ro/www/codru_net/CC16/2/stereotypes.pdf.

Contrary to national stereotypes, French workers are more productive than their German counterparts and only marginally less productive than American workers // The London School of Politics and Economic Science. 2013. February 25. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/02/25/french-workers/>.

Debusmann B. The Ugly American and other stereotypes // Reuters. 2009. July 16. URL: <http://blogs.reuters.com/great-debate/2009/07/16/the-ugly-american-and-other-stereotypes/>.

Finland is building its brand around functionality, nature and education // FINNFACTS. 2010. November 26. URL: <http://www.goodnewsfinland.com/archive/news/finland-is-building-its-brand-around-functionality-nature-and-education/>.

Inkeles A. National Character: A Psycho-Social Perspective. New Jersey: Transaction Publishers, 1997. P. 3–10.

Kluger J. Slow Down! Why Some Languages Sound So Fast // Times — Science and Space. 2011. September 8. URL: <http://www.time.com/time/health/article/0,8599,2091477,00.html>.

Lehtonen J. Cultural stereotypes // Views to Finish Culture. University of Jyväskylä. URL: <http://www.jyu.fi/viesti/verkkotuotanto/kp/vf/jaakko.shtml>.

Luostarinen H. "The Quiet Finn". National Stereotypes, Politics and the Media in a Small Country // Scottish Affairs. 1997. URL: http://www.scottishaffairs.org/backiss/pdfs/sa20/SA20_Luostarinen.pdf.

Mapping Stereotypes. URL: <http://alphadesigner.com/mapping-stereotypes/>.

National stereotypes. URL: http://en.wikiversity.org/wiki/National_stereotypes.

National stereotypes common, mistaken, study reports // National Institute on Aging. 2005. October 6. URL: <http://www.nia.nih.gov/newsroom/2005/10/national-stereotypes-common-mistaken-study-reports>.

Nations — Stereotypes that will Ruin or Make your Day. URL: <http://www.nomad4ever.com/2007/11/26/55-nations-stereotypes-that-will-ruin-or-make-your-day/>.

Needler M. C. Politics and National Character: The Case of Mexico // American Anthropologist. 1971. No 3. P. 757. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/671767?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21101776524831>.

Politics and National Character // The Brisbane Courier. 1921. December 29. URL: <http://trove.nla.gov.au/ndp/del/article/20519574>.

Statistics from A to Z // OECD. URL: <http://www.oecd.org/statistics/>.

Oksana R. Zhernovaya
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

LANGUAGE AND CULTURE STEREOTYPES OF NATION: THEIR CHARACTERISTICS, PECULIARITIES AND IMPACT ON THE FORMATION OF THE POLITICAL IMAGE OF STATE

Abstract. The article deals with the main features of language and cultural stereotypes and their positive and negative roles in fostering the political image of a state in the world community. It analyzes the phenomenon of political culture of various national groups, peculiarities of the formation of ethnic and cultural stereotypes, which in the national context are characterized by simplicity and generalization of a whole set of national traits of character in order to create a unified political image. The article dwells on whether a political image of a state is the result of the influence of language and culture

stereotypes existing among the representatives of other countries as well as seeks to determine their exact role in fostering a political image of a state is. National stereotypes perform the "mediation" function and the mechanism of their influence is such that by means of jokes, myths, anecdotes about a nation, stereotypes penetrate society and form a political image of a state in the international arena.

Key words: language and culture stereotype, national character, political image, ethnic stereotyping, influence, political culture.

«ТЕАТРАЛЬНОСТЬ» ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается понятие «театральность» в качестве системообразующего признака политического дискурса. Отмечая высокий когнитивный потенциал метафорического сравнения с театром, предпринимается попытка сопоставить политическую сферу с театральной. Концепт театральности в политическом дискурсе создает особый реализм, обладающий следующими основными характеристиками: универсальностью, интернациональностью, высвечиванием идеологически и национально усиленных номинаций, условностью обозначения, тенденцией к периодическому сближению сфер «политика» и «театр». В языковом отношении «театральность» в политическом дискурсе мотивирована грамматическими конструкциями с перформативными и императивными глаголами, а также концептуальными метафорами со сферой-источником «театр». С точки зрения стилистики сравнение политики с театром может использоваться с целью не только дискредитации, но и экзальтации политики или политической партии.

Ключевые слова: театральность, политический дискурс, концептуальная метафора, перформатив, императив.

Исследователи политического дискурса часто отождествляют политический дискурс с театром, что делает оправданным использование театральной лексики и терминологии для описания различных политических реалий. Е. И. Шейгал отмечает, что «политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о “зрительской аудитории” и намеренно или непроизвольно лицедействуют, “работая на публику”, стараются произвести впечатление и “сорвать аплодисменты”» [Шейгал, 2004: 63]. Безусловно, речь идет о метафорическом (переносном) использовании театральной лексики в политическом дискурсе. В этом контексте уместно говорить и о других популярных сферах человеческой деятельности, лексический и терминологический состав которых может быть использован для метафорического переосмысления событий политической жизни страны, например спорт, азартные игры, механизмы, человек, царство живой природы, война и т.д.

С точки зрения теории когнитивной метафоры перечисленные примеры — это «область-источник» метафорического проецирования, поэтому «театр», являясь одним из возможных примеров, качественно на первый взгляд не должен отличаться от остальных источников. Единственное отличие может быть установлено по количественному показателю, поскольку каждый источник метафорической проекции способен порождать разный набор возможных метафорических подстановок, детерминирующих политические реалии, что объясняется глубиной опыта физического взаимодействия человека с каждой из областей, а следовательно, и степенью определенности источника.

Однако понимание «театральности» как способности говорить о политике метафорическим «языком театра» не является истинной причиной отнесения этой характеристики к системообразующим признакам политического дискурса, поскольку тогда следовало бы включить в перечень системообразующих признаков все возможные области-источники метафорической экспансии, следовательно, «театр» — это нечто большее. Для того чтобы понять, что делает «метафору театра» уникальной, необходимо понять причины, по которым сравнение вида изобразительного искусства и основного вида деятельности государства становится уместным и столь продуктивным приемом.

Общим знаменателем для сравнения «политики» и «театра» можно считать наличие опосредованного «зрителя»: «Театральность политического дискурса связана с тем, что одна из сторон коммуникации — “клиент”, народ — выполняет в ней преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политическое событие как некое разыгрываемое для него действие» [Шейгал, 2004: 63]. Опосредованность адресата политического дискурса обусловлена способом получения информации, поскольку основная часть аудитории узнает намерения, ход и результаты политической деятельности через СМИ. СМИ — один из главных механизмов популяризации метафорической модели «Жизнь есть театр»: «Широкое распространение и употребление театральной (по сфере-источнику) метафоры на современном этапе развития общества связывают в первую очередь с усилением роли СМИ в политической жизни» [Чудинов, 2008: 188].

Наиболее общие черты, роднящие «политику» и «театр» как сложные многокомпонентные единства, отражены на страницах фунда-

ментальной работы Е. Шейгал «Семиотика политического дискурса» в табл. 2. **Метафорика театра в политическом дискурсе** [см.: Шейгал, 2004: 64–65]. Таблица достаточно ярко иллюстрирует тот факт, что даже наивное понимание сферы «политика» (как совокупности отдельных элементов) не мешает любому человеку подобрать коррелирующий элемент из сферы «театр». Очевидно, что подобная легкость может наблюдаться в поиске параллельных элементов из иных сфер, являющихся источником метафорического переосмысления политического дискурса. Мы хотели бы представить эту таблицу с незначительными дополнениями. Дополнительные параметры, схожие для каждого вида коммуникации, отмечены курсивом.

**Схожие метафорические кластеры
в театральной и политической коммуникации**

Компоненты театра	Компоненты политического дискурса
Пьеса, сценарий, сюжет, драма, трагедия, фарс, комедия, мистерия	Ход политических событий
Спектакль и его репетиция	Политические события
Режиссер, сценарист	Организаторы событий, лоббисты, агенты влияния, закулисные «темные» силы
Актеры	Политики
Роли, амплуа	Роли (функции); публичный имидж
Зрители	Народ
Реакция зрителей: аплодисменты, свист	Голосование «за/против», акции поддержки/протеста
Зрительный зал, сцена, экран	Трибуна, сцена, экран, зал заседаний
Кулисы	Тайная политика
Декораторы, гримеры	Имиджмейкеры, специалисты по связям с общественностью
<i>Представительность: выступление как импликация работы коллектива</i>	<i>Выступление политика как импликация мнения фракции, партии, государства</i>
<i>Ритуальность: театр как потомок ритуальных действий, традиционные спектакли и классические постановки</i>	<i>Политические ритуалы: инаугурация, традиционные послания, празднования национальных праздников</i>
<i>Поведение, отличное от обычного: гиперболизация движений, чрезмерная эмоциональность</i>	Резкость в словах, сдержанность в поведении, наличие отрепетированных жестов

Данная таблица не только демонстрирует упорядоченные параметры сопоставления сфер «политика» и «театр», но и выделяет уникальные черты этой метафорической модели.

В языковом отношении «театральность» политического дискурса мотивирована большим количеством примеров употребления особых грамматических конструкций, в частности перформативных и императивных глаголов. Если предметом политической лингвистики считать политическую коммуникацию, т.е. речевую деятельность, направленную на завоевание, поддержание и воспроизводство власти, то для использования перформативов наиболее уместен этап «завоевания власти». Как отмечает О. Л. Михалёва: «...перформативные глаголы в силу своей специфики, с одной стороны, придают высказыванию истинное значение, с другой — отражают стремление говорящего к настойчивой демонстрации убежденности в своей правоте и в своем праве утверждать нечто» [Михалёва, 2009: 60]. В качестве примеров употребления перформативных глаголов в политическом дискурсе, направленных на убеждение адресата в правоте слов адресанта, можно назвать фразы, сопровождающие любую политическую программу: «Я обращаюсь ко всем...», «Я надеюсь, что...», «Я верю, что...», «Я призываю...» и т.д.

Внимание к императивным глаголам, формирующим «театральность» политического дискурса на языковом уровне, уделяют в связи с их иллокутивной модальностью. Спектр значений, передаваемых императивными глаголами, широк: от вежливой просьбы до прямого приказа. Наибольшее количество императивных глаголов встречается на этапе «завоевания власти» и «воспроизводства власти», когда политику требуется поддержка в виде голосов «за». О. Л. Михалёва указывает, что «стремление привлечь адресата-наблюдателя на свою сторону обуславливает употребление в политическом дискурсе императивных конструкций» [Михалёва, 2009: 60]. Примером может служить предвыборный лозунг президентской кампании Б. Н. Ельцина в 1996 г. «Голосуй или проиграешь», а также лозунг предвыборной кампании Б. Клинтона в 1992 г. «*Choose or lose*» (англ. «Выбирай или проиграешь») и т.д.

С точки зрения стилистики театральная метафора в политической коммуникации характеризуется появлением негативных коннотаций, отражающих импликацию «лицемерия», «ненастоящности», «фаль-

ши». Исключение составляют устойчивые выражения, вроде: «сцена политической борьбы», «театр военных действий», «анатомический театр» и пр. «Интенция коммуниканта, представляющего политику через фрейм театра, — показать, что к такой политике не следует относиться серьезно, что она не заслуживает уважения из-за лицемерия и неискренности ее участников» [Шейгал, 2004: 65].

Выделяя «театральность» как системообразующий признак политического дискурса, исследователи отмечают универсальность метафорической модели «Жизнь есть театр», которая основывается на том, что театральное искусство древнее, всемирно распространенное и понятное явление, вобравшее в себя исконные культурно-специфические элементы. Это явление доступно для понимания каждого человека, вследствие чего метафора театра активно реализуется в целом спектре гуманитарных наук, что подтверждает ее высокий когнитивный потенциал. В качестве примера можно привести «драматургический подход к изучению коммуникации» К. Берка, «Актантную структуру предложения» Л. Теньера, «Метод психодрамы» Я. Л. Морено в групповой психотерапии, «Театр памяти» Джулио Камилло как образец мнемонического «места» и пр.

Среди достоинств указанной метафорической модели стоит также отметить активную экспансию ее лексических переменных (т.е. конкретных примеров) в различные подсистемы языка, например в сленг. Под «сленгом» мы вслед за Р. И. Розиной понимаем обобщение той «нестандартной подсистемы лексики современного русского языка, которую городское население России, независимо от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении» [Розина, 2005: 15]. Подтверждением популярности «метафоры театра» в сленге (как русского языка, так и других языков), а также косвенным подтверждением наличия импликации «ненастоящности» в этой метафоре могут служить расхожие выражения, вроде: «устраивать спектакль/сцену», «ломать комедию» в русском языке, «*Theater spielen*» и «*Theater vormachen*» (нем. «симулировать, обманывать») в немецком языке, «*put on an act*» и «*play-act*» (англ. «разыгрывать комедию») в английском и т.д.

Приведенные примеры демонстрируют, что в трех перечисленных лингвокультурах есть схожая возможность метафорического выраже-

ния интенции «недоверия» и «лицемерия» посредством театральной лексики. Отсюда следует, что, помимо *универсальности* этой модели, следует говорить об ее *интернациональности*. Так, крупный исследователь политической лингвистики А. П. Чудинов отмечает, что «российская и американская театральная метафора очень близка по составу фреймов и слотов, по прагматическому потенциалу и другим свойствам» [Чудинов, 2008: 189]. Большое количество схожих примеров, упорядоченных в фреймо-слотовой структуре, способно моделировать образ прошлого, настоящего и будущего политического дискурса крупных мировых стран: Америки, Великобритании, России, Болгарии, Германии и пр., тем самым не только устанавливая общую парадигму переменных сравниваемых политических реалий разных стран, но и высвечивая уникальные, стилистически (а порой и идеологически или националистически) усиленные номинации. Например, «Кремлевские ляльководы» как метафорическое обозначение верхушки правительства РФ, «семейная биография в духе сказаний гриотов» как метафорическая оценка биографии Б. Обамы «Мечты, унаследованные от отца» и пр.

А. П. Чудинов разработал основополагающие фреймы метафорической модели «Политика есть театр»: «Виды зрелищных представлений», «Работники театра», «Театральное здание и реквизит», «Жанры и элементы представлений», «Публика и прием, оказанный спектаклю» [Чудинов, 2008: 190–204]. Ряд исследователей политического дискурса, отмечая удобство выбранных фреймов, анализируют политический язык (как вербальную, непосредственно воспринимаемую часть политического дискурса) в рамках указанных параметров, например Н. Г. Шехтман в работе «Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе» или О. А. Солопова в работе «Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего...». Изучение примеров, заполняющих фреймы в каждом из представленных исследований, заставляет обратить внимание на тот факт, что «театр» как сфера — источник метафорической проекции порой употребляется достаточно условно, поскольку такие примеры, как «толпы юродивых и политических клоунов», «инфернальные клоуны», «скоморохи», «шуты», «голоногие наездницы из “Союза правых сил”» [Солопова, 2006: 149],

не относятся напрямую к театру или театральным понятиям, а скорее соотносятся со смежными театру сферами *цирка, карнавала, площадных выступлений, музыки, телевидения* и т.д.

Это замечание позволяет выделить *условность обозначения* в качестве третьего критерия «театральности» политического дискурса. Подобный синкретизм видов изобразительного искусства, телевидения и культурных явлений, с одной стороны, отчетливо указывает на их родство, а с другой — позволяет говорить о специфике или превалировании одних смежных с театром сфер над другими в разных культурах. Стоит также подчеркнуть, что театр, безусловно, являясь интернациональным понятием, оказывает разное влияние на массовое сознание в каждой сравниваемой культуре, т.е. сравнение какого-либо политического события или явления с театром может не только передавать разные оттенки импликации «недоверия» и «фальши», но и отражать противоположные намерения и эмоциональные заряды. Достаточно ярким примером, иллюстрирующим разнообразие интенций, выражаемых с помощью «театральной» метафоры, может послужить сопоставление политической карьеры Б. Обамы с началом карьеры кинозвезды.

Не вызывает сомнения факт большого влияния, которое оказывает киноиндустрия на современное общество, в частности на американское общество. Поэтому вполне понятны частотные метафорические сравнения реалий современной политики США не только с театром, но и с кино. Д. Ремник в книге «Мост: Жизнь и карьера Барака Обамы» часто проводит параллели между различными фактами биографии 44-го президента США и кинореалиями: «...этот густой бас, как у Джеймса Эрла Джонса», «...родственники похожи на Берни Мака, другие — на Маргарет Тэтчер», «...Окси похож на Пейтон-Плейс», «...в этом парне больше наглости, чем в Дике Трейси» [Ремник, 2012: 64, 82, 116, 295]. Подобные сравнения с популярным американским актером (Джеймс Джонс), знаменитым комедийным актером (Берни Мак), городком из сериала (Пейтон-Плейс), героем телевизионного сериала (Дик Трейси) способствуют сращиванию политического имиджа и имиджа кинозвезды или рок-звезды, при этом в подобном метафорическом переосмыслении отсутствует интенция «недоверия», замещенная интенцией «восхищения».

Для фиксации любого политического имиджа в массовом сознании необходима его регулярная повторяемость, исключением не стал

и имидж «восходящей звезды» Б. Обамы. Так, в британской газете *The Guardian* в 2008 г. выходит статья с заголовком: «*Rivals start to drop out as rising star Obama takes first steps in race for presidency*» (англ. «Соперники начали устраняться с того момента, как восходящая звезда Обамы совершила первые шаги в гонке за президентское кресло»). В 2004 г. *New York Times* публикует статью, посвященную Б. Обаме, — «*As Quickly as Overnight, a Democratic Star Born*» (англ. «Всего за одну ночь родилась звезда демократии»). Как мы видим, заголовки газет активно применяют кинометафору как частный случай театральной метафоры, при этом не дискредитируя образ конкретного политика, а, наоборот, формально передавая восхищение и уважение. В данном случае кинометафора делает политический имидж Барака Обамы более привлекательным, поэтому неудивительно, что он сам (осознанно или случайно) начинает создавать ситуации, упрочивающие положение выгодного для собственного имиджа сравнения.

Исследователь публичных выступлений Б. Обамы Ш. Лиэнн, отмечая большое количество классических риторических приемов в речах 44-го президента США, особо подчеркивает невербальную составляющую его политических выступлений: «Жесты Обамы столь же эффективны: он стучит кулаком в воображаемую дверь, складывает пальцы вместе, размещает воображаемые слова в воздухе, вытягивает руку ладонью вперед, словно дает стоп-сигнал» [Лиэнн, 2010: 42]. Подобное внимание к невербальной составляющей политического имиджа косвенным образом усиливает параллель политика и артиста. На усиление имиджа «восходящей кинозвезды демократической партии» направлены и публичные речи Б. Обамы: «*A More Perfect Union*», «*The Great Need for the Hour*», «*Our Moment Is Now*», «*Our Kids, Our Future*». Эти и другие речи Б. Обамы «на слуху» у политически ангажированного населения США. Популярность политического образа Б. Обамы отразилась и на американском сленге, который пополнился целым рядом лексем, производных от его фамилии: *Obamamama* (англ. «женщины, голосующие за Обаму»), *Obamanomics* (англ. «свод экономических инициатив Б. Обамы»), *ObamaCare* (англ. «законодательные инициативы Б. Обамы относительно здравоохранения»), *Obamatatum* (англ. «ультиматум Б. Обамы») и пр.

В политическом дискурсе нередок факт использования прецедентных имен или ситуаций, однако нередко в политической коммуника-

ции актуализация прецедентного имени носит скорее негативную или нейтральную окраску, например в российском политическом дискурсе: «кургиняновщина», «хлестаковщина», «бандеровцы», «собянки», «сталинки», «нашисты», «майданцы», «антимайданцы» и пр. Иная ситуация наблюдается в политическом дискурсе Б. Обамы, где прецедентное имя направлено на поддержание и воспроизводство положительного политического образа. Отметим, что публичная риторика Б. Обамы — это квинтэссенция классической античной риторики, жанра проповеди и достижений современной киноиндустрии в США, где к каждому шоу, театральной постановке или кинокартине относятся как к колоссальному труду коллектива. Именно эти факторы влияют на «размывание» границ «театральной метафоры» в политическом дискурсе США, позволяя не только выражать скепсис, но и передавать положительные характеристики.

Приведенный материал о сравнении политической карьеры Б. Обамы с карьерой кинозвезды помогает сделать вывод о том, что «театральная метафора» в политическом дискурсе — это не только универсальное явление, обнаруживающее схожие черты в политическом дискурсе разных стран, но и явление, позволяющее отчетливо говорить о специфике реализации этой метафоры в каждой лингвокультуре.

Важная черта уникальности «театральной» метафоры в политическом дискурсе — *тенденция к сближению*, под которой мы подразумеваем исторические периоды, когда «политика» и «театр» были максимально близки. Одни из ярких примеров зафиксировал Гай Транквилл Светоний в работе «Жизнь двенадцати цезарей», приводя такой эпизод биографии Нерона: «Когда он пел, никому не позволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках» [Светоний, 2007: 251]. Говоря о сближении «политики» и «театра» в США, можно указать политическую карьеру 40-го президента США Рональда Рейгана, который также был известен как киноактер и ведущий на радио.

Очевиден тот факт, что на развитие театральной метафоры в политическом дискурсе оказывает влияние целый ряд факторов: хариз-

матичность конкретных политических лидеров, развитие индустрии развлечений страны, появление новых СМИ и видов шоу, общекультурное состояние общества и пр.

Литература

Лиэнн Ш. Говори как Обама. М.: Добрая книга, 2010.

Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Ремник Д. Мост: Жизнь и карьера Барака Обамы. М.: Астрель: CORPUS, 2012.

Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2005.

Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: ЭКСМО, 2007.

Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2008.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Anton I. Zverev

*V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Sciences, Moscow*

THE CONCEPT OF THEATRICALITY IN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article presents the concept of “theatrical” framework of political discourse. The author notes a strong cognitive potential of the metaphorical parallel to the theatre and also tries to compare political arena with the stage. The concept of theatricality in political discourse creates a peculiar reality, which has the following key features: universalism, internationality, highlighting of ideological and national-intensive designations, notation, a tendency to merger the “political arena” and the “stage”. From the linguistic point of view theatricality of political discourse is motivated by performative and imperative

grammatical structures and conceptual metaphors with "theatre" sphere as a "source domain". From the point of view of stylistics, the comparison between "politics" and "theatre" can be used not only for defamation but also for exaltation of a politician or a political party.

Key words: theatrical, political discourse, conceptual metaphor, performative, imperative.

ФРАГМЕНТ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. Цель статьи — анализ речевого поведения представителей двух правящих партий британского парламента с точки зрения скрытой прагмалингвистики в соответствии с эмотивно-ориентированной стратегией «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии». Средний речежанровый показатель личного плана в палате лордов равен 27%, в палате общин — 21%. Эти показатели значительно превосходят уровень социального плана. Можно сделать вывод, что в целом парламентарии — личности, для которых большое значение представляет собственная точка зрения. Что касается социального плана, то средний речежанровый показатель палаты общин (15%) почти вдвое превышает тот же показатель палаты лордов (8%). Парламентарии из палаты общин чаще актуализируют кооперативный тип речевого поведения, демонстрируя собеседнику открытость, вовлекая последнего в диалог. Высокие показатели предметного плана свидетельствуют о том, что представителям обеих палат парламента присуще стремление к концентрации на объективных обстоятельствах дела, на главном. Они обладают логичностью, организованностью и четкостью в выступлении. И в палате лордов, и в палате общин существует деление на партийные группы. В ходе исследования мы не могли не заметить разницу в речевом поведении представителей двух ведущих партий Великобритании. Так, средний показатель личного плана у консерваторов — 29%, лейбористов — 18%, социального же плана — почти одинаков (12 и 11%). Причем внутри палат эта тенденция сохраняется: в палате лордов средний показатель личного плана у консерваторов — 34%, у лейбористов — 20%. В палате общин средний показатель личного плана у консерваторов — 24%, у лейбористов — 17%. Таким образом, мы видим не только количественное преобладание представителей правящей партии в парламенте, но и, если можно так сказать, качественное. Они подсознательно стремятся захватить лидерство, воздействуя на аудиторию силой своего авторитета.

Ключевые слова: парламент, прагмалингвистика, речевое поведение.

Британский парламент называют «матерью всех парламентав», поскольку законодательные органы многих стран, а особенно стран-членов Британского Содружества созданы по его образцу. Парламент

Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (*Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*) — высший законодательный орган в Соединенном Королевстве и Королевских заморских территориях. Парламент двухпалатный, включает в себя верхнюю палату — палату лордов, и нижнюю палату — палату общин. Почти все члены палат входят в те или иные партии. В настоящее время в палате лордов 779 представителей, из них консерваторы и лейбористы занимают ведущие позиции (по 221 человеку от каждой партии). В палате общин расстановка несколько иная: консерваторов — 303, лейбористов — 256. Всего же в палате общин 650 человек.

Цель нашего исследования — анализ речевого поведения представителей двух правящих партий в обеих палатах британского парламента с точки зрения скрытой прагмалингвистики. Для этого в день выступления мы взяли еще не исправленные стенограммы заседаний. Дебаты происходили в течение одного дня, 29 января 2014 г. Анализу подверглись выступления только мужчин, представителей от каждой партии в обеих палатах. Полученные данные зафиксированы в табл. 1–3 (в конце статьи).

Но сначала обратимся к рассмотрению центрального для нашего исследования понятия «речевое поведение». Речевое поведение понимается нами как лишенное осознанной мотивировки, автоматизированное, стереотипное речевое проявление в силу типичной прикреплённости такого проявления к типичной, часто повторяющейся ситуации общения [Формановская, 1989: 28], и индивидуальное речевое проявление. Речевое поведение необходимо отличать от речевой деятельности, которую следует считать мотивированным, зависящим от целей речевым проявлением [Матвеева, 1998: 14].

Стереотипное речевое поведение опирается на устойчивые представления и связано с выражением привычного отношения индивида к определенным явлениям. Такое отношение складывается под влиянием социальных условий и предшествующего опыта определенной социальной группы. Воспринимается данное отношение всеми членами группы однозначно или усваивается в процессе социализации личности. Особую значимость социальные характеристики составляют при описании стереотипного поведения представителей той или иной лингвокультурной общности [Смирнова, 1996: 181].

Виды речевого поведения называются скрытыми стратегиями речевого воздействия автора текста на своего получателя. Скрытые речевые стратегии подразделяются на группы: эмотивно-ориентированные и конативно-ориентированные [Матвеева, 1993: 96–262].

Эмотивно-ориентированные стратегии, как и эмотивная функция речи, сосредоточены на отправителе текста, который выражает свое субъективно-психологическое отношение к тому, о чем говорит. Эмотивная функция связана с субъективным миром адресанта, с выражением его переживаний, его отношения к тому, что говорится; в ней находит отражение самооценка говорящего, его потребность быть услышанным, понятым.

Конативно-ориентированные стратегии отражают такое речевое поведение парламентария, которое направлено на получателя информации. В данном определении содержится отсылка к еще одной функции речи — конативной (регулятивной или директивной). В конативной функции находят отражение потребности человека в достижении поставленных целей, оказании влияния на других людей [Куницына, Казаринова, Погольша, 2002: 61].

В нашем исследовании в рамках прагмалингвистического эксперимента стереотипное речевое поведение представителей палат лордов и общин парламента Великобритании анализируется в соответствии с эмотивно-ориентированной стратегией «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии».

Данная стратегия реализуется в трех планах: личном, социальном и предметном. Используя личный план, автор актуализирует участие в речевом событии либо отправителя текста, либо его получателя. Социальный же план показывает, что в акте коммуникации автором задействованы оба участника общения — и отправитель, и получатель текста. И наконец, в предметном плане внимание получателя текста акцентируется его отправителем на объективности протекания речевого события, независимо от участия / неучастия участников речевого общения.

В результате эксперимента мы подсчитали, что средний речевжанровый показатель личного плана в палате лордов равен 27%, в палате общин — 21%. Эти показатели значительно превосходят уровень социального плана (8 и 15% соответственно). Можно сделать вывод, что в целом парламентарии — личности, для которых большое значение имеет собст-

венная точка зрения. Представители с самыми высокими показателями личного плана, по всей видимости, лидеры по натуре (Lord Cormack — 45,5%; Graham Stuart — 44%; Lord Ribeiro — 34%). Высокие показатели личного плана свидетельствуют о властности, независимости, смелости и самоуверенности. Такие люди могут даже игнорировать социальные условности, жить по собственным законам, активно отстаивать свою самостоятельность. Представители палаты лордов несколько чаще актуализируют личный план стратегии «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии», проявляя склонность к более авторитарному типу речевого поведения. Представители же палаты общин в целом менее ориентированы на личность. Мы считаем, это связано еще и с тем, что лорды более независимы от партий и избирателей и меньше связаны партийной дисциплиной. В последние годы в связи с возрастанием роли пожизненных пэров палата даже претендует на роль форума, который аккумулирует в себе богатый опыт и специальные знания.

Что касается социального плана, то средний речевантовый показатель палаты общин (15%) почти вдвое превышает тот же показатель палаты лордов (8%). Скорее всего, это связано с пропорциями личного плана, о которых мы уже говорили, поскольку средние показатели предметного плана почти равны (65 и 64% соответственно). Мы можем лишь отметить, что парламентарии из палаты общин чаще актуализируют кооперативный тип речевого поведения, демонстрируя собеседнику открытость, вовлекая последнего в диалог. Тем самым они способны устанавливать и поддерживать эмоциональные контакты с участниками общения. Актуализируя социальный план, удается заручиться дружественной поддержкой со стороны слушающих, которые на уровне подсознания начинают понимать, что адресант, как минимум, близок им по убеждениям и жизненному опыту, и начинают ему доверять.

Высокие показатели предметного плана свидетельствуют о том, что представителям обеих палат парламента присуще стремление к концентрации на объективных обстоятельствах дела, на главном. Они обладают логичностью, организованностью и четкостью в выступлении.

Как уже было отмечено, и в палате лордов, и в палате общин существует деление на партийные группы. В ходе нашего исследования мы не могли не заметить разницу в речевом поведении представителей двух ведущих партий Великобритании. Так, средний показатель личного плана у консерваторов — 29%, у лейбористов — 18% (см. табл. 3), социального

же плана — почти одинаков (12 и 11%). Причем внутри палат эта тенденция сохраняется: в палате лордов средний показатель личного плана у консерваторов — 34%, у лейбористов — 20%. В палате общин средний показатель личного плана у консерваторов — 24%, у лейбористов — 17%.

Таким образом, мы видим не только количественное преобладание представителей правящей партии в парламенте, но и, так сказать, качественное. Они подсознательно стремятся захватить лидерство, воздействуя на аудиторию силой своего авторитета.

Таблица 1

Фрагмент стереотипного речевого поведения группы представителей палаты лордов парламента Великобритании по скрытой речевой стратегии «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии»

Партия	Адресант	Личный план, %	Социальный план, %	Предметный план, %
Консервативная	Earl Howe	23	14	63
Консервативная	Lord Ribeiro	34	7	59
Консервативная	Lord Cormack	45,5	9	45,5
Лейбористская	Lord Hunt	22	4	74
Лейбористская	Lord Faulkner	19	12	69
Лейбористская	Viscount Simon	18	0	82
Средний показатель		27	8	65

Таблица 2

Фрагмент стереотипного речевого поведения группы представителей палаты общин парламента Великобритании по скрытой речевой стратегии «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии»

Партия	Адресант	Личный план, %	Социальный план, %	Предметный план, %
Консервативная	Graham Stuart	44	12	44
Консервативная	Chris Skidmore	7	24	69
Консервативная	Damian Hinds	21	8	71
Лейбористская	Tristan Hunt	17	22	61
Лейбористская	Pat McFadden	20	18	62
Лейбористская	Nic Dakin	15	8	77
Средний показатель		21	15	64

Таблица 3

Фрагмент стереотипного речевого поведения представителей правящих партий в парламенте Великобритании по скрытой речевой стратегии «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии»

Партия	Личный план, %	Социальный план, %	Предметный план, %
Консервативная	29	12	59
Лейбористская	18	11	71
Средний показатель	23,5	11,5	65

Литература

Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорьша В. М. Межличностное общение. СПб., 2002.

Матвеева Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов-н/Д, 1998.

Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.

Смирнова О. О. Изучение речевого поведения в свете новой лингвистической парадигмы // Сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 432: Лингвистические маргиналии. М., 1996.

Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.

Irina A. Zyubina
Assoc. Prof., Department of Linguistics and Professional
Communication, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

A PRAGMALINGUISTIC ANALYSIS OF BRITISH MPS' SPEECH

Abstract. The article analyzes the stereotyped speech behavior of the representatives of the House of Lords and the House of Commons in the British Parliament according to the implicit speech strategy "Participation / non-

participation of communicants in a speech event». Parliamentarians from the House of Commons often resort to the cooperative type of verbal behavior, demonstrating openness and engaging with their interlocutor. High rates of the objective plane indicate that members of both Houses of Parliament have an inherent desire to concentrate on the objective circumstances of a case. We also see not only a quantitative predominance of the ruling party in the Parliament, but also, if one can say so, a qualitative one. They subconsciously seek to capture leadership, influencing the audience relying on their prestige.

Key words: parliament, Pragmalinguistics, speech behavior.

ЦЕННОСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация. В данной статье автор обращается к анализу политической коммуникации с точки зрения вербализованных в политическом или, более точно, в президентском дискурсе культурно-ценностных смыслов. Исследование ценностного пространства политического дискурса проводится с привлечением методологического аппарата лингвокультурологии. Один из инструментов, обеспечивающих эвристичность процедуры лингвокультурологического анализа, — понятие лингвокультурного кода, трактуемое как система культурно-языковых соответствий, выработанная лингвокультурным сообществом в процессе познания и описания окружающей действительности и таким образом характеризующая его. Анализ культурологически маркированных языковых единиц помогает раскрыть особенности актуализации трех основных лингвокультурологических категорий: прецедентности, ценностности и идентификации по шкале «свой—чужой». Дальнейшее декодирование культурологически релевантной информации, совмещенной с семантикой языковых единиц, которые выступают как знаки лингвокультурного кода, позволяет успешно выявлять культурно-ценностные смыслы, наполняющие политический дискурс, а также устанавливать культурную идентичность участников коммуникации. Кроме того, анализ ценностных пространств коммуникантов способствует обнаружению признаков дисгармонизации или нарушения коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурный код, культурно-ценностный смысл, ценностное пространство, политический дискурс, категория «свой—чужой», культурная идентичность.

Апелляция к слову, а слово — это разменная монета политики — и через слово к ценностной парадигме сообщества представляет собой мощнейший инструмент в реализации коммуникативных целей политика. Ярким примером этого может служить президентский дискурс. Цель данной работы — анализ проявлений особенностей ценностной парадигмы в политическом, а именно в президентском дискурсе.

Представляется, что вскрыть ценностный код, задействованный в политической коммуникации, возможно, прибегнув к лингвокультурологической процедуре анализа. Исследование политического дискурса сквозь призму лингвокультурологии — довольно актуальный в настоящее время тип исследований. Объяснение этому следует искать в особенностях методологического аппарата лингвокультурологии, позволяющего выйти на ценностное пространство лингвокультурного сообщества, вскрыть систему востребованных в политическом дискурсе кодов, идентифицировать активизируемые в политическом дискурсе смыслы.

Одним из мощных инструментов лингвокультурологии, который, с одной стороны, отражает ее предметную область, а с другой — помогает достичь решения всех вышеперечисленных задач, служит понятие лингвокультурного кода. Эвристический потенциал данного понятия связан с его двойственной природой. Лингвокультурный код понимается как система культурно-языковых соответствий, выработанная лингвокультурным сообществом в процессе познания и описания окружающей действительности и таким образом характеризующая его. Переработка и кодирование культурной информации посредством языковых знаков обуславливают существование данной системы культурно-языковых соответствий в форме сращения [Иванова, 2004: 15–16]. Именно эта форма синкретичного для поверхностного наблюдения сосуществования языковой и культурной информации обуславливает возможность эффективной передачи культурной информации при помощи задействованных в тексте языковых единиц.

Таким образом, при реализации обратного вектора — при декодировании — лингвокультурный код, интерпретируемый как сращение языка и культуры, позволяет вскрыть заложенную в языковых единицах информацию культурного плана и с определенной точностью дешифровать сообщение. Соответственно, анализ языковых единиц позволяет исследователю выводить во внешний план информацию культурного плана и выходить на ценностное пространство того или иного лингвокультурного сообщества, вскрывать культурную идентичность говорящего.

В настоящее время можно смело говорить о том, что лингвокультурологический вектор исследования, т.е. исследование взаимодействия

языка и культуры, представляет собой не только объект лингвокультурологических исследований. Данный ракурс задействован во многих современных лингвистических (сопоставительных, переводоведческих, лингвокоммуникативных, лингвокогнитивных, лингвосемиотических исследованиях, анализе дискурса, политической лингвистике) и смежных с лингвистикой парадигмах научного знания (этнологией, этнографией, социологией, политологией, философией, семиотикой, теорией коммуникации). Понимание лингвокультурной семиосферы, т.е. знакового пространства как пространства совместного бытования языка и культуры, продуктивно для декодирования речевых произведений. В этом отношении обращение к языку вкупе с культурой как лингвокультурному коду дает возможность исследователю, работающему в современных языковедческих парадигмах, анализировать те скрытые смыслы, из которых соткана коммуникация и которые не всегда поддаются формальному структурному анализу или даже традиционному семантическому анализу, поскольку культурно-ценностная информация «не дана в непосредственном наблюдении, принимая форму скрытых компонентов и обнаруживаясь в деривационных, сочетаемостных и иных признаках» [Чанышева, 2006: 25].

Обращение к ценностям оказывается важной дискурсивной практикой в президентском дискурсе. Данное исследование нацелено на обращение к ценностным смыслам, вербализованным в опосредованном диалоге между президентами РФ и США в политической дискуссии по вопросу Крыма, с тем чтобы вскрыть особенности политической коммуникации по конкретному вопросу и обозначить тип коммуникации как отчуждающий или сближающий. Выбор данной коммуникативной ситуации связан с ее остротой, а любая острая ситуация порождает необходимость быть особенно убедительным. Соответственно, есть все основания предполагать, что в рамках такой коммуникативной ситуации эксплицируются первостепенные ценностные сущности. Идентификация ценностей связана с обнаружением контекста, в котором используются их вербальные маркеры. Кроме того, вызывает интерес сочетание глобального и локального при интерпретации задействованных в дискурсе ценностей.

В качестве материала исследования послужили «Крымская речь» В. В. Путина и два выступления Б. Х. Обамы (от 17.03.2014 и 26.03.2014).

Выбор этих выступлений продиктован тем, что они представляют собой опосредованную публичную коммуникацию двух лидеров. Лингвистический анализ дает возможность увидеть зеркальность (структура текста, поднятые темы, задействованный вокабуляр) в построении «больших» речей, что позволяет говорить о том, что они стали мощными каналами коммуникации для лидеров обеих стран.

Данное исследование выполнено в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы с обращением к лингвокультурологической традиции теории коммуникации. Обращение к лингвокультурологии обусловлено положением о тесной связи языка и культуры, что находит свое отражение в идее лингвокультурного кода как сращения языка и культуры. Соответственно, лингвокультурологический анализ позволяет воссоздать культурный контекст, выявить случаи текстуализации ценностных смыслов. Кроме того, для выявления апелляций к культурным ценностям используются концептуальный анализ, контент-анализ, анализ рекуррентной лексики.

Как известно, кроме телефонных переговоров, которые проходили в закрытом для мирового сообщества режиме, президенты обеих стран обменялись публичными высказываниями. Первым было выступление президента Обамы 17 марта 2014 г. Это короткое выступление (всего 631 слово) сделано в официальном тоне и официальной обстановке. Казалось бы, данные факторы должны сказаться на отсутствии в президентской речи каких бы то ни было коннотативных смыслов. Однако контекстуальный, прагматический и лингвокультурологический анализы показывают, что задействованные оратором языковые единицы культурологически маркированы, т.е. содержат в себе помимо привычных значений, которые имеют словарное объяснение, и информацию другого свойства. Речь идет о культурно-ценностной информации. В чрезвычайно короткой речи оратору удастся провести разделение на своих и чужих, ввести ценностные маркеры и более чем четко обозначить свои позиции — позиции лидера страны.

Анализ ключевых слов и выделение основных тематических линий выступления позволяют определить три главных референта выступления — (1) США и страны Запада, (2) Украина и (3) Россия. С первых же слов Барак Обама вводит ключевые для своего выступления лексические единицы — *fundamental principle, sovereignty and territorial integrity*,

чуть позже появляется основной мотив в отношении России — *global condemnation, interfere, intervention, sanctions*. Общая позиция Запада состоит в их преданном служении (*commitment*) идеалам справедливости, достоинства и процветания (*universal rights, security, prosperity and dignity*), которые сейчас разделяет и новое руководство Украины, показывая открытость новым «правильным» ценностям (*openness to pursuing constitutional reform*). Анализ ключевых слов свидетельствует, что вся лексика, имеющая положительные маркеры, сосредоточена вокруг упоминаемых стран Запада и нового руководства Украины.

Лексика, характеризующая позицию России, несет отрицательные коннотативные смыслы и, соответственно, выступает триггером создания отрицательных ассоциаций по отношению к России и ее позиции. Несмотря на то что данное выступление — это язык дипломатии, который, как представляется, должен быть свободен от культурных смыслов, они прорываются сквозь официальный регистр текста, так как это живой язык, существующий в семиотическом пространстве. Как уже отмечалось выше, пространство культуры и языка составляет «единое пространство семиозиса» [Ю. М. Лотман, 1999]. Соответственно, в рамках этого пространства порождение ценностных смыслов — вполне закономерный процесс. Нет нужды говорить о том, что использование коннотативной лексики с отрицательной оценочностью в рамках коммуникативной стратегии навешивания ярлыков не ново в политическом дискурсе. Однако в данном случае интерес представляет то, как это делается при помощи единиц лингвокультурного кода.

Fundamental rights для американца прочно связано с текстом американской конституции, прежде всего в той ее части, которая именуется Билль о правах, где и были провозглашены идеи основных свобод, *fundamental freedoms* — понятие, находящееся в гиперо-гипонимических отношениях с понятиями *freedom of assembly, freedom of association, freedom of expression, freedom of movement, freedom of conscience, European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms*. Таким образом, в свернутом виде понятие *fundamental rights* несет в себе все ценности демократического устройства западного общества. Соответственно, определение России как нарушителя этих принципов западной цивилизации предполагает, что она должна быть изолирована, она — чужак, а потому не может занимать место среди цивилизованных стран, стремящихся

к идеям благоденствия и достоинства. Совершенно очевидно, что данная речь направлена на внутреннюю для Б. Х. Обамы аудиторию, что и предопределяет его ценностные апелляции к тексту конституции как прецедентному для американцев. Таким образом, президенту Обаме не надо долго объяснять свою позицию — достаточно сослаться на культурологически маркированную, т.е. отмеченную ценностной информацией, лексическую единицу.

Еще более наглядно использование единиц лингвокультурного кода очевидно в больших выступлениях обоих президентов — «Крымской речи» президента В. В. Путина (от 18 марта 2014 г.) и Брюссельской речи президента Б. Обамы (от 26 марта 2014 г.). В речи обоих президентов оказывается максимально задействованным культурологический потенциал используемых языковых единиц, вербализующих национально-детерминированные минимизированные инвариантные представления конкретных «культурных предметов» [Гудков, 2004: 251]. Речь в данном случае идет о прецедентных феноменах, т.е. культурно-значимых, а потому ценностно маркированных явлениях, широко известных членам лингвокультурного сообщества. Характерно, что оба президента, прежде всего, используют явления национального уровня прецедентности. Со стороны Президента России — это реалии: *Балаклава, Керчь, Малахов курган, Севастополь, Крым*, обращенные к сердцу россиянина. Для американцев это прецедентные тексты Декларации о независимости, которую цитирует президент Обама (*all men are equal, rule of law*), прецедентные имена и ситуации, относящиеся к значимым вехам американской истории (*Founding Fathers, Iron Curtain*).

Наряду с прецедентными феноменами используются слова, отражающие национальную ментальность. Для россиян это *правда, родной дом, сердце, исконно русская земля, воля народа, ограбили—обокрали*. Каждая из этих лексических единиц представляет собой самую короткую дорогу к сердцу россиянина, так как в них представлены архетипы нашего сознания. Для американцев же эту роль играют понятия *human dignity, opportunity, human rights, prosperity, democracy, freedom*. Не останавливаясь на анализе воздействующего потенциала обеих речей, хотелось бы подчеркнуть размытость ключевых слов, которыми изобилует речь Барака Обамы. Несмотря на то что это маркеры американской ментальности, в данном случае они употребляются в широком контексте

и приобретают статус слов-амеб, абстрактных и опустошенных понятий. Кроме того, обращает на себя внимание направление ценностного вектора в речи Б. Х. Обамы: от ценностей США к глобальным ценностям. Противопоставление ценностных векторов «США и Европа» vs «Россия» оказывается текстообразующим средством в обеих речах Барака Обамы. Рекуррентная лексика и стилистика речи В. В. Путина позволяет говорить об акцентировании в ней российского ценностного контекста. Вместе с тем он активно использует и вербализаторы ценностных ориентаций американцев и европейцев.

Как показывает анализ, для обоих президентов ключевыми для тексто- и смыслообразования все же являются широкие внутренние аудитории, которые определили их ценностные апелляции. При этом обращение к ценностям производится в основном благодаря активации прецедентных феноменов и слов, ключевых для языкового сознания членов лингвокультурного сообщества.

Анализ названных выше политических выступлений с обращением к понятию и явлению лингвокультурного кода позволяет выявить его коммуникативные и лингвокультурологические функции. Главнейшей можно считать идентификацию собственного культурного пространства и отчуждение пространства адресата. Лингвокультурный код является триггером при актуализации категории СВОЙ—ЧУЖОЙ.

Таким образом, ценностность, т.е. «глубинная соотнесенность фактов языка с базовыми ценностями лингвокультурного сообщества» [Иванова, 2007: 43], проявляется в апелляциях, производимых с помощью языковых средств, к значимым, актуальным ценностям определенного сообщества. При описании того или иного фрагмента окружающей действительности говорящий соотносит выбор лингвистического материала с действующей системой ценностей. Если рядовой член лингвокультурного сообщества делает это непреднамеренно, то политики используют ценностный потенциал лингвокультурного знака для того, чтобы как можно эффективнее донести свой многосложный посыл.

В свете всего сказанного можно заключить, что настоящий кризис — это кризис не только политический, но как культурный, так и коммуникативный, поскольку он ярко демонстрирует нестыко-

ванность и дисгармонизацию культурных и коммуникативных пространств.

Литература

Гудков Д. Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 250–275.

Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2003. 41 с.

Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Учеб. пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 152 с.

Иванова С. В. Об основных понятиях и категориях лингвокультурологии // Когнитивные и семантические аспекты единиц языка и речи: Сб. научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 40–46.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.

Чанышева З. З. Этнокультурные основания лексической семантики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2006. 44 с.

Svetlana V. Ivanova
Bashkir State University, Ufa

EVALUATIVE SPACE OF POLITICAL DISCOURSE FROM THE LINGUOCULTURAL CODE PERSPECTIVE

Abstract. The article is aimed at the analysis of political communication from the point of view of culturally relevant senses employed in political or, to be more exact, in presidential discourse. The study of the evaluative space of political discourse draws upon the methodological apparatus of cultural linguistics. One of the tools providing the heuristic character of the analytic procedure is the notion of linguocultural code interpreted as a system of cultural and linguistic correspondences elaborated by a cultural lingual community within the process of cognizing and describing surrounding reality and thus characterizing it. The analysis of culturally marked linguistic units helps reveal

the peculiarities of the actualization of three cardinal linguocultural categories, those of precedence, evaluation and us-them identification. Further decoding of culturally relevant information hidden behind linguistic semantics expressed by linguistic units functioning as signs of the linguocultural code facilitates exteriorizing culturally relevant evaluative senses political discourse abides in as well as establishing communicants' cultural identity. Besides, the analysis of communicants' evaluative spaces contributes to the identification of features suggestive of disharmonized or alienated communication.

Key words: linguocultural code, culturally relevant evaluative sense, evaluative space, political discourse, us-them category, cultural identity.

ИДЕОЛОГЕМА В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные контексты, в которых реализуется мифологема. Это культурный, идеологический и массмедийный контексты. В культурном контексте мифологема представлена как культурный феномен, в идеологическом — как идеологема, в медийном — она реализуется как мем. Мифологема понимается как первоэлемент сознания (индивидуального, коллективного и массового), с помощью которого человек познает, объясняет и структурирует окружающую его действительность. Идеологему мы определяем как идеологический концепт, реализующий определенную заданную идею. Мем можно рассматривать как особую разновидность идеологемы, функционирующую в современном интернет-пространстве и в связи с этим получающую новые (медийные) характеристики.

Ключевые слова: мифологема, идеологема, мем, медиаконтекст, идея.

Древнейшая форма идеологии — стройная система мифов, конструировавшая образ донаучного мира, в котором реальные события не противопоставлялись вымышленным. В основе мифа лежит мифологема — первоэлемент сознания (индивидуального, коллективного и массового), с помощью которого человек познает, объясняет и структурирует окружающую его действительность. Это некая прототипическая формула, заключающая в себе универсальную идею-образ, которая затем может получить национальное наполнение. Например, мифологема *недостигаемости высокого творчества* реализуется через мифотопимы *Олимп, Парнас* или метафору *башня из слоновой кости*.

Вербальные реализации идеологемы разнообразны. В роли идеологемы может выступать предложение (лозунг, сентенция, афоризм и т.п.; например: *Фашизм не пройдет*), слово (метафора, оним, в том числе антропоним, ярлык и т.п.; например: *остров Крым, Тимошенница*), морфема (например, приставки: *присоединение Крыма — воссоединение Крыма*). Идеологически нагруженными могут быть и служебные части речи (например, предлоги: *на Украине — в Украине*).

Но в любом случае мифологема — это нарратив, история с определенным сюжетом и героями, действующими в архетипических ситуациях.

Мифологемы служат инструментом и способом упорядочивания мира: неизвестное знание с их помощью переводится в знание известное, обыденное, усвоенное и одобренное социумом. Мифологеме обычно противопоставлено научное знание, зиждущееся на рациональном, логическом восприятии мира.

Рационализм современного человеческого мышления не исключает веры — как интуитивного, скрытого, еще не достигнутого знания. Поэтому мифологема и сегодня бытует во многих сферах общественной жизни: в культуре, политике, массовой коммуникации, рекламе, т.е. мифологемы существуют в определенном социальном пространстве (контексте). Попадая в различные контексты, мифологемы получают различные измерения.

Мифологема в контексте культуры

Культура — питательная среда, порождающая мифологемы. В контексте культуры (живопись, театр, литература и т.п.) мифологема — составная часть художественной картины мира.

Свои первые знания о мире человек «вложил» в мифы. Миф — это фрагмент коллективного знания о мире, облеченный в художественную форму.

Первоначально функция древнего мифа была когнитивной, с течением времени когнитивная функция вытеснилась поэтической функцией. Мифы сконструировали образ донаучного мира, в котором действительные события не противопоставлялись вымышленным.

Мифы имеют национальную специфику, но базируются на универсальных архетипических антиномиях: *добро / зло, герой / злодей, космос / хаос, память / забвение, любовь / ненависть* и других архетипах сознания (*подвиг, жертва, время, место* и т.п.). Мифологемы — общие структурные схемы, по которым строится конкретный миф (например, *герой* — Геракл, Один, Илья Муромец — *совершает подвиг* или мифологема *возвращение на круги своя*, реализуется в нарративах

о *блудном сыне* или в *одиссее Одиссея*), т.е. мифологема — это «морфология» (Пропп) мифа.

С помощью мифологем происходит канонизация реальных исторических событий, поэтизация и героизация повседневности. Миф — это не просто рассказанная история, а регламентация и санкционирование определенной модели поведения (например, героизация самопожертвования в мифе о Прометее). Именно поэтому мифологемы широко используются в идеологическом дискурсе.

Мифологема в идеологическом контексте

Мифологема в контексте идеологии используется и как собственно культурный феномен (как *прецедентное имя и прецедентная ситуация*) и как *идеологема*.

В российской лингвистике сложилась целостная теория идеологем [Купина, 1995; Чудинов, 2006; Шейгал, 2004; Клушина, 2008; Малышева, 2009; Нахимова, 2011; и др.].

Можно говорить о том, что идеологема — это мифологема, используемая в идеологических целях. Как когда-то древний человек с помощью мифологем познавал действительность, так современный человек с помощью идеологем структурирует и объясняет окружающую его политическую реальность и вырабатывает собственное мировоззрение, согласуя его с идеологией социума.

Сущность мифологемы и идеологемы одинакова: сложные явления, укладываясь в устойчивую словесную формулу, с ее помощью редуцируются до «общепонятных идей» [Дюркгейм, 1991]. Такие формулы легко укореняются в массовом сознании с помощью стереотипных номинаций и становятся «предметом веры, а не рассуждения» [Левин-Брюль, 1980]. Как мифологемы, так и идеологемы включают в себя эмоциональную составляющую, воздействующую на чувства людей, т.е. обладают суггестивностью.

И миф, и идеологема базируются на некритическом восприятии действительности и служат для консолидации социума. Только миф кумулирует в себе исторический опыт человечества, а идеологема нацелена в будущее: она ориентирует массовое сознание в заданном направлении [Клушина, 2008].

Например, лозунг «Украина — это Европа!», широко используемый во время оппозиционного протеста в Киеве в декабре 2013 г. — январе 2014 г., совмещает в себе буквальный (географический) смысл с идеологическими и мифологическими представлениями украинских масс. «Украина — это Европа» является, с одной стороны, идеологемой оппозиционной части украинских политиков и их электората, объявивших курс на евроинтеграцию, а с другой стороны, эту же словесную формулу можно считать и мифологемой, так как она упрощает сложный исторический путь развития украинского народа до эмоционально емкого прецедентного выражения, в котором мечта, реальность и вымысел не разграничиваются, а воспринимаются симультанно, как призыв. Таким образом, идеологема — это мифологема, используемая в идеологических целях.

Мифологема в медийном контексте

В медийном контексте мифологеме можно рассматривать с точки зрения теории *мемов*. С развитием Интернета в медиапространстве появились новые способы структурирования массового сознания — *мемы*. Мем в различных теориях трактуется по-разному: как идеологический код, как единица информации, которая содержится в сознании, как разновидность архетипов сознания, использующихся в массовой коммуникации, и др. Особенность мема — скорость распространения и массовость (связанные с особенностями интернет-коммуникации), обеспечивающие быстрое его внедрение в массовое сознание.

Мем можно считать медийным измерением мифологемы, поскольку он имеет общую с ней природу и общие функции: это образная, имплицитно эмоциональная идея, выраженная вербально или иконически, способная воздействовать на массовое сознание в заданном направлении, поскольку не предполагает критического восприятия, а усваивается как растиражированный стереотип помимовольно, подсознательно, за счет частотности его использования. Новейшие исследования российской политической жизни вскрывают виртуальную борьбу идей как борьбу мемов (интернет-мифологем), которые оказывали вполне реальное воздействие на политическую жизнь общества.

Например, «раскрученным» через Интернет в 2012 г. (год выборов Президента России) «оппозиционным» мемам «*партия жуликов и воров*», «*белые ленточки*», «*честные выборы*» и другие противостояли «проправительственные» мемы «*революция норковых шуб*», «*политика реальных дел*», «*сетевые хомячки*» и т.п. [Столяров, 2013].

Таким образом, мифологема и сегодня — необходимый элемент массового, коллективного и индивидуального сознания, поскольку рационализм человеческого мышления не исключает веры — как интуитивного, скрытого, еще не достигнутого знания. Контекстные измерения мифологема позволяют увидеть в ней культурный, идеологический или медийный смысл, которые составляют эмерджентность этого сложного феномена и его многофункциональность в жизни социума.

Литература

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1994. 616 с.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991. 576 с.
- Клушина Н. И.* Стилистика публицистического текста. М.: Медиа Мир, 2008. 244 с.
- Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.
- Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление // Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера и В. В. Петуховой. М.: Изд-во МГУ, 1980. 340 с.
- Мальшева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32–40.
- Нахимова Е. А.* Идеологема «Сталин» в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 152–156.
- Столяров А. А.* «Facebook-революция» в медиaprостранстве России // Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы: Материалы Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 408–412.
- Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2006. 255 с.
- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
- Юнг К. Г.* Человек и его символы. М.: Серебряные нити, Медков С. Б., 2006. 352 с.

Н. И. Клущина

Natalia I. Klushina
Lomonosov Moscow State University, Moscow

IDEOLOGEME IN MODERN MEDIACOMMUNICATION

Abstract. We are analysing different contexts, in which mythologeme functions. This is cultural, ideological and mediacontext. Mythologeme functions as a cultural phenomenon in the cultural context, as an ideologeme in an ideological context and as a meme in a mediacontext. Mythologeme is a prototype of consciousness (individual, collective and mass). Man can cognize and explain the world when he uses this prototype. Ideologeme is an ideological concept, which can put into effect a certain idea. Meme can be regarded as a subtype of ideologeme, which exists in modern internet-space.

Key words: mythologeme, ideologeme, concept, meme, idea, mediacontext.

УЧЕБНЫЙ КОМПЛЕКС «ENGLISH FOR PUBLIC POLICY»: ПРЕОДОЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЧЕРЕЗ МЕТОДОЛОГИЮ ESAP

Аннотация. Публичная политика (*public policy*) — относительно новая дисциплина для России, основная литература которой, как и терминологический аппарат, сформировалась в предшествующие десятилетия на Западе. Несмотря на прозрачность и системность англоязычной терминологии этой дисциплины, заимствование ее в русский политологический дискурс сопряжено со сложностями, которые обусловлены как языковыми факторами, так и определенными дисциплинарными традициями. Возникающие при этом проблемы в немалой степени затрагивают процесс обучения студентов. Для решения этих проблем был разработан курс *English for Public Policy*, в основу которого положен метод преподавания языка для профессионального развития, разработанный в МВШСЭН на основе междисциплинарного взаимодействия в рамках международной методологии *ESAP — English for Specific Academic Purposes*. Эффективность курса, апробированного в различных образовательных контекстах, позволила разработать соответствующий учебно-методический комплекс, который в настоящее время готовится к изданию.

Ключевые слова: английский для академических целей, профессиональная терминология, публичная политика, разработка учебных материалов.

Функциональная точность понятийного аппарата — залог успешной коммуникации. Устойчивая, сложившаяся система терминов, принятые в дисциплине методологические принципы и привычные способы представления информации позволяют ученым обсуждать ход исследований и их результаты без «оглядки» на язык; дискуссии же вокруг языка дисциплины естественным образом возникают на этапе ее становления или зарождения нового направления. Особый и безусловно редкий случай представляет собой заимствование целого научного направления в другой национальный язык. Возникающие при

этом проблемы порождают дискуссии не столько вокруг новых понятий, сколько вокруг поиска соответствий уже сложившимся в другом языке терминологическим кластерам.

Такая ситуация сложилась на изломе века с дисциплиной, именуемой на Западе *Public Policy*, точное название которой на русском языке до сих пор обсуждается (термин «публичная политика» лишь недавно начал употребляться в российском дискурсе дисциплины). Трудности становления терминосистемы этой дисциплины, имеющей к тому же три значения — теоретико-фундаментальное, инструментально-эмпирическое и практически-прикладное [Дегтярев, 2004], были во многом обусловлены лексическими различиями и способами терминообразования между английским и русским языком. Ясная и продуктивная в английском дискурсе, терминология *Public Policy* нелегко соотносится как с русским языком, так и с уже сложившейся в нем терминологией государственного управления и политической науки.

Особую срочность проблеме придавал тот факт, что студентам наиболее инновационно ориентированных вузов, таких как МВШСЭН, НИУ ВШЭ и МГИМО, уже читались лекции по новым дисциплинарным направлениям, получившим название «Прикладной политический анализ» (с удачным соответствием аббревиатуры ППА с английским *PPA, Public Policy Analysis*) и «Принятие политических решений» (несколько удаляющееся от английского термина *Public Policymaking*) [Новации, 2003; Дегтярев, 2004а]. В лекциях и публикациях российские профессора вынуждены были или использовать пробные, не всегда согласующиеся между собой и с англоязычными источниками термины, или прибегать к транслитерации, или употреблять терминологию непосредственно на английском языке. А поскольку практически вся литература по политическому анализу и принятию политических решений была на английском языке, студенты испытывали серьезные затруднения.

В этот период профессор МГИМО А. А. Дегтярев, в то время мой коллега по Московской высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН), обратился на межфакультетскую кафедру английского языка с просьбой помочь студентам в прохождении его курсов. Так началось междисциплинарное взаимодействие, результатом которого стал краткий курс «*English for Public Policy*», в течение ряда лет

превратившийся в специализированный курс программы «Английский язык для профессионального развития» МВШСЭН, а затем в учебно-методический комплекс для студентов этой специализации для других вузов России, который в настоящее время готовится к публикации в издательстве «Юрайт», Москва.

И курс, и учебный комплекс, успешно апробированные в течение ряда лет в магистерских программах МВШСЭН и факультета государственного управления (ФГУ) РАНХиГС, основаны на подходе, который позволяет решать проблему понимания студентами понятийного аппарата политического анализа без опоры на русский язык. Несмотря на кажущуюся парадоксальность такого решения, опыт подтверждает его несомненную эффективность. Понимание терминологических полей напрямую, непосредственно через английский язык позволяет не только избежать ошибочной интерпретации их студентами, но и развить навыки понимания первоисточников. Кроме того, активное восприятие уже доказавшей свою стройность и функциональность системы терминов заставляет студентов критически оценивать специальную литературу на родном языке, находить неточности и несоответствия, которые затрудняют понимание или даже искажают исходный смысл понятий. Таким образом, подход неразрывно связывает обучение дисциплине с развитием умений работать с первоисточниками, т.е. навыками академического чтения и письма, критического и аналитического мышления.

Своей эффективностью подход обязан хорошо разработанной методологической базе. Прежде всего, это методология, которая сложилась на стыке двух направлений: *ESP (English for Specific Purposes*, английский для специальных целей) и *EAP (English for Academic Purposes*, английский для академических целей) — и совсем недавно получила официальный статус *ESAP (English for Specific Academic Purposes*, английский для специальных академических целей). Сегодня границы этой методологии еще продолжают обсуждаться на международных конференциях и форумах, таких как форум британской ассоциации академического английского *BALEAP*, однако необходимость развития и эффективность применения *ESAP* в дисциплинарных и междисциплинарных образовательных контекстах уже не подлежит сомнению [BALEAP, 2013:70].

Несмотря на молодость термина *ESAP*, подход, основанный на применении методов и технологий *EAP* к специфическому дисциплинарному контексту, уже давно широко используется зарубежными университетами. Известен он и в России. По аналогии с деятельностью лингвистических центров британских университетов, такой подход еще в середине 1990-х годов был положен в основу программы *EPD (English for Professional Development)* — «Английский язык для профессионального развития» МВШСЭН, где он был выведен коллективом кафедры на уровень универсального метода и по сей день успешно используется для разработки курсов* под различные программы факультетов.

Основными принципами метода *EPD* как одного из четко очерченных и описанных применений к конкретному образовательному контексту [Короткина, 2009] являются, с одной стороны, преподавание языка для дисциплины, а не дисциплины на языке, а с другой — комплексное развитие языковых и профессиональных компетенций студентов «по восходящей расширяющейся спирали», т.е. эволюционно. Первое означает, что преподаватель языка строит курс как фасилитатор, тщательно изучая контекст, потребности и проблемы изучения данной дисциплины с точки зрения языка, не являясь специалистом в самой дисциплине. Второе позволяет обеспечить развитие языковых умений с максимальным вовлечением в этот процесс интеллектуальных способностей, профессиональных знаний и академического потенциала студентов.

В применении к курсу «*English for Public Policy*» это означало следующие этапы исследования:

- 1) анализ материалов дисциплины (характер дисциплинарных текстов, возникающие языковые проблемы, задачи дисциплинарного курса);
- 2) выделение ключевых компетенций, которые необходимо развивать;
- 3) отбор методов, технологий и приемов работы из арсенала *EAP* и уже действующих курсов программы *EPD* для разработки курса;

* С описаниями курсов программы можно ознакомиться на сайте кафедры. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.msses.ru/about/faculties/746/english-for-professional-development-epd.

- 4) разработка программы и материалов курса;
- 5) апробация курса в краткосрочном формате;
- 6) доработка материалов (критический отбор, баланс компетенций, организация содержания и взаимодействие предметной и языковой составляющих курса);
- 7) апробация полного курса;
- 8) разработка и написание учебно-методического комплекса «*English for Public Policy*» (*Student's Book, Teacher's Book*).

Апробация курса на разных этапах разработки заняла более 10 лет и позволила доказать эффективность метода в различных образовательных контекстах. Так, в МВШСЭН курс читался как курс *EPD* для магистрантов факультета политической науки (28 а.ч.) и как межфакультетский курс по выбору (14 а.ч.), а на ФГУ РАНХиГС в качестве специального курса для очной магистратуры (96 а.ч.) и дистанционного курса для очно-заочных магистратур трех управленческих специальностей. Если межфакультетский курс оказался эффективен для студентов с высоким уровнем владения языком, что позволяло преодолеть сложности дисциплинарного контекста, то для магистрантов ФГУ РАНХиГС с невысоким (и часто различным в рамках одной группы) уровнем владения языком стремление понимать научную литературу своего профиля помогало компенсировать этот недостаток. Таким образом, методология *ESAP — EPD* обеспечивает курсу гибкость, позволяя достигать сопоставимые результаты в различных контекстах за счет баланса между языковыми, профессиональными и аналитическими (интеллектуальными) компетенциями.

Большую роль в освоении понятийного аппарата, законов дисциплинарного дискурса и логики текстов сыграло построение самого прикладного политического анализа вокруг моделей. Модели способствовали развитию дисциплины, помогая ученым обсуждать сложные, многомерные политические и аналитические действия и в то же время выработать стройную и точную систему понятий, которую можно с уверенностью назвать оптимальной с точки зрения практически всех ключевых характеристик, ожидаемых от термина как такового, таких как точность, однозначность, системность и краткость [Колесникова, 2010: 145]. Эти же модели, использованные в курсе уже в качестве заданий, способствовали пониманию студентами и логики дисципли-

нарного дискурса, и его формирования, и того, насколько важно найти точное, однозначно понимаемое и в то же время продуктивное слово или словосочетание для выражения сложного понятия. Поскольку в терминологии не только политической науки, но и других гуманитарных и социальных дисциплин в России часто используются транслитерации, многословные или просто трудно воспринимаемые словосочетания, курс побуждает студентов задуматься над проблемами эффективной коммуникации не только между российскими и зарубежными учеными, но и внутри страны.

В полном соответствии с методом *EPD* мы оставляем проблему построения терминологии этой новой дисциплины в русском политологическом дискурсе студентам, как будущим (а в работе с магистрантами часто уже действующим) специалистам государственного управления. Так, учебно-методический комплекс «*English for Public Policy*» не содержит заданий на перевод, но предлагает в конце каждой главы задание на изложение русскоязычной информации в соответствующих английских терминах. Понимая, насколько сложно преодолеть колеи традиций, мы оставили в русском подзаголовке издаваемого комплекса привычное русское название «Английский для государственного управления», однако парадоксальный характер этого компромисса раскрывается с первых же заданий, вовлекающих студентов в процесс анализа ключевых терминов дисциплины.

Инновационный характер учебно-методического комплекса и эффективность использованной в нем методологии получили высокую оценку специалистов по прикладному политическому анализу, что отражено в рецензиях профессоров А. А. Дегтярева (МГИМО (У) МИД РФ) и Г. И. Мусихина (НИУ ВШЭ). Комплекс был представлен на ряде международных конференций и семинаров в различных вузах России и в публикациях, в том числе зарубежных [Korotkina, 2014]. Интерес к нему проявили коллеги из ряда вузов Москвы, Петербурга и других городов России, и мы надеемся, что этот интерес будет оправдан.

Литература

Дегтярев А. А. Политический анализ как прикладная дисциплина: Предметное поле и направления развития // Полис. 2004. № 1.

Дегтярев А. А. Принятие политических решений: Учеб. пособие. М.: КДУ, 2004а.

Колесникова Н. И. Что важно знать о языке и стиле научных публикаций. Статья вторая // Высшее образование в России. 2010. № 6. С. 143–148.

Короткина И. Б. Английский для профессионального развития в новом образовательном пространстве. М.: Логос: Университетская книга, 2009.

Новации в политологическом образовании. Программы курсов. М.: КДУ, 2003.

BALEAP: The global forum for EAP professionals // Journal of English for Academic Purposes. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 69–71.

Korotkina I. “English for Public Policy: ESP course design in the changing social science education in Russia” // English for Specific Purposes SIG Journal. 2014. No. 43. P. 24–29.

Irina B. Korotkina
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow

ENGLISH FOR PUBLIC POLICY: MANAGING PROFESSIONAL TERMINOLOGY IN AN ESAP COURSE

Abstract. Public policy as a discipline is relatively new to Russian political scientists, and the problems encountered by researchers involved in the disciplinary discourse within the country are mainly concerned with its terminology. Functional and transparent in the English language, in which it was developed, public policy terminology is hard to translate into Russian due to lexical and structural differences and some inflexible traditions of the local political science discourse. The course and coursebook English for Public Policy was designed to help students and professors overcome these problems by referring directly to the language of the original disciplinary literature. Applying analytical and critical thinking to a variety of authors, texts, and models in policy analysis and policymaking, students become capable of not only inferring the meanings of the English terms, but also apprehending irrelevancies and misinterpretations of those terms in the Russian public policy discourse. The approach is based on ESAP methodology, which has been successfully applied by the author and her colleagues in a variety of disciplinary contexts.

Key words: EAP, ESAP, course design, professional development, public policy.

«ТОТАЛИТАРНАЯ» ЛИНГВИСТИКА КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО И АГРЕССИВНОГО ДИСКУРСОВ

Аннотация. Статья посвящена понятию «тоталитарная» лингвистика, значение которого реализуется в нескольких аспектах. Как феномен тоталитарного общества «тоталитарная» лингвистика рассматривается автором с точки зрения двух дискурсов — политического и агрессивного. Как явление политического дискурса «тоталитарная» лингвистика выполняет все его важные функции: акциональную, агональную, контролирующую, манипулятивную и креативную, что доказывается рядом примеров из истории языковой политики тоталитарных государств XX в., в том числе таких явлений, как пуризм, кодификация государственного языка. В рамках агрессивного дискурса о «тоталитарной» лингвистике можно говорить как о выражении инструментальной агрессии, регулируемой определенными нормами и осуществляемой в определенных рамках, которые, в свою очередь, связаны с общественной парадигмой. Проявления агрессивности «тоталитарной» лингвистики автор демонстрирует на материале языкового империализма, а в рамках научного интрадискурса — как проявление психологического и психического террора. В статье констатируется, что признаки «тоталитарной» лингвистики в равной степени относятся как к политическому, так и к агрессивному виду дискурса, пересекаясь друг с другом, что определяется зависимостью лингвистической парадигмы от общественной.

Ключевые слова: «тоталитарная» лингвистика, дискурс, агрессия, языковой империализм, пуризм, парадигма, нормализация.

Термин «тоталитарная» лингвистика используется нами в нескольких аспектах. Во-первых, как лингвистика, имеющая место в тоталитарных государствах. Здесь мы исходим из гипотезы о том, что тоталитарное общество, независимо от его географических и временных рамок, порождает свою особенную лингвистику, которая определяется прежде всего тоталитарной идеологией. Во-вторых, реализация значения «тоталитарная» лингвистика составляет представление о ней как о совокупности дискурсивных практик в духе М. Фуко, т.е. неких ано-

нимных правил, действующих в определенный исторический период, в нашем случае тоталитарный, и оказывающих влияние на развитие лингвистики. Данные практики приводят к идентичным результатам проводимой языковой политики и определяют научные направления. Набор этих правил создает некую парадигму «лингвистического тоталитаризма», которая может проявляться на отдельных исторических этапах в странах с разным политическим устройством, в том числе и нетоталитарных, и исчезать при отсутствии причин ее появления, т.е. представляет собой, используя термин, заимствованный нами из работ О. А. Радченко, так называемую мерцающую парадигму. Заключение слова «тоталитарный» в кавычки не случайно; решение было принято нами исходя из метафоричности политического и тоталитарного дискурсов, отмечаемой многими исследователями (А. Н. Баранов, Е. И. Шейгал), и в применении к нашей тематике означает наличие комплекса метафор, описывающих язык и языкознание в тоталитарном обществе [Костева, 2013].

В нашем исследовании мы представляем «тоталитарную» лингвистику как объект нескольких дискурсов: политического и агрессивного. При этом мы используем следующее определение политического дискурса: «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал, 2004:23]. Основная функция политического дискурса — его использование в качестве инструмента политической власти. Она подразделяется на ряд частных функций: функции интеграции и дифференциации групповых агентов политики; функции агональности и гармонизации; акциональная и информационная функция; функции интерпретации и ориентации; контролирующая и побудительная функции [Шейгал, 2004: 41–42]. В «тоталитарной» лингвистике в области языковой политики наиболее полное воплощение находят акциональная, агональная, контролирующая и побудительная функции, последнюю можно определить как манипулятивную. Характеризуя языковую политику в тоталитарных государствах в целом, отметим ее специфику, которая проявляется в наличии следующих параметров: 1) пуризме, доходящем в отдельных случаях до ксенофобии; 2) языковом империализме; 3) кодификации и нормализации государственного языка, в том числе обязательном создании концепции орфографических реформ и часто их реализации.

В качестве акциональной функции рассматривается проведение политики через мобилизацию населения. В «тоталитарной» лингвистике она воплощается, например, в дискурсивных практиках проведения реформ орфографии и пуризма, когда к участию в процессе «очищения» языка привлекались широкие народные массы. В Италии в газете *La Gazzetta del Popolo* была создана специальная рубрика, посвященная поиску итальянских эквивалентов заимствованным словам. Ее название полностью соответствовало характеру проводимой языковой политики — «*una parola al giorno*» («в день по слову») и подкреплялось утверждением, что в итальянском языке существует соответствие любому иностранному слову. Помимо лингвистов к работе привлекались и неспециалисты; газеты объявляли конкурсы среди читателей по поиску адекватных итальянских замен иностранной лексике, а самым активным участникам присуждались денежные премии [Raffaelli, 1983].

Вторым проявлением можно считать широкое обсуждение проектов реформ орфографии, проходивших через прямые обращения граждан в средства массовой информации или в специально созданные комиссии и комитеты, а также их последующее обнародование. В приложении к проекту реформы орфографии в СССР в 1930 г. был дан краткий обзор отзывов и предложений с комментариями составителей [Проект Главнауки, 1930: 50–62], где рассматривались не только мнения людей, поддерживающих нововведения, но и мнения противников реформы. В Германии также публиковались призывы в адрес народных масс к принятию новой орфографии. Один из них гласил: «Есть уже только один народ, один рейх, один фюрер. К сожалению, все еще нет единой, ясной, легко понятной орфографии» [Birken-Bertsch, Markner, 2000: 34]. В послевоенное время пуризм в русском языке был тесно связан с борьбой с космополитизмом, с «преклонением перед иностранщиной». Предложения по замене иноязычной лексики русской касались в основном технической, научной терминологии, спортивной и кулинарной лексики. Эти идеи распространялись в таких популярных изданиях, как сатирический журнал «Крокодил», литературные журналы «Звезда», «Новый мир», газеты «Правда», «Известия», «Культура и жизнь», «Литературная газета» [Крысин, 2004: 139–141], охватывая таким образом практически все слои населения СССР и создавая соответственное отношение к данному пласту лексики.

Агональная функция «тоталитарной» лингвистики проявляется в борьбе языковыми средствами против политических противников, что связано с достижением цели тоталитарного государства — тотального контроля над всеми областями жизни. Для этого необходимо наличие одной официальной идеологии единой нации с единым языком, внедряющейся в сознание людей с помощью соответствующей языковой политики, включающей в себя репрессивное отношение как к угрозе извне (к диалектам, языкам национальных меньшинств), так и к внешней угрозе (к иноязычным словам). Именно поэтому политические и идеологические планы правящих кругов оказывают огромное влияние на пуристические движения. Если идеологической доминантой считается единство нации, что должно быть закреплено единым общенациональным языком, то языковой пуризм в тоталитарных государствах доводится до абсурда и превращается в ксенофобию, что поддерживается и всячески поощряется СМИ, находящимися, в свою очередь, в полном подчинении государства. В политической жизни в этот период речь идет о борьбе за новое единое государство. Важным фактором этой борьбы следует считать собственно наличие врага этого государства. Оппозиция «свой/чужой» переносится и в область лингвистики. К «чужим» относятся, например, ученые, использующие иностранные термины; представители буржуазии, речь которых также содержит иноязычные слова (Италия); евреи, элементы языка которых ищут в немецких словах (Германия). В тоталитарных государствах, где речь идет о становлении нации, основанной на общности судьбы (Италия, Испания), осуществляется борьба с внешним «закрытым» врагом (Франция, Англия) [Brumme, 1993] и, соответственно, против заимствований именно из этих языков. Если доминантой считать вопрос расы (например, Германия, Румыния), то пуризм проявляется, прежде всего, в поисках подходящих замен в родном языке на базе собственных словообразовательных элементов для иноязычной лексики и в использовании архаизированных лексических единиц в новом значении в политической и социальной сферах.

Манипулятивная функция политического дискурса связана с созданием специального отношения к тем или иным проявлениям политики государства. В «тоталитарной» лингвистике к таковым относится формирование соответствующего отношения к единому национально-

му языку. Правительственными кругами Италии и Испании целенаправленно внедрялась идея о неполноценности населения, говорящего на диалектах. Обязательным условием вступления в Национальную фашистскую партию (*Partito Nazionale Fascista; PNF*) Италии было владение итальянским литературным языком и его использование во всех областях жизни.

В последнее время исследователями политического дискурса была выявлена его новая функция — креативная, благодаря которой «создается требуемое отношение социума к политической ситуации или отдельным политическим фигурам» [Терентий, 2009: 29]. Данная функция проявляется, например, на первом этапе языковой политики, когда тоталитарное государство только начинало свое образование и основной задачей стала консолидация народных масс вокруг определенного лидера. Для этого были привлечены диалекты. Руководитель итальянских фашистов Б. Муссолини не препятствовал появлению сборников диалектных песен, так как очень часто такие произведения носили явно пропагандистский характер. Примером тому служит сборник диалектальной поэзии «*Il Duce et il fascismo nei canti dialettali*» («Дуче и фашизм в песнях на диалекте») [Fichera, 1937]. В этой книге собраны стихотворения, написанные разными авторами, в основном профессиональными поэтами. Все произведения распределены по нескольким рубрикам, среди которых *Duce* (Дуче), *Fascismo* (Фашизм). Содержание стихотворений отражает основные этапы жизни Муссолини (рождение, издательская деятельность, политическая деятельность) и исторические события, связанные с именем дуче (например, поход на Рим), при этом авторы представляли Муссолини как человека порыва, создателя фашистской партии, вождя, сравнивая его с королевой Марией [Новый ... словарь, 2005]. Помимо поощрения диалектов, лидер Итальянского государства прибегал и к другим популистским методам: например, использованию инвективной лексики, фраз типа *me ne frego* («меня это не колышет») от глагола *fregarsene*, что означает «плевать, чихать, относиться наплевательски к кому-либо, чему-либо» [Терентий, 2009: 29]. Все это способствовало росту популярности дуче среди народных масс.

В Германии 1930-х годов диалекты, несмотря на наличие общего языка, использовались на радио и в прессе. Особую роль играл ниже-

немецкий диалект — платтдойче (*Plattdeutsch*). Возможное объяснение предпочтения этому диалекту можно найти в политической сфере, например, еще в 1928 г. Национал-социалистская рабочая партия Германии (НСДАП) одержала довольно крупную победу на выборах в земле Шлезвиг-Гольштейн. Воспользовавшись этим, фашистская партия начала вести активную пропагандистскую работу среди населения, целенаправленно используя диалект, служащий ораторам оружием для скорейшего достижения своих целей, в том числе для критики противников зарождающегося режима. Пропагандистским целям способствовала также литература на платтдойче, имевшая явный профашистский характер. Публикация стихов на нижненемецком диалекте с политическим подтекстом в локальных газетах быстро нашла последователей и превратилась в своеобразную традицию. Написанием политических стихов занимались не только графоманы, но, аналогично Италии, профессиональные поэты и знаменитые писатели. Газеты также имели постоянную рубрику на диалекте, освещающую политические события [Dohnke, 1995].

Агрессивный дискурс представляется как культурно-историческое явление, т.е. как фрагмент «лингвокультурной реальности конкретного языкового сообщества, опирающегося на сложную систему традиций <...> неписаных правил» [Радченко, 2009: 61], что в нашем случае оказывает влияние на стиль мышления и поведения учено-лингвиста, а также проявления этого влияния в лингвистике. В этом смысле агрессивный дискурс следует рассматривать как интрадискурс, который можно обнаружить в ряде частных дискурсов, в том числе научном. Говоря об агрессии, исследователи различают ее два основных типа: враждебную и инструментальную. Если враждебная агрессия представляет собой спонтанное явление, то инструментальная — это хорошо продуманный алгоритм действия [Радченко, 2009:63]. Она регулируется определенными нормами и осуществляется в определенных рамках. Данные нормы и рамки возникают постепенно и связаны как с идейно-политической, так и с экономической жизнью государства, т.е. представляют собой общественную парадигму.

Агрессивность «тоталитарной» лингвистики в научном дискурсе проявляется прежде всего в создании системы физического и психологического террора, репрессиях, различных запретах и ограничениях для

ученых-лингвистов, не согласных с предписаниями правящих кругов (например, запрет на профессию, запрещение публикаций, лишение финансирования, запрет на зарубежные командировки, обязательное членство в правящей партии и т.д.). Вынужденное приспособление к созданным условиям привело к тому, что, независимо от своих политических убеждений, многие из них невольно превратились в проводников государственной языковой политики. Именно лингвисты кодифицировали слова «тоталитарного» языка, участвовали в орфографических проектах, работали над «очищением» языка и таким образом способствовали формированию «тоталитарной» лингвистической парадигмы. С другой стороны, отметим большие достижения лингвистики в данный период. Несмотря на ограниченные возможности контактов с зарубежными коллегами, общую агрессивную среду, особенно в период утверждения тоталитарного государства, наука в тоталитарных государствах часто опережала развитие ее в государствах с нетоталитарным устройством общества, как это было, например, в случае работ в рамках структурализма, в активной лексикографии, языковом строительстве и др.

Наиболее ярко агрессивность тоталитарной лингвистики проявляется в языковом империализме, в насильственной ассимиляции, т.е. принудительном навязывании иного языка и культуры. Для обозначения этой политики в лингвоисториографии существуют соответствующие термины — «итальянизация», «германизация», «испанизация», «китаизация» или «русификация» населения.

Репрессивный характер языковой политики проявился в принудительных, порой жестких и даже картельных мерах. Так, франкистский режим Испании запретил в Каталонии использовать каталанский язык в повседневном общении. На языке, родном для восьми миллионов человек, говорили с опаской даже в семейном кругу. Многие пожилые испанцы вспоминают, что во время диктатуры Франко в Барселоне, например, человека могли забрать в полицию только за то, что он на улице говорил на каталанском, а не на кастильском (испанском) языке. В Южном Тироле после 1925 г. был запрещен немецкий алфавит, соответственно все немецкие надписи и вывески, а также немецкие личные имена. Последнее относилось к именам не только живущих, но и умерших людей, что вынудило немецкоговорящее население сти-

рать немецкие надписи с надгробий и заменять их на итальянские [Steiniger]. В Эльзасе в рамках так называемой *Entwelschungs-Kampagne* (кампания по искоренению всего романского), т.е. борьбы с французским языком, помимо вышеназванных действий в 1940–1941 гг. добавилось публичное сжигание изъятых у населения книг на французском языке. Исполнение приказов строго контролировалось соответствующими государственными структурами, а неповиновение могло обернуться заключением в концентрационный лагерь или другими видами репрессий [Simon, 1989].

Во времена культурной революции в КНР владение родным языком было соотнесено с некой «дурной привычкой» [Москалёв, 1981: 131], от которой следовало избавиться путем уничтожения языков неханьских народностей. Борьба с языками национальных меньшинств осуществлялась преимущественно в сфере школьного образования и проявлялась в закрытии национальных школ, институтов национальностей, уничтожении национальной литературы, в отдельных случаях с публичным сжиганием книг. Кроме того, использовались средства физического и психологического террора, проявляющиеся в наказании учеников, говорящих на диалекте, или травле национальных кадров работников просвещения, их последующее трудоустройство в качестве распространителей китайского языка среди неханьского населения [Москалёв, 1981: 130–131].

Таким образом, признаки «тоталитарной» лингвистики в аспекте языковой политики в равной степени относятся как к политическому, так и к агрессивному виду дискурса, в большинстве случаев пересекаясь друг с другом, что определяется, прежде всего, проводимой политикой тоталитарного государства и зависимостью лингвистики от государственных установок в различных областях общественной жизни. Соответственно, «тоталитарная» лингвистика предстает как объект изучения двух дискурсов, т.е. явлением многоплановым, исследование которого следует осуществлять с нескольких позиций. Именно такой подход позволит провести, с одной стороны, метакритический анализ «тоталитарной» лингвистики как особой лингвистики в общей лингво-философской концепции XX в., а с другой — внести вклад в теорию политической лингвистики и теорию агрессивного дискурса.

Литература

Костева В. М. «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике: Монография. М.: МГПУ, 2013. 128 с.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Москалёв А. А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949–1978). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981.

Новый большой итальянско-русский словарь // Под ред. Г. Ф. Зорько. М.: Русский язык-Медиа, 2005. 1020 с.

Проект Главнаука о новом правописании / Сост. Н. Кременский, В. Мамонов; под ред. Г. Данилова и Г. Костенко. М.: Работник просвещения, 1930.

Радченко О. А. Исследования агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1.

Терентий Л. М. Дипломатический дискурс: политика, наука, искусство. М.: Научная книга, 2009.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Birken-Bertsch H., Markner R. Rechtschreibreform und Nationalsozialismus. Göttingen: Wallstein Verlag, 2000.

Brumme J. Die “Einheit Spaniens” und die “Einheit der Sprache” im Diskurs der Falange (1936–1939) / К. Bochmann // Sprachpolitik in der Romania: Zur Geschichte sprachpolitischen Denkens und Handelns von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart. Berlin; N.Y.: Walter de Greyter, 1993. S. 382–407.

Dohnke K. Volkes Mund und Führers Wille. Propaganda für die Nazis — auf Platt // Ende und Anfang im Mai 1945. Das Journal zur Ausstellung. Kiel: Neuer Malik Verlag, 1995. S. 147–151.

Fichera F. Il Duce e il Fascismo nei Canti dialettali d’Italia. Milano: Enziona del «Convivio LETTERARIO», 1937. 461 p.

Raffaelli S. Le parole proibite: Purismo di stato e regolamentazione delle pubblicità in Italia (1812–1945). Bologna: Il mulino, 1983.

Simon G. Zwangsbücherverbrennungen und KZ. Die ideologiegeschichtlichen Hintergründe der nationalsozialistischen Sprachpolitik im Elsass. 1989. URL: <http://www.homepages.uni-tuebingen.de/gerdsimon/>.

Steiniger R. Die Südtirolfrage. URL: http://www.rolfsteininger.at/bilder/aufsatz_Steininger.

Victoria M. Kosteva
Moscow City Teacher Training University

«TOTALITARIAN» LINGUISTICS AS OBJECT OF POLITICAL AND AGGRESSIVE DISCOURSES

Abstract. The article is devoted to the concept of «totalitarian» linguistics whose value is realized in several aspects. As a phenomenon of totalitarian society, «totalitarian» linguistics is considered by the author from the point of view of two discourses — political and aggressive. As a phenomenon of political discourse, «totalitarian» linguistics carries out all its important functions: actional, agonal, controlling, manipulative and creative, which is borne out by a number of examples from history of language policy of the totalitarian states of the 20th century, including such phenomena as purism and codification of the state language. As a phenomenon of aggressive discourse, «totalitarian» linguistics can be described as an expression of the instrumental aggression regulated by certain norms and carried out in certain contexts which, in turn, are connected with a public paradigm. The author shows manifestations of aggression of «totalitarian» linguistics by invoking language imperialism, and within scientific intra discourse — as manifestation of psychological and mental terror. The article notes that «totalitarian» linguistics equally belongs both to political and to aggressive types of discourse, this overlap being due to dependence of a linguistic paradigm on the public.

Key words: «totalitarian» linguistics, discourse, aggression, language imperialism, purism, paradigm, normalization.

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ НАКАЗОВ
ИЗБИРАТЕЛЕЙ КАНДИДАТУ НА ДОЛЖНОСТЬ
ПРЕЗИДЕНТА РФ
(по материалам официального
интернет-сайта В. В. Путина)**

Аннотация. В статье анализируются интернет-тексты наказов (предложений) избирателей кандидату на должность Президента РФ в 2012 г., размещенные на персональном предвыборном сайте В. В. Путина. Приводится краткая история возникновения и распространения в отечественном политическом дискурсе жанра наказа избирателей; характеризуются гипертекстовые средства организации раздела сайта, который содержит тексты анализируемого жанра; указываются содержательные, композиционные и прагматические черты сходства анализируемых интернет-текстов с текстами интернет-комментариев к видеоблогу Д. А. Медведева; рассматривается выявленная в результате анализа инвариантная коммуникативно-прагматическая структура данных текстов, реализуемая посредством экспликации в текстах определенных коммуникативно-познавательных действий. В статье описывается прагматическая специфика текстов наказов избирателей, которая проявляется в типах речевых актов, используемых авторами для оказания воздействия на кандидата в Президенты РФ. Называются наиболее частотные стилистико-риторические средства, используемые авторами интернет-текстов предложений избирателей. Статья содержит вывод о том, что текст наказа избирателей представляет собой гибридный жанр, в котором находят отражение жанровые особенности текстов наказа избирателей, жалобы и интернет-комментарии, что типично для современных жанров интернет-коммуникации.
Ключевые слова: политический дискурс; интернет-коммуникация; официальный сайт политика, жанр наказа избирателей кандидату, коммуникативно-прагматическая структура текста.

Общеизвестно, что многие отечественные политики активно используют современные интернет-ресурсы в качестве инструмента влияния на электорат. Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением

о том, что «Интернет сегодня — это мощный дополнительный канал презентации людьми своих социальных потребностей, механизм давления на власть и использования потенциала политики для выражения своих потребностей» [Политические коммуникации, 2004]. В связи с этим представляется вполне закономерной попытка изучения обратной связи, т.е. способов воздействия потенциальных избирателей на политика. Одним из таких способов воздействия электората на политика могут служить тексты наказов (предложений) избирателей кандидату, размещенные на его персональном предвыборном сайте.

Кратко характеризуя историю возникновения и распространения наказа избирателей, исследователь М. Г. Кратнова отмечает, что «как самостоятельный вид документа наказ вошел в правотворческую российскую практику еще в период Московского государства. В то время он представлял собой царское поручение о порядке осуществления управленческих функций, адресованное воеводе или иному чиновнику» [Кратнова, 2012]. В настоящее время наказания избирателей «являются одной из форм осуществления народовластия, реального участия граждан в управлении делами государства, а также активно используются в общем документопотоке обращений граждан к органам власти» [Кратнова, 2012]. По определению составителей онлайн-энциклопедического словаря (dic.academic.ru), «наказы избирателей представляют собой поручения избирателей своим депутатам в представительном органе, одобренные в установленном порядке; выражают принцип императивного мандата» [Авакьян, 2005]. Императивный мандат означает «ответственность депутата перед своими избирателями, которые имеют право давать наказания депутатам и отзываться их в установленных законом случаях» [Энциклопедия юриста, 2005].

Исследователь В. Ф. Коток полагает, что «назначение наказов состоит в том, что они очерчивают на основе Конституции пределы полномочий представителей и представительных органов и дают народу, поручившему этим органам осуществление государственной власти, право контролировать представителей и представительные органы и в случае нарушения представителем требований наказа лишать его полномочий» [Коток, 1963]. При этом в словарной статье электронного энциклопедического словаря отмечается, что конституции демократических государств не предусматривают институт наказов и подотчет-

ности депутатов перед избирателями, так как предполагается, что, поскольку народный избранник является представителем всего народа, он должен быть независим от наказов избирателей отдельного округа (региона). Между тем анализ контента предвыборного сайта В. В. Путина свидетельствует об актуальности интернет-текстов жанра наказа избирателей.

Изучение наказов избирателей кандидату на должность Президента РФ было проведено методом случайной выборки на материале около 200 текстов, представленных на предвыборном сайте В. В. Путина (putin2012.ru) в разделе *Изменим Россию вместе*. Гиперссылка на этот раздел находится на главной странице персонального сайта кандидата. Раздел *Изменим Россию вместе* → *Предложения В. Путину* является наиболее посещаемой страницей предвыборного сайта, так как содержит самое большое количество текстов (2753), размещенных в одном разделе, и, по-видимому, заменяет собой интернет-форум или интернет-страницы, предназначенные для общения кандидата с его потенциальными избирателями.

Посетители предвыборного сайта В. В. Путина имеют возможность оставить свои предложения кандидату в одной из следующих 14 под рубрик: *внешняя политика, ЖКХ, здравоохранение, использование природных ресурсов, оборона, образование и наука, политическое устройство, правоохранительные органы, развитие бизнеса, сельское хозяйство, социальное обеспечение, средства массовой информации, судебная система, другие темы для предложений*. Интернет-пользователям предоставлена возможность проголосовать за определенное предложение или против него. Вертикальная полоса прокрутки текстов предложений позволяет читателям просматривать тексты по интересующей теме, а также сортировать предложения по датам и популярности.

На наш взгляд, тексты предложений избирателей, размещенные на предвыборном сайте В. В. Путина, можно отнести к речевым произведениям, которые представляют собой своеобразный сплав таких жанровых разновидностей, как наказ избирателя, жалоба и интернет-комментарий. Кроме того, проведенный нами в более ранних работах анализ текстов комментариев к видеоблогу Д. А. Медведева показывает значительное сходство анализируемых текстов в содержательном, композиционном и прагматическом аспектах. Сходство проявляется в пер-

вую очередь в том, что адресатом этих интернет-сообщений выступает Президент РФ, т.е. человек, занимающий высшую государственную должность (либо в период избирательной кампании — кандидат на названную должность). Сходством характеризуются также реализуемые авторами интенции и речевое оформление анализируемых текстов.

Содержание стандартного текста наказа избирателей составляют преимущественно жалобы избирателя на сложившуюся в той или иной сфере проблемную ситуацию и предложения по выходу из нее. Многие из анализируемых избирателями ситуаций вполне могут быть разрешены органами государственной власти в российских регионах, но поскольку местные власти, к сожалению, не прилагают усилий для разрешения возникающих проблем, граждане вынуждены обращаться с просьбами к Президенту РФ (в период избирательных кампаний — кандидатам на эту должность), например (правописание оригинала сохранено):

а) *«У нас в селе Ягул очень высокая плата за отопление. 37 рублей за 1 кв. метр площади по сравнению с г. Ижевском — 17–18 рублей за 1 кв. метр. ...Наша администрация утверждает, что чем меньше потребителей газа, тем больше плата за отопление. Так ли это? Помогите разобраться в правильности начислений платы за отопление или нас опять обманывают?»* (Барышева Ольга, 3 марта 2012 г.); б) *Здравствуйте, Владимир Владимирович. ...Мое предложение и огромная просьба — сделать что-либо с Московским нефтеперерабатывающим заводом. Его выбросы не дают нормально жить половине Москвы! Превышение ПДК по сероводороду более чем в 100 раз! Даже у нас, на Борисовских прудах, невозможно дышать, когда ветер со стороны МНПЗ»* (Глотова Людмила, 2 марта 2012 г.).

В результате анализа текстов наказов избирателей была выявлена инвариантная коммуникативно-прагматическая структура текстов, которая реализуется посредством экспликации в текстах следующих коммуникативно-познавательных действий: 1) обращение к кандидату на должность Президента РФ или приветствие; 2) представление (называние) автора текста или перечисление наиболее значимых сведений из его биографии; 3) похвала деятельности кандидата на пост президента (его выступлений, положений предвыборной программы, действий Правительства РФ в целом); 4) краткое описание проблем-

ной ситуации с приведением подтверждающих позицию автора примеров «с мест»; 5) предложения автора текста по выходу из описанной проблемной ситуации; 6) пожелание, просьба (нередко — приказание) кандидату разрешить названную проблему после его избрания на должность Президента РФ; 7) прогнозирование развития проблемной ситуации в случае ее (не)разрешения; 8) выражение уверенности автора текста в победе В. В. Путина на предстоящих президентских выборах; 9) этикетная рамка (пожелание кандидату одержать победу на выборах, благословение, выражение благодарности, подпись автора).

Прагматическая специфика текстов наказов избирателей проявляется прежде всего в типах речевых актов, используемых авторами для оказания воздействия на кандидата в Президенты РФ. В процессе исследования было определено, что в текстах раздела «Изменим Россию вместе» сайта В. В. Путина используются почти все типы речевых актов, рассмотренных в классификации Н. И. Формановской, за исключением, пожалуй, речевых актов-декларативов. Совершенно очевидно, что речевые акты-побуждения (директивы), репрезентативы и рогативы (вопросы) являются определяющими как для формирования содержательных особенностей, так и для создания прагматической направленности анализируемых текстов. В то же время речевые акты выражения эмоций (экспрессивы) и оформления позиций речевого этикета (контактивы) выполняют не менее важные функции создания этикетной рамки текста наказа, с одной стороны, и способа выражения эмоций автора — с другой.

Речевые акты-репрезентативы позволяют авторам интернет-текстов описать сложившуюся проблемную ситуацию, констатировать негативное положение дел. Так, автор текста «Спасти естественно-научное образование и фундаментальную науку» пытается объяснить реальную ситуацию оплаты труда преподавателей высшей школы:

«В. Путину как действующему премьер-министру и будущему президенту следовало бы знать РЕАЛЬНУЮ ситуацию в науке и образовании. Самые востребованные в мире специалисты из России — математики и физики (с компьютерщиками особая ситуация). Они же — самые ненужные люди в нашей стране, если судить по реальным зарплатам, а не тем, которые фигурируют в средствах массовой информации. Зарплата молодого преподавателя университета — 60 000 рублей В ГОД, а не в ме-

ся, как можно подумать после телепередачи о посещении В. Путиным научного центра в Сарове. Обещание средней зарплаты в 30 000 в сфере высшей науки и высшего образования к 2010 г. реализовано так: чтобы заработать такие деньги я, доктор наук, профессор, работаю в трех университетах, причем в двух из них заведу кафедрами. Результат такой политики: ВСЕ мои лучшие ученики уехали в США и страны Западной Европы, а лучшие студенты уже знают, в какой из зарубежных университетов они уедут после получения российского диплома. ...Без естественнонаучного образования и фундаментальной науки у страны нет будущего, а времени на изменение ситуации тоже нет, старые кадры уходят, а молодые разъезжаются» (Соболев Владимир, 29 февраля 2012 г.).

Наиболее частотным типом речевых актов в текстах наказов избирателей выступают, без сомнения, директивы, т.е. речевые акты, при помощи которых авторы выражают свои просьбы, пожелания, предложения и в ряде случаев — мольбы к кандидату на должность президента, например:

а) *«Предлагаю в кратчайшие сроки национализировать тем или иным способом природные ресурсы, а также землю, чтобы исключить возможность использования ресурсов государства для личного лавинообразного обогащения малочисленной группы людей»* (Догадин Максим, 5 февраля 2012 г.); б) *Здравствуйте уважаемый Владимир Владимирович! Прошу Вас в ближайшее время отменить принудительный призыв в армию, так как у нас молодая семья и не хотелось бы жить год без мужа»* (Токмакова Мария, 3 марта 2012 г.).

Речевые акты-рогативы, реализуемые авторами текстов наказов, представляют собой вопросительные предложения, основной интенцией которых служат побуждение адресата к действию и одновременно — выражение негативных эмоций адресанта. Это положение иллюстрируют следующие текстовые фрагменты:

а) *«Когда же Вы, Владимир Владимирович поставите точку в вопросе об инвалидных автомобилях. Почему одним, кто получил инвалидность на производстве, получить инвалидный автомобиль можно, а тем, у кого инвалидность по заболеванию в этом отказано»* (Колчин Вячеслав, 4 марта 2012 г.); б) *Здравствуйте, Владимир Владимирович! Скажите, пожалуйста, когда у нас, медиков, в инфекции работающих, будут достойные зарплаты»* (Жаркова Ирина, 29 февраля 2012 г.).

Изучение речевого оформления текстов наказов кандидату на должность президента позволило установить ряд наиболее частотных стилистико-риторических средств, используемых авторами как для наиболее эффективного выражения собственных интенций, так и для оказания программируемого эмоционального воздействия на адреса и других авторов обращений к кандидату в президенты. К таким средствам следует отнести использование авторами текстов газетных штампов советского времени и речевых средств официально-делового стиля русского литературного языка, многочисленных эпитетов, фразеологических оборотов, лексических повторов, синтаксического параллелизма, восклицательных и вопросительных предложений, риторических вопросов, иронии и др.

Подводя предварительные итоги анализа интернет-текстов наказов избирателей кандидату на должность Президента РФ, отметим, что в условиях функционирования официального регистра интернет-коммуникации на русском языке тексты наказов избирателей кандидату на должность Президента РФ представляют собой гибрид речевых произведений жанра наказа, жалобы и интернет-комментария. Анализируемые тексты имеют значительные черты сходства с текстами интернет-комментариев к видеоблогу Д. А. Медведева в содержательном, композиционном и прагматическом аспектах, характеризуются стандартизованностью композиционной структуры, соответствием нормам офлайн-политической коммуникации и в целом речевой грамотностью (или, по крайней мере, стремлением к ней).

Литература

Авакьян С. А. Наказы избирателей // Энциклопедия юриста. 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1299.

Коток В. Ф. В. И. Ленин и указы избирателей // Советское государство и право. 1963. № 4. С. 17–28.

Кратнова М. Г. Исполнение наказов избирателей: система документных текстов // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 238–241.

Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю.Ю. и др.]; под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004.

Энциклопедия юриста. Мандат // Энциклопедия юриста. 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1299.

Elena M. Krizhanovskaja
Perm State National Research
University, Perm

**COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC
PECULIARITIES OF ELECTORAL MANDATES
TO THE PRESIDENTIAL CANDIDATE
(Based on Vladimir V. Putin's Official Site)**

Abstract. The article analyzes the Internet texts of electoral mandates to the candidate on a post of the Russian Federation's President in 2012 placed on Vladimir V. Putin's personal pre-election site. This article gives the review of electoral mandate genre's origin and distribution in the Russian political discourse; characterizes hypertext means of the set-up of the site's section which contains texts of the genre under the analysis; it points out the intensional , composition and pragmatic similarity features of the analyzed Internet texts and the texts of Internet comments to Dmitry A. Medvedev's video blog; it considers the communicative and pragmatic invariant structure of the given texts which is realised by means of explication on the text level of certain communicative and cognitive actions. The article describes pragmatic peculiarities of electoral mandates' text the former manifesting themselves in types of the speech acts used by the authors to influence the candidate on a post of the Russian Federation's President. The author defines the most frequent stylistic and rhetorical means used by the authors of Internet electoral mandates' texts. This article contains the conclusion that the electoral mandate's text represents a hybrid genre which reflects features of the texts of the electoral mandate, the complaint and the Internet comment which is typical of modern genres of the Internet communication.

Key words: political discourse; the Internet communication; the politician's official website, genre of electoral mandate, communicative and pragmatic structure of the text.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРЕСУППОЗИЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье предложен новый подход к изучению прагматических пресуппозиций, функционирующих в политическом дискурсе. Основопологающим фактором является ключевая роль прагматических пресуппозиций в когнитивном обеспечении понимания текста политического содержания. На примере изучения восприятия и понимания политических реалий показана важность коммуникативно-лингвистического анализа исследуемых текстов политических статей.

Ключевые слова: коммуникативно-лингвистический анализ, политический дискурс, прагматические пресуппозиции, референциальные значения, лингвопрагматические знания, макроструктура текста.

Цель исследования — выявление характерных особенностей функционирования прагматических пресуппозиций в англоязычном политическом дискурсе. Она предполагает выполнение следующих задач: анализ функционирования прагматических пресуппозиций в качестве индикаторов имплицитных смыслов, а также рассмотрение на примерах восприятия и понимания политических реалий различной интерпретации скрытого смысла выражений, содержащих прагматические пресуппозиции.

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, «цель политического дискурса — не только описать, но и убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Павлова, 2005: 99]. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели.

Среди стратегий аргументативного дискурса, включенного в политический дискурс, можно выделить аргументацию и степень убеждения. Умение использовать прагматические пресуппозиции в качестве допол-

нительной, часто скрытой информации позволяет говорящему быть более убедительным и целенаправленно воздействовать на слушателей.

Под прагматической пресуппозицией мы понимаем:

- представление говорящего о контексте;
- общие знания (фоновые знания);
- условие уместности и успешности высказывания.

Набор всех пресуппозиций говорящего в конкретном контексте задает класс возможных миров, в которых эти прагматические пресуппозиции релевантны. Прагматическая пресуппозиция некоего суждения считается истинной, если само суждение коммуникативно уместно и автор высказывания считает, что оно истинно, и полагает, что адресат также считает, что данная пресуппозиция истинна. В таких случаях проявляется интересубъективность.

Изучение прагматических пресуппозиций в макроструктуре политического текста целесообразно начинать с коммуникативно-лингвистических пресуппозиций, противопоставленных другим разновидностям прагматических пресуппозиций по сфере знания. Такие пресуппозиции связаны с лингвопрагматическим (конвенциональным) знанием, т.е. знанием контекста ситуации, включая знания о ее участниках, а также правил применения языковых средств для достижения коммуникативных целей и правил адекватной интерпретации иноязычного текста.

Актуализируемые и формируемые в ходе когнитивной обработки прагматические пресуппозиции имеют гетерогенный характер, при этом ключевую роль играют коммуникативно-лингвистические и оперативно-дискурсивные пресуппозиции, взаимодействие которых обеспечивает адекватную идентификацию пропозициональных и референциальных значений дискурса.

Такой подход объясняется, во-первых, тем, что именно коммуникативно-лингвистические пресуппозиции актуализируются при когнитивной обработке текста с участием хранящихся в долговременной памяти читателя соответствующих моделей, которые с полным правом можно отнести к коммуникативно-лингвистическим пресуппозициям. Во-вторых, при более глубоком лексико-семантическом анализе происходит актуализация прагматических пресуппозиций, обозначающих или скрывающих определенные события или факты, правильное по-

нимание которых позволяет более точно и адекватно воспринимать все сообщение целиком.

Однако дискурсивный подход, принятый в когнитивно-коммуникативной парадигме, ставит проблему особенностей функционирования пресуппозиций в дискурсах разных типов, установления ее вербальных характеристик и классификационных аспектов.

Прагматическая пресуппозиция — отношение между говорящим и уместностью высказывания в контексте.

Очень часто пресуппозиции выступают в роли индикатора имплицитного смысла, и в этой связи становится очевидным, насколько важно изучение прагматических пресуппозиций, которые можно трактовать как составляющую фоновых знаний говорящего и слушающего, «условия эффективности речевого акта» [Арутюнова, 1973: 88], а также как потенциальную предрасположенность к восприятию новой информации. Коммуникант строит свое высказывание на основе определенной информации, которая, как он полагает, известна адресату. Эта информация и представляет собой элемент содержания прагматической пресуппозиции. Однако в определенных коммуникативных условиях содержание прагматической пресуппозиции оказывается реально неизвестным для адресата.

Поскольку объектом нашего исследования являлись общественно-политические реалии, то следует отметить, что к ним обычно относят:

- названия политических партий и общественных организаций;
- реалии законодательной власти и судебной системы;
- названия общественных и исправительных заведений;
- должности государственных служащих;
- безэквивалентную лексику (названия газет, журналов и т.п.).

В следующих примерах мы рассмотрим имплицитную составляющую прагматических пресуппозиций, способствующих выявлению дополнительной информации с использованием политических реалий для большего убеждения.

Например:

...where **the red-shirts** are strong...

...где находится **укрепленный лагерь «красных рубашек»**...(*euronews.com*)

При сравнении с русскоязычным вариантом данной фразы мы видим, что реалия **the red-shirts** передается с помощью калькирования.

От читателя требуется наличие сопутствующих фоновых знаний, которые позволили бы понять смысл словосочетания «**красные рубашки**». «Краснорубашечники» (исп. *Camisas Rojas*) — мексиканская военизированная организация, существовавшая в 1930-е годы, основанная на яростной антикатолической позиции. Группа создавалась для выполнения приказов губернатора Томаса Гарридо Канабала. Униформой были красные рубашки, черные штаны и черные или красные военные кепки. Группа состояла из мужчин в возрасте от 15 до 30 лет. При использовании экспликации скрытый смысл прагматической пресуппозиции позволяет понять, кто такие эти «красные рубашки» и что их сила проявляется в наличии укрепленного лагеря. В русском варианте использовался прием компенсации смысловых потерь при переводе оригинала путем расширения смысла слова «*strong*».

Следующий пример показывает важность смысла прагматической пресуппозиции для правильного восприятия политического контекста:

*The 2008 US presidential campaign has begun dramatically with **two clear front-runners emerging in the Iowa caucus.***

*Барак Обама, один из претендентов на пост Президента США от Демократической партии, получил в свою поддержку наибольшее число голосов в ходе состоявшихся в штате Айова **собраний партийных активистов** (euronews.com).*

Для правильного восприятия политического термина **caucus** следует использовать описательный перевод. Он заключается в объяснении значения лексической единицы при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, т.е. при помощи ее дефиниции.

Поскольку данная политическая реалия имеет разные значения в американском и британском вариантах английского языка, то следует правильно уяснить ее значения, опираясь на ситуативный контекст, т.е. прагматическую пресуппозицию.

Согласно словарным данным, политическая реалия **caucus** имеет следующие значения: 1) (в США) закрытое собрание партийных лидеров для предварительного обсуждения политических и организационных вопросов; 2) (в Англии) политика подтасовки выборов, давления на избирателей и т.п.

Здесь, естественно, актуально первое значение слова, которое можно воспринимать как **собрание партийных активистов**.

При сравнении с русскоязычным вариантом данного предложения прагматическая пресуппозиция *...two clear front-runners emerging in the Iowa caucus* не была использована и общий смысл всего предложения был искажен. В итоге получился перифраз смысла нескольких предложений с выводом интерпретатора данного текста для большей убедительности. А в результате русскоязычный читатель получил ложную информацию.

Рассмотрим еще один пример:

Andrew Mitchell resigned on Friday from his position as chief whip.

Министр британского правительства Эндрю Митчелл подал в отставку (euronews.com).

Словосочетание *chief whip* в данном предложении имеет скрытый смысл, который понятен только носителям языка, разбирающимся в политике и знающим, кто такой Эндрю Митчелл. Согласно словарным данным, *whip* — это:

- 1) политический парламентский организатор партии;
- 2) повестка партийного организатора о необходимости присутствовать на заседании парламента.

Прагматическая пресуппозиция *...resigned... from his position as chief whip* позволяет сделать вывод, что речь идет не о повестке партийного организатора. А с учетом фоновых знаний, позволяющих аргументировать смысл всего предложения, мы можем воспринимать выделенный политический термин *chief whip* как *министр* (парламентский представитель партии, назначенный на пост министра), в данном контексте сложивший свои полномочия.

Хотя нужно допустить, что не всегда существует возможность лаконично и точно передать значения политических терминов (реалий) даже с учетом прагматических пресуппозиций.

Для эффективности убеждения политические деятели прибегают к различным тактикам, которые мы рассмотрим в других работах.

В целом анализ аргументативной коммуникации позволяет определить позиции политического деятеля, установить способы воздействия на аудиторию и проследить структуру построения аргументов с помощью прагматических пресуппозиций, чтобы определенным образом воздействовать на сознание слушателей.

Таким образом, исследование роли прагматических пресуппозиций в когнитивной обработке речевых произведений есть не что иное, как

исследование процессов формирования нового знания, осуществляемое на основе изучения текстовых репрезентаций политического дискурса.

Литература

Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 84–89.

Павлова Е. К. Лексические проблемы глобального политического дискурса // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация М.: Изд-во МГУ, 2005. № 2. С. 98–112.

Электронные источники

Информационный портал Euronews. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.euronews.com>.

Информационный портал InoСМИ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/>.

Энциклопедия США. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://prousa.ru>.

Ekaterina M. Litvinova
Moscow Academy of Humanities
and Technology, Moscow

PRAGMATIC PRESUPPOSITION AS A COMPONENT OF POLITICAL DISCOURSE COMMUNICATIVE-LINGUISTIC ANALYSIS

Abstract. The article represents a new research approach to pragmatic presuppositions functioning in political discourse. A key role of pragmatic presuppositions in the political text cognitive perception is the basic factor. An example of how political realia comprehension can be analyzed proves the importance of communicative-linguistic analysis of the political texts in question.

Key words: communicative-linguistic analysis, political discourse, pragmatic presupposition, referential meanings, linguopragmatic knowledge, text macrostructure.

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. В условиях современного общества средства массовой информации имеют большое значение как инструмент влияния на сознание людей с помощью производства и распространения текстов для массовой аудитории, а также различных технологий информационно-психологического воздействия. Политический дискурс — составляющий элемент медиадискурса, который довольно многообразен. Когнитивный подход считается одним из приоритетных в изучении медиадискурса, поскольку массмедиа, благодаря своей посредствующей функции, отображает и трактует события реальной действительности. Важнейшими понятиями на когнитивном уровне изучения медиатекстов становятся информационное общество, языковая картина мира, идеология и культура. В статье рассматривается сущность понятий «идеология» и «пропаганда» в русском и английском языках, что определяет их актуальность. Идеология представляет собой теоретический конструктор обществ, а пропаганда — средство распространения этой конструкции в массовом сознании. Практически во всех обществах одно не существует без другого. Также предпринимается попытка провести сравнительно-сопоставительный анализ лингвистической презентации одних и тех же событий через русско- и англоязычные электронные (интернет) ресурсы СМИ. Поскольку интенсивность пропаганды возрастает в период социально-политических противостояний, материалом исследования являются медийные тексты, посвященные современному общественно-политическому противостоянию различных идеологий относительно Украины, так называемая санкционная война (*sanctions war*). Спектр лингвистических (в первую очередь стилистических) приемов в СМИ в значительной степени зависит от политической направленности издания, а также принадлежности материала к одному из типов медиатекстов (новости или информационно-аналитические публикации в блогах или форумах). Богатый иллюстративный материал на русском и английском языках отражает особенности наименования явлений общественно-политической жизни через призму государственной пропагандистской деятельности.

Ключевые слова: медиадискурс, политический дискурс, идеология, пропаганда, общественно-политическая терминология.

В условиях современного медиациентричного общества средства массовой информации имеют большое значение как инструмент формирования мировоззрения, ценностной ориентации людей и влияния на их сознание с помощью производства и распространения текстов для массовой аудитории, а также различных технологий информационно-психологического воздействия.

Медиадискурс XXI в. разнообразен, новостные потоки довольно многообразны (кроме привычного жанра «выпуск новостей» существуют информационная аналитика и комментарии, текстовые очерки, тематические авторские материалы и т.п.). В современной журналистике в эпоху нанотехнологий и всеобщей компьютеризации меняются речевые характеристики жанров. Наблюдается трансформация традиционных жанров, что выражается в видовой контаминации: «интервью—комментарий», «заметка—анонс», «блог—мнение» и др. Возрастает популярность авторских колонок, которая прямо пропорционально зависит от языковой личности автора (например, авторские страницы станции «Эхо Москвы», блоги на *CNN*) и является примером так называемого *opinion writing/writers/editors*. Появляются специальные ассоциации (*Association of Opinion Journalists* — <http://www.opinionjournalists.org/main/about-aoj/>), онлайн-платформы (*The Rhetorica Network* — <http://rhetorica.net/why-opinion-journalism-matters>), цель которых повлиять на формирование общественного мнения на определенную проблему. Платформы социальных сетей расширяются и занимают доминирующее положение, они приобретают инструментальный характер, что ведет к разного рода потрясениям в мировом сообществе: от «революций через социальные сети» и «болотных революций» до кровопролитий незатухающей «арабской весны», «цветных революций».

Л. В. Постникова выделяет четыре составляющих медийного дискурса, которые составляют его лингвокультурную специфику: 1) медийный дискурс — богатый источник готовой, доступной информации для исследования и преподавания; 2) в медийном дискурсе отражаются все особенности функционирования языка в конкретном сообществе, а также отношения к этому языку людей, на нем говорящих; 3) в медийном дискурсе создаются и «развенчиваются» социальные стереотипы, созданные в процессе коммуникации и зафиксированные в языке; и наконец, 4) медийный дискурс отражает особенности и влияет

на формирование культурных ценностей, политических убеждений и социальных стереотипов [Постникова, 2011: 130]. Таким образом, исследуемый дискурс отражает/создает/продвигает идеологические воззрения общества.

Как справедливо отмечает С. В. Иванова, «лингвокультурологическое исследование массмедийного дискурса политической направленности можно проводить в трех плоскостях: структуры, семантики и прагматики текстового целого, ибо текст, репрезентируя дискурс, представляет собой его продукт» [Иванова, 2008]. Н. Г. Нестерова отмечает, что одним из приоритетных в изучении медиадискурса стал когнитивный подход: массмедиа, благодаря своей посредствующей функции, не только отображает события реальной действительности, но и, интерпретируя их (через свойства медиаканалов, идеологические установки, культурную специфику), создает особую — публицистическую — картину мира [Нестерова, 2013]. Важнейшими понятиями на когнитивном уровне изучения медиатекстов становятся информационное общество, языковая картина мира, идеология и культура. Следовательно, настоящее исследование, посвященное вопросам отражения идеологии при помощи пропаганды в русско- и англоязычных медиадискурсах политической направленности, актуально и востребованно.

Основными источниками нашего исследования являются русско- и англоязычные письменные тексты русско- и англоязычных онлайн-СМИ (РИА «Новости», Ведомости, Эхо Москвы, Итоги, РБК, *Russia Today*, *CNN*, *BBC*, *NBC*, *Reuters*, *Euronews*, *The Economist* и т.п.), отражающие различные идеологические воззрения, опубликованные в период с сентября 2013 по апрель 2014 г.

Представляется необходимым обратиться к понятиям «идеология» и «пропаганда» и описать разницу между ними.

Целесообразно подчеркнуть, что под *идеологией* понимают сложный общественный феномен. Термин разработан в марксистской философской литературе для описания структуры обществ, построенных так, чтобы позволить группе у власти иметь максимальный контроль при минимуме конфликтов [Луе, 1997]. Речь идет не о группах, осмыслительно планирующих угнетать людей или переделать их сознание (хотя это тоже может случиться), а скорее о том, как доминирующие

институты действуют в обществе через системы ценностей, понятий и символов с целью узаконивания существующего в данный момент порядка [Lye, 1997].

В современном понимании идеология — часть мировоззрения. Это система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений (БСЭ).

Близкое понимание зарегистрировано в англоязычных словарях:

Any comprehensive and mutually consistent set of ideas by which a social group makes sense of the world may be referred to as an ideology. Catholicism, Islam, Liberalism, and Marxism are examples. An ideology needs to provide some explanation of how things have come to be as they are, some indication of where they are heading (to provide a guide to action), criteria for distinguishing truth from falsehood and valid arguments from invalid, and some overriding belief, whether in God, Providence, or History, to which adherents may make a final appeal when challenged (Oxford Dictionary of Politics).

Интересной представляется точка зрения Виктора Колыхалова, высказанная в его личном блоге:

«Идеология — это концентрированное выражение социальной теории, способной, по мнению ее создателей, существенно улучшить нынешнюю ситуацию. Из определения следует, что в основе идеологии должна лежать социальная теория, а сама идеология является лишь формой выражения этой теории. Можно сказать, что это та же теория, но переработанная таким образом, чтобы наилучшим образом организовать сознание людей. Организовать — это значит направить систему на цель, создать целенаправленную систему» (<http://www.leanforum.ru/expert3279/blog/message476.html>).

Возможно, такое понимание связано с историческими событиями: в прошлом веке традиционными примерами идеологии были *капитализм, коммунизм, марксизм и социализм*. После падения железного занавеса, развала СССР и постепенного ослабления двуполярности в мире слово «идеология» получило отрицательную коннотацию и вышло из активного употребления как в русском, так и в английском языке. На смену должна была прийти новая, лучшая, более жизне-

способная и плодотворная система идей и ценностей. На наш взгляд, в современном мире возможно говорить о противостоянии двух идеологий, распространяемых через СМИ: «*Obamanomics*» и «*План/курс Путина*». Первый термин означает политический и экономический курс Президента США Б. Обамы и его философию о том, что богатые должны платить бóльшую часть налогов, иными словами, о «перераспределении богатства» (*redistribution of wealth*). Впоследствии тезис президента Обамы «*Lower tax rates cause crises while surpluses stimulate the economy*» (<http://www.nationalreview.com/articles/332613/obamanomics-explained-alan-reynolds>) (*Более низкие налоги приводят к кризису, а более высокие стимулируют экономику*) стал довольно часто критиковаться и использоваться в негативных контекстах. Например, нередко можно встретить следующие заголовки в англоязычных изданиях: *After Five Years Of Obamanomics, A Record 100 Million Americans Not Working* (Forbs); *Obamanomics Is Killing Jobs; GOP Fiddles* (<http://townhall.com/columnists/davidlimbaugh/2014/01/14/obamanomics-is-killing-jobs-gop-fiddles-n1778438/page/full>); *Make Democrats Pay for Obamacare and Obamanomics* (<http://townhall.com/columnists/davidlimbaugh/2014/03/18/make-democrats-pay-for-obamacare-and-obamanomics-n1810363/page/full>); *How Obamanomics Promotes Inequality* (the Foundry); *Obamanomics: Tax The Rich, Punish The Working Poor* (Investor's Business Daily); *Obamanomics in Action: US Labor Participation Rate Falls Behind Great Britain for First Time in 36 Years* (Gateway Pundit); «*Obamanomics*» *The Inelegant Solution to Everything* (<http://www.rense.com/general86/obbe.htm>); *Obamanomics: High Taxation/Regulation+Subsidization = Long-Term Unemployment + Dependency* (Redstate.com) и т.п. Рейтинг популярности американского президента довольно значительно упал за последнее время.

План/курс Путина используется как идеологическое клише для обозначения политической и экономической политики Президента РФ В. В. Путина. Хотя не существует официального печатного текста данного плана, подробное описание его сути зарегистрировано в словаре А. Чадаева, К. Логинова «*План Путина: словарь политических терминов*» (<http://politike.ru/dictionary/786/word/plan-putina>). Оно имеет довольно обширный характер: «курс превращения страны в центр мирового политического, экономического и культурного влияния, курс на коренное улучшение качества жизни граждан». Для превращения

России в одну из величайших и наиболее развитых держав мира решаются следующие задачи: сохранение и развитие России как уникальной цивилизации; модернизация страны; обеспечение нового качества жизни граждан; повышение эффективности государства; укрепление обороноспособности и обеспечение безопасности страны.

В современной русскоязычной прессе это выражение используется довольно часто, особенно в свете последних событий на Украине: *План Путина под угрозой: экономика России отказывается расти* (РБК); *Секретный план Путина, который реализует нынешнее руководство Украины* (<http://www.iarex.ru/articles/46646.html>); *Яценюк разоблачил план Путина: игра на обострение и срыв выборов президента Украины* (<http://www.newsru.com/world/17apr2014/yacenuk.html>); *Регионы перевыполняют план Путина* (<http://www.vedomosti.ru/finance/news/24732291/bystree-chem-u-prezidenta>); *Украина — секретный план Путина* (<http://oko-planet.su/politik/politiklist/233755-ukraina-sekretnyy-plan-putina.html>); *Четвертый план Путина. Российские Судеты* (<http://www.echo.msk.ru/blog/aillar/1267966-echo/>) и т.п.

Таким образом, современная государственная идеология, продвигаемая или осуждаемая в СМИ, представляет собой систему взглядов и идей, программу деятельности государства, возглавляемого определенным политическим деятелем.

Необходимо отметить неразрывную связь идеологии с языком, со словами, как подчеркивает Г. Хагхес, это предполагает этимология слова (*logos*); и очевидно, насколько различные мировоззрения или теории общества вжились в разнообразные семантические формулы, такие как *free enterprise, nationalization, privatization, socialism* и тавтологическое словосочетание *people's democracies* [Hughes, 1989: 204]. Довольно часто со временем идеология прочно вербально укрепляется в различных социальных формулировках. Так, ключевое слово *free* стало частью многих словосочетаний, описывающих социальные институты и деятельность и обычаи того, что мы сейчас называем «Свободным миром». Примером аналогичных спонтанно появившихся формулировок служат следующие выражения: *free speech, free association, free enterprise, free market, free elections, free society*. Или слово *crisis*, заменившее более нейтральное и менее драматичное слово *problem*: *financial crisis, humanitarian crisis, human crisis, population crisis, H1N1 crisis, credit crisis, International*

Crisis Group, legitimacy crisis, cost crisis, ideological crisis, debt crisis, monetary crisis, the Persian Gulf Crisis, eurozone crisis, employment crisis и др.

Идеология может быть усилена семантическим построением (*semantic engineering*), которое маскирует/усиливает некоторые специфические интересы [Hughes, 1989: 205]. Так, в современном американском варианте английского языка все чаще звучат словосочетания *drug crisis, education crisis, environment crisis, financial crisis, war on poverty, war on crime* вместо привычных словосочетаний *fight with poverty, fight with crime, education problems, environment problems, drug problems, financial problems*. Следовательно, концепт «*fight*» заменен концептом «*war*», а концепт «*problem(s)*» — «*crisis*». На первый взгляд можно высказать предположение, что слова *war* и *crisis* звучат гораздо весомее, острее и тревожнее, нежели *fight* и *problem*, и требуют незамедлительной реакции, поскольку служат определенного рода завуалированным призывом к срочному действию, используемым общественными деятелями и обращенным к общественности. Это также отражает то напряжение, которое царит сейчас в обществе.

С другой стороны, проанализировав разницу/сходство лексических значений рассматриваемых слов в современных лексикографических справочниках русского и английского языков, можно сделать следующий вывод:

- ключевое значение в английском слове *fight* — борьба, противоборство, действие с усилием, а в русском слове *борьба* основное — победа и уничтожение противника;
- слова *war* и *война* близки по содержанию, так как несут идею вооруженной борьбы, но именно в русской лексической единице значение расширено до *борьбы и враждебных отношений с кем- или чем-либо*;
- значения слов *problem* — *проблема*, *crisis* — *кризис*, на наш взгляд, относительно близки, сложно выделить различные смысловые оттенки. Вместе с тем только внутри русского толкования слова *кризис* выделена экономическая специфика значения и его социальная обусловленность.

Очевидно, выбор употребления лексической единицы также обусловлен общественно-политическим курсом страны, стратегией осве-

щения событий в СМИ, мировоззрением граждан и набором средств для достижения поставленных целей. С точки зрения П. Г. Джеймса, слова используются таким образом, что они отражают жизненные интересы, ценности, желания и культурный мир существования и общения людей [James, 2008: 29]. Возможно, именно поэтому в русском языке используются выражения *борьба с коррупцией*, *борьба с наркоманией*, *бороться с бедностью и безработицей*, *борьба с преступностью* и т.п., а в английском — *war on corruption*, *war on drugs*, *war on poverty and unemployment*, *war on crime*, подчеркивая острый и критичный характер явления.

Вместе с тем инструментом доведения идеологии до людей является пропаганда.

Согласно дефинициям в справочных изданиях, *пропаганда* — «это популяризация и распространение политических, философских, религиозных, научных, художественных или иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание... Всякая пропаганда имеет конкретную цель и рассчитана на инициирование практической деятельности, в этом состоит ее отличие от агитации, направленной на стимулирование деятельности по осуществлению пропагандируемых идей. Поэтому пропаганда, как правило, содержит не просто идеи, а набор конкретных установок, простых и ясных руководств к действию» [Философия: Энциклопедический словарь, 2004].

Следовательно, пропаганда — это целенаправленная деятельность, связанная с манипулированием сознанием людей. Утверждение «*propaganda resorts to suggestion and persuasion*» («*Пропаганда использует внушение и убеждение*») (<http://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/gi-roundtable-series/pamphlets/what-is-propaganda/defining-propaganda-ii>) представляется справедливым, поскольку основное назначение пропаганды — убеждение и побуждение к действиям.

Важно отметить, что в медийном тексте представлена лишь одна из сторон конфликта, что создает впечатление его безоговорочной истинности. Например, в декабре 2013 г. и январе–феврале 2014 г. в англоязычных СМИ было довольно жесткое, одностороннее и бескомпромиссное представление новостей, связанных с кризисом на Украине и действиями России:

- The rest of the world agrees that Crimea is Ukrainian territory occupied by Russia. While Putin continues to show he is not interested in the opinion of the rest of the world, this fact will have rather serious consequences for the occupied peninsula itself (<http://edition.cnn.com/2014/04/08/opinion/crimea-putinland-ukraine-andrey-kurkov/index.html>);
- Russia's return to disturbingly Soviet behaviour (The Economist);
- Russia is a regional power that is threatening some of its immediate neighbors (CNN);
- to appeal to European leaders for a tougher response to Putin's movement into Crimea (CNN);
- Putin's takeover of Crimea (CNN);
- Ukraine's breakaway peninsula (CNN);
- Romney, who called Russia the United States' «No. 1 geopolitical foe» during a debate, said Obama's «faulty judgment» led to the current diplomatic challenges with the country (CNN);
- But dealing with such a blatant land grab on its eastern flank won't be anywhere near as quick and easy for Europe's 28-member union (CNN).

Выбор слов (*occupied territory/peninsula; disturbingly Soviet behaviour; to threaten; takeover; blatant land grab; No. 1 geopolitical foe*) обусловлен официальной позицией Вашингтона о захватнических действиях Путина. Интересен тот факт, что в англоязычных СМИ довольно часто страна Россия, как сторона, осуществляющая действия, заменяется фамилией президента, что еще раз подчеркивает роль личности в истории, а также в некоторой степени личностное противостояние двух президентов.

- He issued a warning to Russian President Vladimir Putin (CNN);
- a tougher response to Putin's movement into Crimea (CNN);
- tightening the noose around President Vladimir Putin's inner circle (CNN);
- among those set to be slapped with sanctions; two key aides to Putin (CNN);
- meaningful sanctions against members of Vladimir Putin's government (The Economist);
- Putin's takeover of Crimea (CNN);

— And while Putin flexes his political muscle, open trade channels keep the dialogue going giving all sides a chance to change the subject and talk less tensely (CNN).

Важно подчеркнуть также, что информация в СМИ тщательно отбирается и интерпретируется. Поэтому некоторые факты не акцентируются/упоминаются/описываются в англо- и русскоязычных СМИ. Об этом довольно часто рассуждают журналисты в авторских программах, блогах.

Таким образом, *идеология* представляет собой теоретический конструктор обществ, а *пропаганда* — средство распространения этой конструкции в массовом сознании. Практически во всех обществах одно не существует без другого.

Литература

Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/>.

Ведомости — деловая газета. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru>.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005.

Иванова С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 29–33.

Информационное агентство REX. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/46646.html>.

Нестерова Н. Г. Современный медиадискурс: в поисках подхода к изучению // Актуальные процессы социальной и массовой коммуникации. Центр теории и практики речевой коммуникации. Ярославль, Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского, 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yspu.org/images/4/46/Нестерова-статья.doc>.

Око планеты: Новости. Аналитика. Информация. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/233755-ukrainaisekretnyy-plan-putina.html>.

Постникова Л. В. Просодия политического дискурса в британской и американской лингвокультурах. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

Радио Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/aillar/1267966-echo/>.

РБК: РосБизнесКонсалтинг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rbc.ru/.

Философия: Энциклопедический словарь / Отв. ред. А. А. Ивин. М.: Гардарики, 2004.

Чадаев А., Логинов К. План Путина: Словарь политических терминов. М.: Европа, 2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://politike.ru/dictionary/786/word/plan-putina>.

IX Российский лин-форум. Личный блог В. Колыхалова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.leanforum.ru/expert3279/blog/message476.html>.

Association of Opinion Journalists: Сайт некоммерческой ассоциации профессиональных журналистов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.opinionjournalists.org/main/about-aoj/>.

CNN edition. URL: www.cnn.com.

The Economist Magazine. URL: www.economist.com.

Forbes: Information for the World's Leaders. URL: www.forbes.com.

Hughes G. Ideology and Propaganda // *Hughes G.* Words in Time: A Social History of the English Vocabulary. Oxford: Basil Blackwell, 1989. P. 203–223.

Investor's Business Daily: Stock Investment Research and Education. URL: www.investors.com.

James P. G. Social Linguistics and Literacies: Ideology in Discourses. Taylor and Francis, 2008. URL: http://dualibra.com/wp-content/uploads/2013/04/%5BJames_Paul_Gee%5D_Social_Linguistics_and_Literacies%28BookFi.org%29.pdf.

The Gateway Pundit: Where Hope Finally Made a Comeback. URL: <http://www.thegatewaypundit.com/>.

Lye J. Ideology: A Brief Guide. Brock: Brock University, 1997.

Manik S. A. Evaluation Component within the Semantic Structure of Socio-Political Words // Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 231–244.

McLean I., McMillan A. Concise Oxford Dictionary of Politics. Oxford: Oxford University Press, 2009. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199207800.001.0001/acref-9780199207800>.

National Review Online. URL: <http://www.nationalreview.com/articles/332613/obamanomics-explained-alan-reynolds>.

NewsRu.com. URL: <http://www.newsru.com/world/17apr2014/yacenuk.html>.

RedState: Conservative Blog and Conservative News Source for Right of centre Activists. URL: <http://www.redstate.com/>.

Rense.com. URL: <http://www.rense.com/general86/obbe.htm>.

The Rhetorica Network: онлайн портал о риторике журналистики, политики и культуры. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rhetorica.net/why-opinion-journalism-matters>.

TownHall.com: Conservative News, Politics, Opinion, Breaking News Analysis, Political cartoons and Commentary. URL: <http://townhall.com/>.

Svetlana A. Manik
Ivanovo State University, Ivanovo

IDEOLOGY AND PROPAGANDA IN RUSSIAN- AND ENGLISH-SPEAKING MEDIA DISCOURSE

Abstract. In modern society mass media play a great role as a means of affecting people's minds through creation and distribution of the texts for the mass audience, as well as various techniques of information and psychological pressure. Political discourse is a constituent element of media discourse that is rather diverse. The cognitive approach is considered to be one of the priority ones in media discourse studies because mass media, due to its mediate function, reflect and interpret events and developments. Information society, linguistic world-image, ideology and culture have become the most important notions of the cognitive level of media texts studies. The given article examines the notions "ideology" and "propaganda" in the Russian and English languages thus contributing to its relevance. Ideology is treated as a theoretical engineer of the societies, whereas propaganda — a tool of its circulation in mass consciousness. Practically in every society one stipulates the other. Further on, the comparative critical analysis of the linguistic presentations of the same events in Russian- and English-speaking electronic (Internet) media resources is carried out. As propaganda intensifies in the period of socio-political clashes, the study focuses on the media texts on current socio-political conflicts and oppositions of different ideologies in Ukraine, the so-called "sanctions war". The range of linguistic (mostly stylistic) devices in mass media greatly depends on political slant of the edition and on the genre of media text (news release or news round-up publication in the blog or forum or opinion writing). The illustrative examples in Russian and English reflect the peculiarities in naming the socio-political phenomena through the prism of state propaganda activity.

Key words: media discourse, political discourse, ideology, propaganda, socio-political terminology

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА*

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть один из способов создания воздействующего политического текста, а именно путем организации высказывания и его компонентов в зависимости от их значимости и важности для Слушающего с точки зрения Говорящего. Презентация значимостей компонентов высказывания основывается на принципе Приоритетных стратегий (М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик), когда высокочащные компоненты получают развернутое представление и интуитивно помещаются в престижные места текста, а наименее значимые — редуцируются вплоть до замалчивания. Анализ речей русского (В. В. Путин) и немецкого (А. Меркель) политиков данным методом показал, что в их выступлениях действительно имеет место распределение пропозиций с учетом их значимостей, и это распределение аналогично как для русскоязычного, так и для немецкоязычного выступления.

Ключевые слова: воздействие политического текста, синтаксическая организация воздействия, принципы Приоритетных стратегий, значимость компонентов, говорящий, слушающий.

В статье освещаются вопросы организации воздействующего политического текста. Актуальность данной темы несомненна, так как эффективность выступления зависит не только от приводимых фактов и аргументов, но от композиционного и речестратегического построения всего текста и его частей, в том числе отдельных высказываний.

Мы остановимся на тех компонентах высказывания, использование которых определяется их значимостью и важностью с точки зрения Говорящего для убеждения Слушающего. Анализ текстов политиков показал, что презентация значимостей определяется принципом Приоритетных стратегий [Бергельсон, Кибрик, 1981]. Говорящий придает

* Статья написана при поддержке РГНФ (конкурс № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция, Европарламент)»).

компонентам высказывания большую или меньшую значимость и, соответственно, представляет их в полной развернутой форме или редуцирует их вплоть до замалчивания, а также помещает их интуитивно в престижные места высказывания или на периферию предложения.

Престижными местами высказывания будем считать те синтаксические позиции, которые однородны по синтаксическим связям и их конструктивной роли в предложении. Несмотря на то что традиционное учение о членах предложения подвергается критике, поскольку не выдерживаются его основные идеи о симметричности формальной и смысловой организации предложения, тем не менее целесообразно придерживаться основных подходов к выделению, например, главных и второстепенных членов предложения. В современной трактовке главные члены предложения — подлежащее и сказуемое — характеризуются таковыми еще и потому, что они престижны и именно сюда помещаются наиболее значимые компоненты высказывания. Остальные места высказывания менее значимы с точки зрения Говорящего. В терминах традиционной лингвистики их называют второстепенными, а с позиции антропоцентрического подхода мы назовем их периферийными. Интересно, что распределение этих мест утвердилось в понимании их расположения в прямом порядке слов: подлежащее — сказуемое — прямое дополнение — косвенное дополнение — обстоятельства. Ср.: *Все это должно дать возможность талантливым молодым людям из стран Содружества поступать в наши высшие учебные заведения* (Путин). В данном предложении мы видим: подлежащее (*все это*) — сказуемое (*должно дать ...поступать*) — прямое дополнение (*возможность*), косвенное дополнение (*талантливым молодым людям из стран Содружества*), обстоятельство (*в наши высшие учебные заведения*). Ср. аналогично: *Wir müssen die Stärke der Europäischen Union noch intensiver für unsere gemeinsamen Interessen zum Beispiel auch beim internationalen Klimaschutz nutzen* (Merkel). В данном случае подлежащее (*wir*), сказуемое (*müssen... nutzen*), прямое дополнение (*die Stärke der Europäischen Union*), далее идут обстоятельства.

Однако реализацию модели предложения с прямым порядком слов трудно встретить в живой речи. Постоянно происходит нарушение этой модели только благодаря тому, что Говорящий хочет выделить значимое слово. И тогда он помещает это слово в престижное место —

вперед: *Теперь на первый план выходит задача закрепления людей на селе...* (Путин). Здесь на престижное первое место в начало предложения вынесено обстоятельство времени (*теперь*) и обстоятельство места (*на первый план*). Ср. нем.: *In Deutschland gibt es das Sprichwort* (Merkel). Здесь на престижное место вынесено обстоятельство места (*In Deutschland*). Интересно, что в модели прямого порядка слов большую смысловую нагрузку несет и последнее место высказывания. Поэтому иногда подлежащее ставится на последнее место: *По последним данным статистики, за январь—октябрь текущего года в России зафиксирован естественный прирост населения* (Путин). В данном случае подлежащее «естественный прирост населения» стоит на последнем месте и несет значимую нагрузку. А в немецком языке нарушается рамка и важная мысль выражается за рамочной конструкцией.

Кроме того, есть в тексте и другой вид представления значимых компонентов высказывания. Эта значимость рассматривается в виде иерархической системы Приоритетов: высокозначимые компоненты высказывания получают в речи Говорящего полную развернутую картину и представлены в виде простых распространенных предложений, например: «*Мы должны поддерживать растущее стремление граждан...*» (Путин). Или: *...wir müssen die politische Gestalt Europas immer wieder zeitgemäß erneuern...* (Merkel). Затем по мере снижения важности высказываемых содержательных компонентов их степень развернутости уменьшается, и они редуцируются. Менее важные смысловые элементы высказывания представлены в виде придаточных предложений, например: «*... вопросов, которые на самом деле определяют качество жизни*» (Путин). Или: *...Tendenzen, die es auch in Europa von heute immer wieder gibt,..* (Merkel). Интересно, что, если бы Говорящий придавал большее значение выраженному в данном придаточном предложении смыслу, то он бы сформулировал его в виде простого предложения, например, «*...вопросов. Они на самом деле определяют качество жизни*». Или: *Tendenzen. Sie gibtes auch in Europa von heute immer wieder...* Далее идут по степени редуцированности разнообразные обороты — деепричастные и причастные для русскоязычных текстов и инфинитивные и определительные обороты для немецкоязычных текстов.

Например, «*...подчеркнув их взаимную обязанность...*» (Путин). Эту же мысль можно высказать и в виде простого предложения: «*(Консти-*

туция) подчеркнула их взаимную обязанность» и в виде придаточного предложения: «(...которая) подчеркнула их взаимную обязанность». Как видим, выбор синтаксической организации высказываемой мысли определяется ее значимостью. См. нем.: ...*Menschen verachten den Tendenzen gibtes auch im Europa von heute immer wieder...* Здесь мысль, вышесказанная в придаточном предложении, выражена в простом предложении.

Все последующие редуцированные смыслы можно назвать периферийными. Еще менее значимые компоненты высказывания редуцируются и представляются в виде отдельных слов, затем их компонентов значений. Ср., можно сказать: «Еще одна проблема, которую нужно решить безотлагательно» (Путин). Эту же мысль можно выразить в виде простого определителя — «Еще одну безотлагательную проблему нужно решать». Однако в данном случае (с определителем) мысль о безотлагательности проблемы выражена менее значимо, чем в составе придаточного предложения.

Если Говорящий не видит смысла в передаче какого-то содержания, то он это содержание сворачивает и не упоминает вообще. В целом структуру самого высказывания можно рассматривать как систему вложенных друг в друга семантических отражений объективной действительности или пропозиций, которые имеют разную степень выделенности или, что то же самое, редуцированности. И именно в зависимости от такой организации речь политика можно определить как доходчивую, убеждающую или неинтересную, не воздействующую. Анализ «Послания Владимира Путина Федеральному собранию» показал, что на 160 единиц счета (в данном случае — Малых синтаксических групп) в его речи были обнаружены следующие количественные показатели: простых предложений — 67,5%, придаточных — 24,9, деепричастий — 1,7, инфинитивных оборотов — 2,1, определительных оборотов — 3,8%. Анализ выступления А. Меркель показал: простых предложений — 59%, придаточных — 33,4, инфинитивных оборотов — 7,2, определительных оборотов — 0,4%. Здесь возникает вопрос: о чем свидетельствуют эти количественные данные? Они могут говорить об индивидуальном поведении Говорящих, а также о зависимости Говорящего от закономерностей речевого жанра.

Напрашиваются предварительные выводы.

1. В выступлениях политиков действительно имеет место распределение пропозиций с учетом их значимостей.
2. Как в русскоязычном, так и в немецкоязычном выступлении политиков проявляется аналогичная тенденция — наиболее значимые высказывания занимают большую часть текста.
3. Количество значимых пропозиций определяется ситуативными условиями произнесения речи политиками.

Литература

Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. Литература и язык. 1981. Т. 40. № 4. С. 343–355.

Galina G. Matveeva
Southern Federal University, Institute of Philology,
Journalism and Intercultural Communication,
Rostov-on-Don, Russia

SYNTACTIC ORGANIZATION OF INFLUENCING POLITICAL TEXT

Abstract. The purpose of the article is to study one of the ways to create the impact of a political text by organizing speech and its components according to their relevance and importance for a listener from the standpoint of a speaker. The presentation of significant components of statements is based on the principle of priority strategies (M. B. Bergelson, A. E. Kibrik) when highly significant components are thoroughly presented and intuitively placed in the prestigious location of a text, and the least significant ones are reduced up to silence. The analysis of Russian (Vladimir Putin) and German (Merkel) politicians' speeches with this method shows that in their speeches propositions are distributed based on their importance, and this distribution is similar for both Russian and German speeches.

Key words: impact of political text, syntactic organization of impact, principles of priority-oriented strategies, importance of components, speaker, listener.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В КАЧЕСТВЕ ТЕХНОЛОГИИ СПИЧРАЙТИНГА В ПЕРВИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования концептуальной метафоры в качестве технологии спичрайтинга. Прагматика современного политического дискурса требует поиска все новых средств воздействия на аудиторию. Задача спичрайтера заключается в создании эффективных политических текстов, способствующих достижению поставленных целей. В современной риторической традиции все еще господствует мнение, что при написании текста речи для политика следует избегать использования различных средств «украшения» речи, к которым, помимо прочих, относят и метафоры. Мы не можем согласиться с данным утверждением. Для доказательства нашего предположения об использовании концептуальной метафоры в качестве технологии спичрайтинга было проанализировано 26 речей Президента США Барака Обамы, произнесенных им с 2002 по 2010 г., и 14 речей кандидата в президенты от Демократической партии Альберта Гора, произнесенных им с 1994 по 2000 г. Мы полагаем, что предварительные результаты нашего исследования дают основания говорить о том, что концептуальная метафора может быть использована в качестве технологии спичрайтинга.

Ключевые слова: концептуальная метафора, спичрайтинг, технологии спичрайтинга, политический дискурс, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика.

Исследования концептуальной метафоры имеют довольно давнюю и богатую историю. Когнитивные структуры и механизмы оперирования ими оказались в сфере исследовательского интереса гуманитарных наук более тридцати лет назад.

В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, 1980] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании.

В более поздней работе Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры в мысли, а не в языке» [Lakoff, 1993: 203].

В современной риторической традиции все еще господствует мнение, что при написании текста речи для политика следует избегать использования различных средств «украшения» речи, к которым, помимо прочих, относят и метафоры. Нами были проанализированы работы следующих авторов, посвященные проблеме риторики и спичрайтинга: В. Анисимовой, Л. А. Введенской, О. Я. Гойхман, Д. Игнатьева, И. Г. Проскуряковой, Л. Браун, Ж. Данкела, А. Д. Кривоносова, О. П. Кудинова, Г. Г. Почепцова, Ф. Сайтела, П. Сопера, И. А. Стернина, И. П. Яковлева, И. А. Чайки, П. А. Кузнецова, С. Ф. Антиповой-Светозаровой. Отношение к использованию метафоры в тексте речи неоднозначно. В качестве примера можно привести цитату из работы Т. В. Анисимовой и Е. Г. Гимпельсона [Анисимова, 2002: 171]: «У современного человека украшения в ораторской речи не вызывают, как правило, ни умиления, ни восхищения. Гораздо больше ценится простота слога при глубине мысли. Поэтому оратор должен в основном заботиться о воздействующей силе доводов и правильности их расположения, а не о цветах красноречия». Однако данное высказывание справедливо только в том случае, если метафора используется исключительно в эстетической функции, но ее потенциал намного больше. Поэтому с рекомендацией авторов, которые фактически призывают отказаться от использования метафор, сложно согласиться. Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «*Metaphors we live by*» доказали, что концептуальная метафора — это не «сокращенное сравнение», не один из способов украшения речи и даже не свойство слов и языка в целом. В представлении современной когнитологии метафора — это одна из основных ментальных операций, это способ познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира. «Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие» [Lakoff, 1980: 126].

Опираясь на результаты исследований концептуальной метафоры, предпринятых американскими учеными, мы предположили, что концептуальная метафора может быть использована в качестве самостоятельной технологии спичрайтинга, так как, во-первых, концептуальная

метафора — это сильное средство убеждения и, во-вторых, факт ее использования с целью манипулирования или как средство побуждения принятия решений практически не осознается аудиторией, что подтверждается результатами исследований П. Тибодеу и Л. Бородитски (отделение психологии, Стэнфордский университет, Калифорния), которые были опубликованы в феврале 2011 г. [1].

Генетические или стертые метафоры обладают ничуть не меньшим потенциалом речевого воздействия, иногда они даже более предпочтительны, чем метафоры с яркой образностью, так как воздействие в этом случае осуществляется на уровне подсознательной ассоциации. В качестве примера можно привести эксперимент Мак-Коркодэйла (США) [Леонтьев, 1997: 85].

Для доказательства нашего предположения об использовании концептуальной метафоры в качестве технологии спичрайтинга было проанализировано 26 речей Президента США Барака Обамы, произнесенных им с 2002 по 2010 г., и 14 речей кандидата в президенты от Демократической партии Альберта Гора, произнесенных им с 1994 по 2000 г.

Результаты исследования показали, что метафоры широко представлены в политических дискурсах обоих политиков (табл. 1).

Таблица 1

Репрезентативная частотность использования концептуальной метафоры в речах Барака Обамы и Альберта Гора

Вид метафоры	Б. Обама		А. Гор	
	Частотность		Частотность	
	кол-во	%	кол-во	%
Антропоморфная метафора	9	4,1	15	8
Физиологическая метафора	2	0,9	0	0
Морбиальная метафора	11	4,9	27	14,4
Метафора родства	1	0,5	3	1,6
Криминальная метафора	7	3,2	2	1
Милитарная метафора	64	29	67	35,8
Метафора сфер зрелищных искусств (театр, кино)	15	6,8	7	3,7
Спортивная и игровая метафоры	34	15,4	8	4,2

Окончание табл. 1

Вид метафоры	Б. Обама		А. Гор	
	Частотность		Частотность	
	кол-во	%	кол-во	%
Метафора неживой природы	10	4,5	8	4,2
Фитоморфная метафора	11	5	8	4,2
Метафора дома	34	15,3	21	11,2
Метафора механизма	23	10,4	8	4,1
Метафора финансовых инструментов	0	0	10	5,3
Текстильная метафора	0	0	3	1,6
Природоморфная метафора «Мир животных»	0	0	3	1,6
Всего	221	100	190	100
Общее количество слов в речах Б. Обамы	61 731			
Общее количество слов в речах А. Гора	30 985			

В качестве теоретической базы исследования мы использовали теорию метафорического моделирования, которая восходит к монографии Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, 1980]. Развитие этой теории на материале политических текстов представлено в публикациях А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, Т. Г. Скребцовой, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинова и других исследователей [Чудинов, 2007: 123–133].

Необходимо отметить, что в политическом тексте концептуальная метафора может выполнять следующие функции: когнитивную, коммуникативную, прагматическую и эстетическую [Чудинов, 2007: 124–129].

Теперь перейдем непосредственно к анализу дискурсов Барака Обамы и Альберта Гора. В политических дискурсах обоих политиков лидирующее место занимает милитарная метафора, что само по себе неудивительно, так как наличие большого количества милитарных метафор — одна из характеристик предвыборного дискурса. Но есть и определенные отличия. Так, в дискурсе А. Гора отсутствует физио-

логическая метафора, но зато присутствуют текстильная, метафора финансовых инструментов и природоморфная метафора, относящаяся к «Миру животных», которые отсутствуют в дискурсе Барака Обамы. Оба кандидата в президенты, представляющие Демократическую партию, активно задействуют метафоры в своих речах, но их речи с точки зрения использования концептуальных метафор имеют существенные различия. Так, в речах Альберта Гора метафора используется в основном для того, чтобы придать речи экспрессивность и эмоциональность, т.е. в эстетической функции, при этом расположение метафор в тексте часто носит спорадический, «островной» характер. В речах же Барака Обамы метафоры распределены более равномерно, имеют в своем большинстве стертый характер (немного ярких, авторских метафор) и используются в основном с целью убеждения и переконцептуализации сознания аудитории, при этом модели концептуальных метафор лучше структурированы и детализованы, а эффект эмоционального воздействия является сопутствующим и часто достигается посредством не столько использования метафор, сколько ярких примеров-историй из жизни простых американцев. В речах А. Гора метафора порой находится на грани художественного и политического текста. Например, при использовании текстильной метафоры наряду с удачными вариантами, такими как:

This is a priority; that is why it receives such an enormous increase in a very tight budget [19].

We all applaud the verdict of the court in Britain against a falsifier of history, who claimed that the gas chambers of Auschwitz were fakes built as a tourist attraction, and then tried to put history itself on trial and give comfort to those who cloak themselves in hatred and denial [18].

Мы видим и другой пример использования концептуальной метафоры, несколько спорный в данной ситуации: этот вариант безусловно хорош для художественного текста, но уместен ли он в тексте политической речи?

I didn't even know reached out to me and to my family to lift us up in their hearts and in their prayers with compassion of such intensity that I felt it as a palpable force, a healing reaching out of those multitudes of caring souls and falling on us like a mantle of divine grace [20].

Другой пример, реализация метафорической модели АМЕРИКАНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ

ВОЙНА. В речах Барака Обамы данная модель представлена широко и при этом хорошо структурирована; так, можно выделить следующие фреймы и слоты.

1. Фрейм «Военные действия и вооружение» включает в себя три слота:

Слот 1.1. Военные действия

*And yet, somehow, we're still hearing stories like the one I heard from a veteran named Bill Allen, who told me that on a trip to Chicago, he actually saw homeless veterans **fighting over** access to the dumpsters [3].*

*That kind of compassion is heroic, and it is the kind that will eventually **defeat** this disease [4].*

Слот 1.2. Вооружение, его хранение и использование

*That's what FDR did in confronting capitalism's gravest crisis, when he forged the social safety net, built the Hoover Dam, created the Tennessee Valley Authority, and invested in **an Arsenal of Democracy** [7].*

*He fought in the name of a larger freedom, **part of that arsenal of democracy** that triumphed over evil [8].*

Слот 1.3. Фортификационные сооружения, их возведение и использование

*There are some who believe that we must try to turn back the clock on this new world; that the only chance to maintain our living standards is **to build a fortress around America**; [7].*

*Some **have dug into unyielding ideological camps** that offer no hope of compromise [9].*

2. Фрейм «Способы ведения войны»

Слот 2.1. Планы, стратегия и тактика

*And I am running for President because it's time to turn the page on a failed ideology and **a fundamentally flawed political strategy**, so that we can make pragmatic judgments to keep our country safe [10].*

*Tonight I'd like to lay out for you what our **battle plan** is going forward: what we're doing to clean up the oil, what we're doing to help our neighbors in the Gulf, and what we're doing to make sure that a catastrophe like this never happens again [12].*

*Instead of honest debate, we have seen **scare tactics** [9].*

Слот 2.2. Дислокация войск

*We'll recruit teachers in math and science, and **deploy** them to under-staffed school districts in our inner cities and rural America [7].*

3. Фрейм «Заключение союзов, создание альянсов»

Слот 3.1. Союзники и противники

*We have **allies** in government who know that we can defeat this disease if we work together* [4].

*We need to challenge the system on behalf of America's workers. And if we're not willing to take up that fight, then real change — change that will make a lasting difference in the lives of ordinary Americans — will keep getting blocked by **the defenders** of the status quo* [13].

*Despite all this, the insurance companies and their **allies** don't like this idea* [9].

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

Слот 4.1. Мобилизация и демобилизация

*And we need to **recruit an army** of new teachers* [7].

*We'll **recruit** teachers in math and science, and deploy them to under-staffed school districts in our inner cities and rural America* [7].

Таким образом, милитарная метафора в политическом дискурсе Барака Обамы выражена четырьмя фреймами и семью слотами. Обратившись к речам Альберта Гора, мы увидим, что в них милитарная метафора выражена двумя фреймами и двумя слотами.

Первый фрейм «Военные действия и вооружения», слот «Военные действия»:

*I didn't get the chance to stay and **fight for the American people** for the next four year* [14].

*It's worth **fighting for**. And that's **a fight** I'll never stop* [14].

*As for **the battle** that ends tonight...* [14].

*Now **the political struggle** is over. And we turn again to **the unending struggle** for the common good of all Americans, and for those multitudes around the world who look to us for leadership in the cause of freedom* [14].

*Let us **defeat** the forces of hate...* [16].

Второй фрейм «Начало войны и ее итоги», слот «Результат военных действий»

*...no matter how hard **the loss, defeat** may serve as well as **victory*** [14].

*When my mother enrolled at Union, it wasn't long after women **had won the right to vote** in this country* [15].

*After a **long fight**, we won funding for the IMF, which is critical to shoring up the world economy* [17].

В речах Обамы концептуальные метафоры выполняют когнитивную, прагматическую, коммуникативную и эстетическую функции

(изобразительная и экспрессивная), при этом основная роль отводится прагматической, когнитивной и коммуникативной функциям. В политическом дискурсе Барака Обамы концептуальные метафоры оказывают комплексное воздействие на аудиторию и в итоге способствуют принятию решений в интересах политика, в то время как в речах Альберта Гора основная функция метафоры — эстетическая и как следствие — большое количество метафор (а их в дискурсе Гора почти в два раза больше, чем в дискурсе Барака Обамы, что не спасает положение и не увеличивает прагматический потенциал речей политика). Из этого можно сделать вывод, что главное — не количество использованных метафор, а то, каким образом они используются и какие функции при этом выполняют.

Мы полагаем, что предварительные результаты нашего исследования дают основания говорить о том, что концептуальная метафора может быть использована в качестве технологии спичрайтинга. Косвенным подтверждением наших выводов служит тот факт, что во время предвыборной кампании Барака Обамы представители руководства Демократической партии США активно интересовались результатами исследований Лакоффа и Джонсона, планируя использовать их для победы в предвыборных дебатах, посвященных ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны [2].

Литература

Анисимова Т. В. Современная деловая риторика / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. М.: МПСИ, 2002. 255 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.

Lakoff G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.

Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // Ortony A. *Metaphor and Thought*. 2nd ed. Cambridge University Press, 1993. 285 p.

Электронные источники

1. *Thibodeau P.* *Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning* / P. Thibodeau, L. Boroditsky L. *Plos One*. URL: <http://www.plosone.org/article/info%Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0016782>.

2. *Stafford T.* *A victim of metaphor* / T. Stafford, M. Webb. *Mind Hacks*. URL: <http://mindhacks.com/2011/02/26/a-victim-of-metaphor>.

3. *Obama B.* American legion legislative rally. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=American%20Legion%20Legislative%20Rally>.
4. *Obama B.* Cure. Keynote address. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=CURE%20Keynote%20Address>.
5. *Obama B.* A hope to fulfill. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=A%20Hope%20To%20Fulfill>.
6. *Obama B.* Teaching our kids in a 21st century economy. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=Teaching%20Our%20Kids%20in%20a%2021st%20Century%20Economy>.
7. *Obama B.* Renewing American competitiveness. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=Renewing%20American%20Competitiveness>.
8. *Obama B.* Speech against the Iraq war. URL: <http://obamaspeeches.com/001-2002-Speech-Against-the-Iraq-War-Obama-Speech.htm>.
9. *Obama B.* Health Care Speech to Congress. URL: http://www.nytimes.com/2009/09/10/us/politics/10obama.text.html?_r=1&pagewanted=all.
10. *Obama B.* The world beyond Iraq. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=The%20World%20Beyond%20Iraq>.
11. *Obama B.* An agenda for middle-class success. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=An%20Agenda%20for%20Middle-Class%20Success>.
12. *Obama B.* Gulf spill speech. URL: http://www.huffingtonpost.com/2010/06/15/obamas-gulf-spill-speech_n_613554.html.
13. *Obama B.* ALF CIO. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=AFL-CIO>.
14. *Gore A.* Remarks by vice president albert gore, jr. On the conclusion of the year 2000 election. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/election.html>.
15. *Gore A.* Remarks as prepared for delivery by Vice President Al Gore Union University luncheon honoring Pauline Lafon Gore. URL: http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/pauline_other.html.
16. *Gore A.* Remarks as prepared for delivery by Vice President Al Gore dr. Martin Luther King, jr. Day Ebenezer Baptist Church, Atlanta. URL: http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/mlk_other.html.
17. *Gore A.* Third Annual Farm Journal Conference. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/farmj.html>.
18. *Gore A.* Vice President Al Gore Remarks at Anti-Defamation League. URL: http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/adl_remarks.html.
19. *Gore A.* Ebenezer Baptist Church, Atlanta. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/mlktrans.html>.

20. *Gore A.* Harvard Commencement Day. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/harvard.html>.

Elena A. Medvedeva
Far Eastern Federal University, Vladivostok

SOME ASPECTS OF CONCEPTUAL METAPHOR USE AS A SPEECH WRITING TECHNIQUE IN THE PRIMARY POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article comprises the issue of usage conceptual metaphor as speechwriting technique. Pragmatics of the modern political discourse calls for the search of new tools of influencing the audience. The task of a speechwriter is to create effective political texts which can help politicians achieve the target goals. In modern rhetoric traditions there is a prevailing opinion that politicians have to avoid using the means of “decorating” their speeches, metaphors included. We cannot agree with this statement. To prove our assumption about the use of conceptual metaphor as a speech writing technique we have scrutinized 26 speeches of the US President Barack Obama given between 2002 and 2010 and 14 speeches by a Republican presidential candidate Al Gore given between 1994 and 2000. We think that preliminary results of our research give us reasons to believe that conceptual metaphor can be used as a speech writing technique.

Key words: conceptual metaphor, speechwriting, speechwriting techniques, political discourse, cognitive linguistics, political linguistics.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Цель любой политической коммуникации — проведение определенных интересов и намерений. В этом смысле язык в политике служит не столько средством общения между властью и обществом, сколько мощным средством воздействия на сознание людей и управления их сознанием. Вступая в открытый диалог с обществом, власть заботится о том, чтобы словесное выражение собственной позиции не затрагивало чувства людей и не заостряло существующие противоречия. Поэтому политик контролирует собственную речь путем жесткого отбора лексических единиц. Для адекватной интерпретации глубинного смысла передаваемого политиком сообщения требуется учет лингвистических и экстралингвистических факторов. Распознать мотив отправителя сообщения помогает декодирование языковых знаков, к числу которых можно отнести эвфемизмы.

Наличие этой языковой единицы в речи политика указывает на его чувствительное отношение к той или иной проблеме, обсуждение которой требует, по его мнению, дополнительной кодировки. Эвфемизация политической речи осуществляется на двух уровнях: лексическом и синтаксическом. Использование эвфемизмов в речи дает возможность политическим деятелям, манипулируя сознанием аудитории, добиваться необходимой ответной реакции. Это позволяет сделать вывод о том, что эвфемизм, обладая семиотическим значением, выступает как код политического языка. В выступлении анализируются различные способы эвфемизации на примере речей политических деятелей США, Великобритании и России.

Ключевые слова: политический дискурс, лексическая единица, нейтральная коннотация, метафора, синтаксическая конструкция, термины, оксюморон, политическая корректность.

«Мы живем в информационном обществе, и манипуляция сознанием является главным инструментом политики», — сказала президент фонда «Историческая перспектива» доктор исторических наук Н. А. Нарочницкая [Нарочницкая, 2004]. Сознательная установка власти на манипулирование общественными настроениями имеет

глубокие корни в истории. Экс-президент США Р. Никсон считал, что *«лидер должен обладать волей делать непопулярные шаги, когда они необходимы... И когда он находит необходимым делать непопулярные шаги, он обязан объяснить это людям, заручиться их поддержкой и добиться у них одобрения»*. Искусство политиков внедрять в массовое сознание «нужные» идеологические установки, лишая общество возможности занимать активную гражданскую позицию, и по сей день успешно практикуется государственными чиновниками и политиками всех рангов.

Поскольку любая политическая система стремится к стабильности, властные структуры используют все инструменты, призванные сохранять ее статус-кво. Вступая в открытый диалог с обществом, власть обязательно учитывает фактор восприятия аудиторией посылаемого ей сообщения. Поэтому политический деятель всегда контролирует собственную речь путем жесткого отбора лексических единиц, чтобы словесное выражение позиции не затрагивало чувства людей и не заостряло существующие противоречия. *«Стоя на вершине, нельзя позволять себе резких движений»*, — считал Наполеон Бонапарт.

Вышесказанное дает возможность выделить основные характеристики языка политики. Во-первых, он многомерен, поскольку адресован одновременно разным группам общества и способен вызывать у них различные реакции [Баталова, 1990]. Во-вторых, смысл посылаемого политиком сообщения не выводится путем сложения смыслов составляющих его единиц, он задается конкретной политической ситуацией и мотивами его отправителя. Немаловажное значение имеет также и статус политика.

Приводимый ниже диалог взят из передачи «Воскресный вечер с В. Соловьевым» от 2 марта 2014 г., посвященной ситуации на Украине. Депутат Верховной рады Украины О. Царев говорит: *«В обществе нездоровая ситуация. Думали, что идет борьба с коррупцией, а пришли люди, известные своими достижениями в прошлом»*. Российский политолог А. Дугин отвечает: *«Это неверно. То, что произошло в Киеве, — это захват политической власти хунтой»*. Его поддерживает депутат ГД РФ В. Жириновский: *«Власть незаконная, но она есть, и то, что они делают, — это военное преступление»*. Не требуется скрупулезного анализа, чтобы понять, насколько осторожен в высказываниях по отношению

к соотечественникам депутат Верховной рады. Также понятно, почему российские политики называют вещи своими именами.

Возвращаясь к факторам, влияющим на глубинный смысл сообщения — **политическая ситуация, статус и мотив отправителя**, — следует отметить, что наиболее труден для распознавания мотив, ведь в сообщении он не прочитывается линейно, а скорее угадывается имплицитно. Возникает вопрос, как его распознать?

Традиционно общество ограничивает употребление в прямом значении или табуирует слова, указывающие на отрицательные явления и проблемы общества, заменяя их нейтрально окрашенными конструкциями, которые не оказывают на психику реципиента сильного эмоционального воздействия. Из-за частоты использования эти «безобидные» денотаты [Цуладзе, 2003], заменяющие денотаты из сферы табу, становятся одним из кодов «приличного» языка. Именно они могут указать получателю информации на необходимость сопоставления языковых и фоновых знаний. Без такого сопоставления адекватная интерпретация [Валгина, 2003: 280] получаемого сообщения невозможна. К такому языковому «коду» с полным основанием можно отнести эвфемизмы. Остановимся на анализе отрывков из речей политических деятелей, призванных показать, как различные способы эвфемизации помогают политикам «деликатно» обсуждать сложные проблемы современности и влиять на сознание общества.

Эвфемизация политической речи осуществляется на двух уровнях: **лексическом и синтаксическом** [Шейгал, 2004]. На лексическом уровне табуированный денотат заменяется специально подобранными лексическими единицами, вызывающими «нужные» политику ассоциации. Здесь можно выделить несколько наиболее частотных способов эвфемизации.

Первый способ — это **замена нежелательной номинации словом с широкой семантикой и нейтральной коннотацией**. Такие слова, будучи приложимы к широкому классу объектов или явлений, не концентрируют на себе внимание аудитории, которая может их и не заметить. Например, сегодня одной из насущных проблем является проблема незаконной миграции и национальных конфликтов, связанная с несоблюдением мигрантами законов и порядка в странах пребывания. Говоря об этой проблеме, экс-премьер-министр Великобритании Т. Блэр отме-

тил [Блэр, 2005]: *«Lack of respect... I've also learnt that the British people are a tolerant and decent people: ... they do believe there are real problems in our immigration and asylum system... Though people like the fact that we've got over the deference of the past, there is a disrespect that people don't like.... We've done a lot so far with anti-social behaviour and additional numbers of police, but I want to make this a particular priority for this government — how we bring back a proper sense of respect in our schools, in our communities, in our towns, in our villages».*

Избегая называть беспорядки на улицах, в школах и общественных местах нарушением закона, Т. Блэр использует словосочетания со словом «respect»: «*lack of respect*», «*a disrespect*», «*a proper sense of respect*», «*anti-social behavior*», потому что нарушение закона, как правило, влечет применение соответствующих наказаний. А использование властью насильственных мер или наказаний естественным образом поднимает вопрос о демократичности самой власти. Вот как говорит об этой проблеме экс-президент РФ Д. А. Медведев [Медведев, 2011]: *«Расширяется, к сожалению, география межэтнической напряженности. Все должны соблюдать закон, нормы элементарного приличия. Следует с уважением относиться к обычаям других людей. Тот, кто, прибывая на новое место, ведет себя неподобающим образом или, тем более, совершает преступление — должен быть наказан».*

Как видно из примера, выступающий, избегая назвать реальные масштабы национальных конфликтов, использует эвфемистическое словосочетание с достаточно «диффузной» семантикой *«расширяется география»*. Так же как и Т. Блэр, он называет случаи нарушения закона *«отсутствием уважения»* и *«неподобающим поведением»*, игнорирующим *«нормы приличия»*.

Сегодня в арсенале политиков разных стран имеется целая система таких эвфемистических обозначений. Например, применительно к военным действиям часто употребляют слова «конфликт» или «кампания», а человеческие жертвы вооруженных конфликтов называют «сопутствующий ущерб». Этот способ эвфемизации чрезвычайно популярен, потому что он позволяет отправителю сообщения не обманывать явно, а лишь слегка расширить границы самой правды. «Никогда не изменяйте правде, изменяйте саму правду», — писал М. Твен.

Этому совету весьма успешно следовала премьер-министр Великобритании М. Тэтчер [Thatcher, 1976]. Так, говоря о войне во Вьетнаме,

она не называет агрессию США против этой страны «войной», а употребляет фразу «*the bitter experience of Vietnam*»: «*But we are all aware of how the bitter experience of Vietnam has changed the public mood in America. We are also aware of the circumstances that inhibit action by an American president in an election year*».

За эвфемизмом «*bitter experience*» — «горький опыт» — может скрываться абсолютно любое событие, неприятное для политика. В данном случае использование прямой номинации «война» или «агрессия» выставило бы в невыгодном свете не только США, но и их союзника по НАТО, саму Великобританию.

«Семантическая двуплановость метафоры» [Арутюнова, 1976: 296] и семантическая неопределенность эвфемизма открывает широкие возможности для **образования эвфемизмов на основе метафор**. Рассмотрим в качестве примера хорошо известное словосочетание «*зачистка территории от бандформирований*», означающее уничтожение террористических группировок. В словаре С. И. Ожегова существительное «чистка» определяется как производное от глагола «чистить» в значении «удалять грязь с поверхности», «освобождать от чего-нибудь накопившегося» [Ожегов, 1999]. Однако среди значений слова «чистить», зафиксированных в словаре, нет значения «убивать или уничтожать людей». Поэтому можно с уверенностью сказать, что в этом случае слово «зачистка» выполняет эвфемистическую функцию, поскольку помогает говорящему ослабить возможную отрицательную реакцию реципиента.

К следующему способу эвфемизации относятся случаи, когда **вместо негативно окрашенного денотата используется прямо противоположное по смыслу слово**. Например, по итогам своей встречи с госсекретарем США Дж. Керри по вопросу Украины министр иностранных дел РФ С. Лавров говорит: «*Мы обсудили предпринимаемые нашими партнерами действия, которые не помогают реализовывать договоренности, достигнутые 21 февраля*».

Зная сложившуюся ситуацию, мы понимаем, что обсуждались действия западных стран, подстрекающих незаконное правительство Украины к гражданской войне. В этом смысле западные государства — это не просто недружественные силы, а скорее противники, мешающие установлению мира и спокойствия, а не «партнеры».

Заемствования и использования в речи терминов тоже можно рассматривать как способ эвфемизации. Поскольку в большинстве случаев значения иноязычных слов малопонятны аудитории, а точного значения терминов она, как правило, не знает, то декодировать и понять глубинный смысл сообщения она не всегда может. Сегодня заимствуются в основном абстрактные имена существительные. Например, вместо слова «увеличение» используется слово «эскалация», словосочетание «повышение цен» заменяется словосочетанием «либерализация цен», «сокращение» заменяется словом «секвестирование». Сейчас политики вообще избегают употреблять слово «сокращение», а говорят об «осуществлении оптимизации, рационализации» или, проще, о реформах. Сегодня и сам термин *«реформа»* можно рассматривать как код «приличного» языка. Он утрачивает положительное значение «прогрессивного» и приобретает негативную коннотацию независимо от контекста, в котором используется, ибо проведение реформ ассоциируется в сознании людей с сокращением финансирования реформируемой сферы экономики. В этом случае можно говорить о семиотическом характере слова «реформа». Обратимся к отрывку из речи экс-президента РФ Д. А. Медведева [Медведев, 2011]: *«Ситуация в России усугубляется еще и тем, что, как и в большинстве стран, которые в прошлом веке прошли... через экономические реформы, у нас произошло чрезмерное расслоение граждан по уровню жизни. 10 процентов самых обеспеченных россиян получают доход в 15 раз больше, чем 10 процентов самых бедных. Это всем известный так называемый децильный коэффициент. На их долю приходится почти треть совокупного дохода граждан, а на беднейший класс — всего 2 процента. Именно среди неблагополучных групп населения быстрее всего, как, собственно, и во всем мире, распространяются ксенофобия и нетерпимость»*.

Как видно, в речи политика есть и цифры, и термины, и эмоционально окрашенные слова. Но привлекают внимание неоднократные ссылки на опыт других стран. Цель такого приема довольно проста: говорящий вроде бы и сообщает правду, но подает ее так, чтобы у аудитории сложилось впечатление, что негативные явления в национальной экономике оказываются не результатом проводимой экономической политики, а естественным следствием в целом позитивных процессов глобализации и интеграции.

Помимо существительных заимствуются также прилагательные: «альтернативный» вместо «противоположный», «легитимный» вместо «законный», «некорректный» вместо «неправильный». Например:

«Если нелегитимные власти на Украине войдут в цивилизованное русло, то очень скоро они окажутся на обочине. Поэтому они сейчас будут эскалировать ситуацию, обращаясь к своим иностранным спонсорам» [Железняк, 2014].

«Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность» [Путин, 2007].

Как видно из приведенных примеров, наличие в речи эвфемизмов сигнализирует о чувствительном отношении политика к обсуждаемой теме, которая, по его мнению, требует кодировки. Справедливо будет предположить, чем жестче требования кодировки сообщения, тем вероятнее употребление в нем эвфемизмов.

Однако если эвфемистическую замену на лексическом уровне распознать довольно легко, то эвфемизмы на уровне синтаксиса выделить сложно, потому что реципиент чаще всего не сосредоточивается на анализе синтаксических конструкций. В качестве основных способов образования эвфемизмов на синтаксическом уровне можно выделить следующие.

Прежде всего, это **использование конструкции с пассивным залогом или использование неопределенно-личного предложения**. Например, известно, что на Украине новой властью был «отменен региональный статус русского языка». Вот какое словесное выражение этот факт получает в речи Президента Австрии Ганса Фишера: *«Ошибкой было поставить на Украине вне закона русский язык»*. Поскольку в данном случае адресат не получает информации о производителе действия, то и само действие воспринимается как не подлежащее осуждению.

Еще один способ эвфемизации на уровне синтаксиса — это **введение дополнительного позитивного компонента**. Так, словосочетание «наносить бомбовые удары» обладает крайне негативной коннотацией. Однако если добавить прилагательное «точечные», т.е. «незначительные», то ситуация уже не выглядит столь опасной, потому что преуменьшаются масштабы военных действий, что должно повлечь снижение уровня тревожности в обществе.

Весьма интересным способом эвфемизации является **оксюморон**. Это словосочетания, в состав которых наряду со словом, имеющим отрицательную коннотацию, входит положительно окрашенное слово, за счет чего и создается эвфемистический эффект. Например, выражения «спад экономического роста» или «отрицательные темпы роста экономики», указывая на отрицательную динамику экономического развития, не отрицают его наличия. Сюда же можно отнести и фразу «начать военную операцию по принуждению страны к миру». Как и в обсуждаемых ранее примерах, в данном случае правда не замалчивается, просто она подается таким образом, что временное отрицательное явление «*военная операция по принуждению*» не только можно, но и нужно считать предтечей позитивных процессов в будущем.

Эвфемизмы в политическом дискурсе — это мощное средство воздействия на сознание людей: ведь в отличие от прямой номинации смягченная, нейтральная формулировка не вызывает в сознании аудитории ответного раздражения. Уместно в этой связи вспомнить слова известного итальянского публициста У. Эко, написавшего, что политкорректные «замены лингвистическим дефинициям, затрагивающим расу, религию и политические убеждения» часто используются для того, «чтобы уладить социальные проблемы, действующие на нервы». «Вместо того чтобы совершенствовать общество, совершенствуют лексику» [Эко, 2007: 170].

Говоря о функционировании эвфемизмов в речах политических деятелей, следует заметить, что особенностью политической коммуникации может считаться использование сразу нескольких способов эвфемизации, что делает манипулирование более изощренным. Интересным в этом плане представляется отрывок из речи экс-президента РФ Д. А. Медведева [Медведев, 2011]: «*Мы уже пытались когда-то создать общество, в котором нет богатых. Итоги этого социального эксперимента известны — он закончился стагнацией, нищетой и, к сожалению, развалом государства. И произошло это не в силу каких-то конспирологических причин, заговора мировой закулисы или еще кого-то. Мы сами оказались слабы и неконкурентоспособны*».

Политик, избегая открыто заявлять о смене общественно-политического строя, вместо слов «социализм» или «социалистический уклад

экономики» употребляет эвфемистическую конструкцию «общество, в котором нет богатых». Использование в речи клишированного словосочетания «социальный эксперимент», терминов «стагнация» и «неконкурентоспособность» призвано подтолкнуть аудиторию усомниться в долговечности и состоятельности социалистического строя. Данный пример наглядно демонстрирует роль языка как инструмента внушения определенной идеологии, основанной на схематизме при оценке фактов. Ведь говоря об обществе, «в котором не было богатых», говорящий умалчивает тот факт, что в нем не было и бедных. В результате происходит навязывание заранее выработанных оценок, усиливающих существующие стереотипы.

Итак, мы видим, что забота политика об адресате, необходимость сохранения собственной репутации и камуфлирование проблем в обществе создают ситуацию, когда использование эвфемизмов в политическом дискурсе становится неизбежным. Справедливо и обратное — наличие в речи таких лексических единиц сигнализирует о кодировке сообщения, потому что политик знает о несоответствии между тем, что говорится, и тем, что подразумевается, и что подразумевается обычно больше, чем говорится.

Безусловно, стабильность в обществе чрезвычайно важна. В этом смысле стремление политических деятелей «не делать резких движений, стоя на вершине» вполне оправданно, но хотелось бы выразить надежду на то, что в своей деятельности они руководствовались изречением Президента Франции де Голля, заметившего однажды, что «на вершине человек овеивается холодными ветрами истории».

Литература

Артюшкина Л. В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке: Дис... канд. филол. наук. М., 2002.

Артунова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. С. 296.

Баталова Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990.

Блэр Т. Инаугурационная речь. 06.05.2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch?text=Blair's%20inauguration%20speech&lr=213>.

Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.

Железняк С. В. Передача «Воскресный вечер с В. Соловьевым». 02.03.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mir-kinofilms.ru/news/voskresnyj_vecher_2_03_2014/2014-04-17-285.

Медведев Д. А. Мировой политический форум. Ярославль. 08.09.2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/09/08/medvedev-forum.html>.

Нарочницкая Н. А. Передача «Специальный корреспондент» 01.04.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=TK2lo8yu6I8>.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://enc-dic.com/ozhegov/CHistit-39214.html>.

Путин В. В. Мюнхен. 10.02.2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://maxpark.com/community/politic/content/2362131>.

Цуладзе А. М. Политическая мифология. М., 2003.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Эко У. Полный назад. М., 2007. С. 170.

Margaret Thatcher. “Britain Awake”. 19.01.1976. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.margarethatcher.org/speeches/>.

Natalya E. Medvedeva
Lomonosov Moscow State University, Moscow

THE SEMIOTIC CHARACTER OF EUPHEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The language of politics is a specific type of language used by politicians to influence public opinion. It is the nature of politicians to be considerate and tender of their target audience and the way it interprets their message to win its favour. The language of politics is marked by the choice of alternative expressions in place of distasteful or problematic vocabulary, which could cause offence to the audience or some third party. No wonder that the language of politics is overwhelmingly euphemistic. Normally the choice between alternative expressions depends entirely on linguistic, extra-linguistic factors and the speaker's intention. The usage of euphemism signals that politician is sensitive to what is communicated and, thus helps the audience to adequately interpret communicated message.

The paper presents a brief study into the semiotic nature of euphemisms used by politicians from the US, the UK and Russia. It focuses on two groups of euphemisms realisation. The first group comprises euphemisms, which are formed at lexical level and used to soften the reality of what politicians communicate. Euphemisms employed at syntactic level constitute the second group of the linguistic units in question and are used sidestep truth to mislead people.

Key words: political discourse, lexical unit, neutral connotation, metaphor, syntactic construction, terms, oxymoron, political correctness.

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО СМЫСЛА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале английского языка как иностранного)

Аннотация. Предикативность как основной конституирующий процесс дискурса создается взаимодействием семантических констант и субъективных переменных, выражающих личностный смысл. Семантическая константа (предметная составляющая), или собственно пропозиция, отображает взаимосвязь между объективно существующими материальными или идеальными объектами и фактами действительности. Семантическая переменная передает субъективное личностное отношение автора к обозначенным в высказывании объектам или фактам. Предметная и субъективная составляющие выражаются предикациями, образующимися по универсальной бинарной формуле, обозначающей способ интеграции слов в дискурсе. Предикация, являясь актуализированной формой бинарной единицы, представляет собой соединение независимых предметов мысли: субъекта (актанта) и предиката, или названного предмета и информации о нем. Развитое дискурсивное мышление автора публицистического текста предполагает умение создавать и понимать предикации, дифференцируя их на принадлежащие константе (пропозиции) или субъективной переменной. Структурная общность этих предикаций обеспечивает целостность речи, несмотря на их выраженное противопоставление. Способность субъекта речи управлять предикациями личностного отношения исключительно важна, так как именно данный тип смысловых единиц отражает творческую мысль, позволяя автору выразить себя в тексте, а воспринимающему сообщению — понять его позицию. Использование концептов пропозиции и предикации способствует совершенствованию процесса создания публицистического текста и способов его смыслового восприятия.

Ключевые слова: бинарная единица, пропозиция, семантическая константа, предикация, семантическая переменная, концепт.

Коммуникация в диапазоне публицистического общения (текста, диалога) формируется множеством семантических объектов, представляющих разнообразные выразительные средства языка (его кодовые

ресурсы). Активная речевая способность автора (коммуниканта) «погружает их в жизнь», создавая дискурс — поток актуализированных языковых элементов, подчиняющихся законам комбинаторики языка и социально-культурным нормам. Публицистический дискурс отличается широкой областью функционирования и незамкнутостью своих границ, что предопределяет и обуславливает его гибкое взаимодействие с другими функциональными областями общения (академической, политической, профессиональной и др.).

Публицистическая коммуникация предполагает, соответственно, участие представителей различных общественных кругов. Не являясь в большинстве своем профессиональными лингвистами, они проявляют устойчивый интерес к языковым аспектам, но не стремятся изучать непосредственно лингвистику. Такая позиция особенно присуща ученым, общественным деятелям, людям творческих профессий и всем, кто общается в рассматриваемом формате на иностранном языке. Лингвистика призвана тем не менее предоставить им необходимое знание, но не в привилегированной форме, привычной для профессионалов-языковедов, а в виде, доступном для понимания широкого круга людей, работающих в самых разных сферах. Такие люди осознают важность владения языком для выражения и понимания всего, что занимает центральное место в их общественной и профессиональной деятельности, а также в повседневной жизни. Для того чтобы помочь им в совершенствовании иноязычных компетенций, требуется определенная обучающая логическая технология, которая позволила бы видеть в структуре текста или создавать в ней внутреннее движение мысли, подчиненное речевому замыслу.

Здесь необходимо в общих чертах охарактеризовать концептуальную схему, служащую фундаментом указанной разработки. Сложность создания подобной системы обусловлена в первую очередь множественностью вовлекаемых языковых средств и многомерностью формируемого смыслового пространства. Хорошо известно, что человек, решая ту или иную сложную задачу, не рассматривает всех объективно возможных направлений поиска, но выделяет лишь некоторую зону. Умение предварительно правильно выделить и определить ее считается существенным компонентом развития творческих способностей индивида. Данная максима вполне применима и для определения языковых механизмов, создающих селективность языкового мышления, — меха-

низмов, обеспечивающих логико-лингвистические положения обоснованного формирования и преобразования речемыслительных структур.

Обычно при разработке того или иного конкретного способа решения задачи вводится ряд «упрощающих предположений» относительно качественной природы изучаемых явлений. В нашем случае таким ключевым фактором, на базе которого можно выстраивать предельно упрощенную модель, служит бинарная структура, известная также как «модель двух слов» [Жинкин, 1983: 44], в рамках которой слова бесконечно интегрируются в грамматическом пространстве [Жинкин, 1983: 46]. Бинарность, по утверждению представителей многих поколений лингвистов, психологов, философов и математиков, есть именно то, что делает язык доминирующим образованием, одновременно формирующим «грамматику мысли». Бинарная структура (бинарная единица) — то самое единственное начальное понятие, обеспечивающее искомое «тождество многообразия» [Библер, 1975: 19]. Иными словами, многомерность дискурса сводится к общему предельному основанию бинарности.

Материализованной формой бинарной единицы в дискурсе является предикация. Как универсальная единица мышления и речи, предикация, по определению Ю. С. Степанова, представляет собой акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами, — субъектом (актантом, или, по выражению Н. И. Жинкина, названным предметом [Жинкин, 1983: 82]) и предикатом [Степанов, 1998: 393]. Сочетание двух представлений, приведенное в предикативную связь, и есть собственно коммуникация [Розенталь, 2003: 170]. Если в отношении понятия актанта лингвисты приходят к какому-то общему мнению (актант — это любой субстантивный элемент высказывания), то понятие предиката поныне остается предметом дискуссии. Для построения упомянутой логической технологии мы, вслед за Ю. С. Степановым, уходим от сказуемости и формируем концепт предиката в том виде, который отвечает заявленной цели — определить механизмы языковой сочетаемости в категориях некоего метаязыка, который сам ее выявляет и обосновывает. Иначе говоря, творческое мышление субъектов речи («микрокосм способностей») неразрывно связано с их способностью «обнаруживать в тексте автора, в продукте — творца» [Библер, 1975: 137].

Наша логическая технология призвана целенаправленно развивать способность индивида увидеть в дискурсивно последовательной це-

почке суждений и умозаключений информативного текста внутреннее движение мысли автора, связанное с его отношением к сообщаемому содержанию. Соответственно, человек развивает собственную способность быть творцом, передавая в своем высказывании не только предметный смысл, но и разнообразнейшие нюансы смысла личностного, выражаемого в виде множества отношений говорящего к содержанию своей речи. Предметная семантика дискурса, представляемая истинностным значением, изоморфна структуре факта и выражает объективные знания коммуниканта о том, каким образом сущности соотносятся друг с другом и, следовательно, какими предикатами они могут быть связаны. Таким образом создается пропозиция — семантический инвариант, или объективная семантическая константа, отображаемая в виде своеобразного интеллектуального механизма, устанавливающего взаимосвязь между материальными или идеальными объектами на основе практических потребностей субъекта речи в конкретной ситуации обмена информацией.

Семантическая константа — пропозиция — противопоставляется семантической переменной высказывания, которая выражает субъективное отношение автора к фактам материального или идеального мира [Арутюнова, 1998: 401]. Важно отметить, что, несмотря на противопоставленность, семантическая константа и семантическая переменная первоначально одинаково возникают в речевом мышлении в виде бинарных структур — предикаций, которые бесконечно комбинируются и наращиваются в дискурсивно последовательных цепочках высказываний. Бинарное противопоставление субъекта и предиката осуществляется при непрерывном взаимодействии двух разнонаправленных процессов. С одной стороны, устанавливаются границы перехода от предикаций семантической константы к предикациям субъективного отношения. В этом можно убедиться, сравнивая следующие текстовые фрагменты, построенные в виде «чистых» пропозиций (1), (3), и аналогичные высказывания, содержащие субъективные переменные (2), (4).

Capitalist social formations are systems. (1)

Capitalist social formations are inherently contradictory systems. (2)

Liberal discourse is a coherent political philosophy. (3)

It is quite inappropriate and indeed idealistic today that liberal discourse is a coherent political philosophy. (4)

Упомянутые границы между пропозициональной константой и семантической переменной в приведенных примерах прослеживаются достаточно отчетливо: прилагательные *contradictory*, *inappropriate*, *idealistic* и наречия *inherently*, *quite*, *indeed* в (2), (4) являются предикатами автора как субъекта речи.

С другой стороны, границы становятся менее резкими и выраженными по мере того, как предикации семантической константы и предикации субъективного отношения объединяются в общую целостную систему речи:

Wherever there is great wealth, there is great inequality. For one very rich man, there must be at least five hundred poor, and the affluence of the rich supposes the indigence of the many.

Очевидно, что аналогичным образом структурируется и дискурсивное мышление автора, опосредованное его прошлым опытом публицистической коммуникации. Развитое дискурсивное мышление предполагает в одинаковой степени развитые умения понимать и создавать предикации, дифференцируя их при этом на константные и переменные. По существу, подобная дифференциация предполагает использование некоего кода, обеспечивающего возможность передачи смыслов. Этот код, несмотря на кажущуюся упрощенность, тем не менее объективно существующий и действующий механизм передачи информации. Однако ни один код, как указывает Н. И. Жинкин, не является готовым механизмом. Его еще надо «сделать в опыте коммуникации» [Жинкин, 1983: 50]. Как создание сообщения, так и его понимание происходит на основе одного и того же кода. При этом «человек понимает сообщаемое ему по мере развития его способности самому создавать сообщение на том же уровне интеграции» [Жинкин, 1983: 52]. Способность индивида создавать предикации обоих типов служит проявлением инвариантной составляющей индивидуального языка, которая тождественна такой же составляющей других представителей данной языковой общности. Иными словами, человек обладает определенной языковой системой, необходимой для производства и восприятия вербальных блоков актуальной информации, сохраняющей стабильность в границах языкового социума.

В пределах данного языкового пространства становится возможным моделирование определенных процессов речевого мышления

на основе их внешних актуализированных речевых действий. При всей значимости вербальной способности индивида создавать пропозиции его творческая активность связана преимущественно с управлением семантической переменной, т.е. формированием личностных смыслов по отношению к излагаемым объективным реалиям. Текст, созданный как последовательность пропозиций, в высшей степени информативен, но его вряд ли можно признать публицистическим. «Творец воплощается в текст и перестает быть творцом — текст побеждает», — замечает по этому поводу В. С. Библер [Библер, 1975: 132]. Текст побеждает, поскольку его содержание перестает быть для говорящего объектом познания, и говорящий или слушающий уже более не выступает субъектом творческой познавательной деятельности. Он просто сообщает о том, что познано априори и, возможно, познано не им, — его текст есть сообщение о том, что он знает. Взаимодействие субъекта речи с предикатами семантической переменной представляет особый интерес, поскольку именно оно отражает творческую мысль, позволяя автору выразить себя в тексте сообщения, а воспринимающему информацию — понять позицию автора.

Как уже отмечалось, предикации семантической константы (пропозиции, стабильного семантического ядра) и семантической переменной (личностного отношения) формируются по универсальной бинарной формуле. Однако их актуализированная форма, хотя и структурируется по «модели двух слов», имеет свои особенности, которые обуславливают следующие факторы.

1. Численное превосходство константных предикаций. В создании пропозиции потенциально может участвовать любой из огромного множества существующих в языке субстантивных элементов, из которых требуемые становятся актантами той или иной речевой ситуации. С другой стороны, множество субъектов лично референтных предикаций резко ограничено и представлено преимущественно одним элементом — говорящим или воспринимающим речевое сообщение (субъектом речи, интеллектуальным агентом). В отдельных случаях актантом становится неопределенное лицо или лица, которые разделяют позицию автора или которым приписывается определенное субъективное отношение.

2. Семантически ограниченное множество предикатов субъекта речи.

Очевидно, что класс предикатов с лексической способностью выражать личностные отношения в рамках тех или иных грамматических структур определяется модальными категориями, численно namного уступающими прочим семантическим классам.

3. Номинативно явное или неявное указание на субъект бинарной единицы. В предикациях, выражающих субъективную семантическую переменную, превалирует имплицитная форма. Это означает, что единицы вида

I welcome (the chance to sketch needed revisions) или in our view

существенно уступают по количеству единицам вида

Individuals can be taken or given.

Perhaps, the maximizing models found a ready welcome in political science.

Two things are worthy of note from this discussion и т.п.

4. Различные семантические расстояния (величины синтагматической/синтаксической позиционной удаленности) в пространственной интерпретации речевого мышления. В личностных предикациях эти расстояния, как правило, namного короче. Существует также интересная частная зависимость: личностно референтные предикации с явно заданным субъектом вида *I welcome* или *as I shall argue later* способны распространяться на большие области семантического пространства дискурса, чем предикации с неявно заданным субъектом вида *perhaps* или *it might be wise to situate the program into the kind of scholarship*.

Несмотря на отмеченное своеобразие формирования предикаций, отражающих позицию говорящего в дискурсивно последовательной цепочке суждений и умозаключений, мнение субъекта речи может быть адекватно выражено и воспроизведено через текст в структуре его развернутого рассуждения при условии достаточной компетенции субъекта-партнера. Обращенность публицистического текста к сфере личностных представлений автора позволяет субъекту — партнеру (слушателю, собеседнику, читателю) идентифицировать себя с субъектом повествования, мысленно ставя себя на точку зрения автора. Язык располагает множеством средств подобной идентификации. Уже упоминавшиеся единицы с явно обозначенным субстантивным элементом вида *I welcome* или *I want to examine* численно значительно уступают предикациям с неявным субъектом, которые активно используются в публицистическом дискурсе. Это номинативные сред-

ства (individuals are *choosers* or *learners*; liberalism is a *discourse* — a way of talking and writing), модифицирующие и специфицирующие средства (we note the *improbable* liberal assumption; it would be an *exaggeration* to describe the work as...; broaden *considerably*); многочисленные модальные средства (the transportation of practices *can* also take a contradictory form, the inflation rate *can't* remain at the current level; *it may be* fruitful to address; *the possibility of changing* the voting procedure looks rather *faint*), различные грамматические конструкции, содержащие предикат субъекта речи (The contract *is alleged* to have been signed. The economy *is likely* to produce people.)

Известно, что понятия предикации и пропозиции с давних пор по настоящее время используются в анализе выражения смысла в самых разных областях знания, и в первую очередь в исследовании текстовой деятельности. Однако как общенаучные понятия с присущей им множественностью значений понятия *предикация* и *пропозиция* не обеспечивают необходимой степени точности в многочисленных теоретических и прикладных разработках. Максимальное использование рассматриваемых дескрипций в целях совершенствования дискурсивных компетенций потенциальных участников различных дискуссий достигается изменением их статуса путем преобразования соответствующих понятий в концепты ряда «языковых» дисциплин. Так как понятие — это продукт длительной эволюции, объединяющий свойства, присущие определенному классу объектов (идей), оно неизбежно собирает значительный объем сведений, что и оказывается причиной его упомянутой нечеткости. В отличие от понятия концепт концентрирует самые существенные функциональные признаки имени и определяет пути и способы его использования на основе строго ограниченных логических процедур. Поэтому концепты сами по себе являются продуктом творческой научной мысли. Их можно создавать, их формированием и динамикой развития можно управлять в соответствии с научным замыслом или прикладными целями, в число которых входят и цели совершенствования дискурсивных умений в публицистическом регистре на иностранном языке.

На сегодняшний день не существует надежных статистических данных, характеризующих функционирование лично референтных предикаций по причине стохастической природы их употребления. Однако в ходе дидактических экспериментов можно установить, ка-

кие свойства коммуникативной среды прежде всего будут интересовать и привлекать внимание интеллектуального агента — участника общения — в силу их особенной значимости. Использование концептов пропозиции и предикации открывает дополнительные возможности управления дискурсивной деятельностью в публицистическом регистре. Применение предикативного инструментария способствует совершенствованию процесса создания публицистического текста и способов его восприятия. Данные такого рода могут быть полезны при решении ряда актуальных проблем прикладной лингвистики и лингводидактики.

Литература

Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Изд-во политической литературы, 1975. 400 с.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1983. 160 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Изд. дом «ОНИКС 21 век»: Изд-во «Мир и образование», 2003. 623 с.

Степанов Ю. С. Предикация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Elena S. Orlova

Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod

PREDICATIVE FORMS OF INTERPRETING PERSONAL ATTITUDES IN PUBLICISTIC DISCOURSE (on the basis of English as second language)

Abstract. Predicative capacity as the basic constituting process of discourse is formed by the interaction of semantic constants and variables denoting personal attitudes. The semantic constant (subject constituent), or proposition

proper, maps the interrelationship between factually existing tangible or ideal objects and facts of reality. The semantic variable conveys the author's subjective personal attitude to the objects or facts designated in the utterance. Both subject and subjective constituents are indicated by predications being formed according to the universal binary pattern signifying a way of word integration in the discourse. Being the actualized form of a binary unit, predication represents the junction of independent thought objects: the subject (actant) and the predicate, or the entity named and information of it. The developed discourse thinking of a publicistic text writer implies an ability to create and understand predications splitting them into those belonging to the constant (proposition) and those of the semantic variable. The structural uniformity of these predications, despite their marked contrast, provides the integrity of speech. The speaker's capability to operate attitude predications is exceptionally important as it is this type of meaningful units that displays creative thinking and allows the author to express themselves and the message user to understand their position. Handling the concepts of proposition and predication is conducive to the perfection of publicistic text development and ways of its sense perception.

Key words: binary unit, proposition, semantic constant, predication, semantic variable, concept

КАТЕГОРИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗНОГЛАСИЙ

Аннотация. Центральный тезис статьи — утверждение о том, что как когнитивно-семантические, так и культурно-идеологические факторы, определяющие понимание и употребление понятия «мягкая сила», существенным, но не вполне осознаваемым образом влияют также на характер дебатов вокруг нее — и во многом ответственны за весьма распространенные тенденции к развитию первоначальной идеи Дж. Най в том направлении, которое представляется весьма далеким от замысла американского исследователя. Результатом этого является формирование двух существенно различающихся пониманий «мягкой силы».

В работе обосновывается точка зрения о целесообразности репозиционирования понятия мягкой силы, предполагающего коррекцию его дисциплинарных связей и сближение с категорией странового бренда. Такая коррекция могла бы избавить это понятие от одиозных смысловых обертонов и реализовать ее конструктивный потенциал, а также использовать при обсуждении мягкой силы результаты, полученные при изучении таких категорий, как бренд, имидж и репутация страны. Правда, перспективы и того и другого выглядят весьма проблематичными в силу действия культурных и идеологических предрассудков.

Ключевые слова: «мягкая сила», Дж. Най, тактильная метафора, когнитивно-семантические основания метафоры «мягкой силы», технологическое и ресурсное понимания «мягкой силы», страновой бренд, имидж, репутация.

За два с небольшим десятка лет, прошедших с момента введения его в оборот Дж. С. Наем-мл., выражение «*мягкая сила*» приобрело популярность и стало активно использоваться профессионалами-экспертами, публицистами, а потом и политической элитой. При этом оно продолжает оставаться в центре острых разногласий, касающихся как содержания этой категории, так и ее соотношения с политической реальностью.

Автор не раз анализировал ход этих дебатов с точки зрения политической науки и теории международных отношений ([Паршин, 2013]; еще две работы находятся в печати). Ниже мы продолжим обсуждение категории «мягкая сила», сделав акцент на языковых особенностях этого выражения и его соотношении с современными культурно-идеологическими реалиями.

Метафора в когнитивной теории

Выражение «*мягкая сила*» представляет собой одну из реализаций **тактильной метафоры** (которая, в свою очередь, является разновидностью метафоры **сенсорной**), предполагающей трактовку политического взаимодействия в терминах тактильного (осязательного) опыта человека. Тактильная метафора представлена в языке достаточно широко, находя свое выражение в метафорическом употреблении таких прилагательных и образованных от них других частей речи, как *гладкий, твердый, гибкий, шероховатый, податливый, шаткий* и др. (ср. *гибкий курс, гладкое выступление, шаткие основания, твердая позиция, грубое давление, шероховатая аргументация, податливый партнер, острая дискуссия, несгибаемая уверенность, липкое чувство* и т.д.).

Из приведенных примеров видно, что многие из этих метафор при- сущи политическому дискурсу и, в частности, дискурсу теории международных отношений¹. Очень часто в этих видах дискурсов (и за их рамками) в самых разных контекстах используются и метафорически употребляемые прилагательные *жесткий* и *мягкий*, которые, особенно второе в составе выражения «*мягкая сила*», и будут нас интересовать.

В соответствии с когнитивной теорией метафоры, основным про- понентом которой на протяжении уже более 30 лет выступает Дж. Ла- кофф², метафора представляет собой не только и не столько риториче- скую фигуру, сколько ментальную операцию, в результате которой некие знания, эмоции, интуитивные представления, сенсорный, ин- струментальный или какой-либо иной опыт из одной ментальной области (сферы-источника, англ. *source domain*) переносятся в другую ментальную область (сферу-цель, англ. *target domain*). В результате этого сфера-цель начинает в определенной степени осмысляться, ощу- щаться, переживаться в терминах сферы-источника.

Предназначена такая операция (если не вдаваться в подробности) для расширения человеческого познания и формирования нового по-

нимания/ощущения сферы-цели — поскольку имеющееся понимание представляется либо недостаточно полным (познавательная функция метафоры, реализуемая, в частности, в науке), либо эмоционально неадекватным (здесь можно говорить о риторической функции, реализуемой, в частности, в искусстве, причем не только вербальном), либо прагматически неконструктивным (аргументативная функция в риторике) и т.д.; реально все эти функции сильно переплетаются между собой. При этом надо понимать, что метафора, в особенности удачная, может очень сильно повлиять на восприятие сферы-цели и начать подменять ее собой, что случается не так уж редко и потенциально может быть весьма опасным явлением.

В языке зафиксировано огромное количество неактуализированных, «спящих» метафор, которые, продолжая влиять на человеческую концептуализацию мира, не осознаются в метафорическом качестве, пока к этому не предпринимаются специальные усилия либо склонного к рефлексии наблюдателя, либо заинтересованного в пробуждении метафоры коммуникатора (например, в рекламе посредством визуализации метафоры — так, выражение *острые ощущения* иллюстрируется рогами быка в опасной близости от тела тореадора). Однако метафора «мягкой» и, соответственно, «жесткой» силы спящей не является: она продолжает восприниматься как креативная. И главная проблема, связанная с ее пониманием и употреблением, заключается в том, что те представления из сферы-источника, которые она привносит в сферу-цель, не соответствуют тому представлению о «мягкой силе», которое было сформулировано Дж. Наем и отстаивается им на протяжении уже более двадцати лет.

«Мягкая сила», конечно, метафора риторически эффективная. Это способствовало ее популярности — но и привело к возникновению двух совершенно разных ее пониманий, причем доминирующее понимание плохо согласуется с аутентичными взглядами Наея.

Такое положение вещей сложилось в результате совместного действия когнитивно-семантических и культурно-идеологических факторов.

Когнитивно-семантические основания метафоры «мягкой силы»

При наличии множества исследований, посвященных политической метафоре, и том числе работ, в которых практикуется ее ког-

нитивно-семантический анализ³, тактильная политическая метафора изучена слабо — как, впрочем, и тактильная метафора вообще. В качестве редких исключений можно назвать лишь пятую главу монографии М. Маркса [Marks, 2011].

Большая часть употреблений выражения «*мягкая сила*» предполагает вполне естественную ее трактовку, заключающуюся в соотношении обозначаемой им сущности с некоторой шкалой, ранжирующей то, что можно назвать **формой проявления** и соответственно **применения** силы⁴. На этой шкале воздействие того, что соответствует представлению о «мягкой силе», ассоциируется с нанесением объекту ее применения меньшего ущерба по сравнению с воздействием силы жесткой (ср. в сфере-источнике *мягкую vs. жесткую* постель, падение на *мягкий мат* или *жесткий пол* и т.п.). Именно так, в терминах степени ущерба, наносимого для принуждения некоторого субъекта вести себя определенным образом, трактует метафорическую шкалу мягкости/жесткости сил упомянутый выше М. Маркс [Marks, 2011: 97].

О естественности именно такой трактовки свидетельствует интересный и уже давний пример, в котором очевидна креативная природа метафоры «мягкой силы»: это стихотворение Е. А. Евтушенко 1970 г. «Могила ребенка»: *Мы плыли по Лене вечерней / Ласкалась, покоя полна, / с тишейшей любовью дочерней / о берег угрюмый она. // И всплески то справа, то слева / пленяли своей чистотой, / как мягкая сила припева / в какой-нибудь песне простой*⁵. Здесь метафора «мягкой силы» (служащая к тому же еще и сравнением) активизирует образ ритмико-психологического воздействия песенного текста («вставленного» в другой поэтический текст), что, в синэстетическом взаимодействии с образом ласково плещущейся ленской волны⁶, делает метафору «мягкой силы» интуитивно убедительной и естественной⁷.

Такое понимание — его можно назвать **технологическим** — дислоцирует разнообразие сил, к которым обращается теория международных отношений, на некоторой линейной шкале метафорической жесткости/мягкости. Кстати, сами названия сил — военная, обычно задающая полюс жесткости, экономическая, политическая, культурная (полюс мягкости) и всякие прочие (весьма полный их перечень содержится в работе Ю. П. Давыдова [Давыдов, 2004]) тоже, строго говоря, являются «спящими» метафорами.

В литературе представлена и более рафинированная трактовка технологически понимаемой «мягкой силы» [Kounalakis, Simonyi, 2011],

которая предполагает введение еще одной, ортогональной шкалы жесткости/мягкости, ранжирующей **онтологический тип** силы как характеристику, отличную от способа ее применения, причем обе шкалы градуируются в терминах жесткости/мягкости. Так, военная сила по своей природе считается более жесткой, чем, скажем, идеологическая, но и та и другая могут применяться с разной степенью жесткости. Демонстрация военной силы может быть более мягкой (особенно если это парад, а не маневры), чем разнузданная пропаганда, а экономические санкции могут быть как мягкими, так и очень жесткими. В таком декартовом пространстве жестко-жесткий квадрант включает в себя реальное применение военной силы, а мягко-мягкий — всякие программы культурного обмена.

Надо признать, что такое понимание несколько не противоречит интуиции. Оно, однако, весьма далеко от аутентичной концепции «мягкой силы» Дж. Наю, которая с точки зрения языкового сознания менее естественна и наглядна. *Differentia specifica* того феномена, для обозначения которого Най воспользовался метафорой «мягкой силы», — это не онтология силы и не форма ее реализации, а ее **вектор** (кстати, реальный атрибут механической силы).

«Мягкая сила», по Наю, — это притягательная сила, и принципиально важно, что ею можно *обладать*, ее можно *приобретать*, *наращивать* и *утрачивать* (именно поэтому такое понимание «мягкой силы» уместно назвать **ресурсным**), но ее по определению нельзя *применять*. Это такая пассивная сила, которая проявляется в поведении не того, у кого она есть, а того, кто на нее реагирует, это «танец, для которого нужны партнеры» [Най, 2014: 153].

С точки зрения терминологии интересно, что Най в самой первой своей публикации на данную тему писал о «притягательной [точнее, 'втягивающей', или 'ассимилирующей' — *co-optive*] или мягкой (*soft*) силе», именно в таком порядке [Nye, 1990: 166]. По-видимому, яркая метафоричность и принадлежность слова *soft* базовому лексикону (тогда как *co-optive* — это словообразовательная экзотика), заставили его выбрать именно выражение *soft power* — кстати, само по себе, при внешней простоте, не столь уж очевидное в плане его передачи средствами других языков, ибо смысловые проблемы, порождаемые дословным переводом, были очевидными, отсюда, например, предложение

переводить *soft power* как ‘влияние’, а *hard power* как ‘сила’ — безо всяких атрибутов [Зевелёв, Троицкий, 2006].

Дисциплинарные следствия

Для любого, кто знаком с возникшим в маркетинге практически одновременно с концепцией «мягкой силы» понятием **странового бренда** (*nation brand* — здесь с терминологией тоже все не просто, имеются не вполне тождественные как английские, так и русские обозначения), во многом «перекрывшего» более традиционные понятия имиджа и репутации страны (и шире — любой территории)⁸, совершенно очевидно, что «мягкая сила» в наевском понимании, как минимум, близкий аналог понятия странового бренда, причем в работах последнего времени эту близость все более явно признает и сам Най. Из трех выделяемых им источников «мягкой силы» страны один (ее культура) выступает одновременно и параметром странового бренда в так называемом шестиугольнике Анхолта⁹, другой (политические ценности) сильно пересекается с анхолтовским качеством государственного управления, и только внешняя политика при рассмотрении странового бренда не учитывается (зато учитываются другие факторы, в частности экономические и психологические) — что вполне естественно, если учитывать различный генезис этих двух категорий.

Платой за риторические достоинства выражения «мягкая сила» стало, во-первых, то, что эта метафора зажила своей жизнью, вызывая споры и заставляя Ная постоянно разъяснять свою позицию. Во-вторых, возникли два разных понимания «мягкой силы» — и, более того, довольно жесткое соперничество между ними (и их проponentами), обусловленное уже не когнитивными, а культурно-идеологическими факторами.

Культурно-идеологические претензии к категории «мягкой силы»

Сила, которой нельзя оперативно воспользоваться; сила, действенность которой определяется не ее обладателем, а тем, к кому этому обладателю хотелось бы ее применить; сила, на накопление которой

(причем без гарантии успеха) требуются десятилетия; сила, для обретения которой нужно прежде всего «оборотиться на себя» и зачастую серьезно пересмотреть свою политику¹⁰, — это очень специфический вид силы, плохо совместимый с традиционными, реал-политическими представлениями о силе в международных отношениях и вызывающий вполне естественное культурное, а во многом и идеологическое отторжение, примеров чего можно привести очень много, причем интересно, что это касается не только наевской трактовки, но и технологически понимаемой «мягкой силы».

Категория «мягкой силы», сталкиваясь если не с жесткими реалиями мира, то с глубокой верой в жесткость таковых реалий и убежденностью, особенно характерной для России, но отнюдь не составляющей ее уникального достояния, в том, что жесткость — это практически синоним серьезности и действенности в любых областях, подвергается двум отчасти противоположным интеллектуальным атакам: ей либо отказывают в праве на самостоятельное существование и эффективность (какая же, мол, это сила — в лучшем случае влияние, ср. выше), либо, наоборот, объявляют дьявольски (в самом буквальном смысле, со ссылками на соблазн, приведший к первородному греху) эффективной и включают в состав так называемых коммуникативных технологий (термин Г. Г. Почепцова-мл.), причем сближая ее с наименее симпатичными из их числа, прежде всего с пропагандой.

«Мягкая сила» по определению коммуникативной технологией не является, напрямую объявлять ее таковой — значит совершать категориальную ошибку, однако желание операционализировать понятие «мягкая сила» вызвало к жизни немало концепций разной степени изощренности, призванных сблизить ее с коммуникативными технологиями, в том числе используя представление о различных технологических силах (репрезентационная сила Дж. Маттерн, социальная сила П. ван Хама, «сладкая сила» У. Мида, символическая сила Х. Нойи; разумеется, упоминаются и идеи А. Грамши — и далее в историю вплоть до Лао-Цзы, Сунь-Цзы и Конфуция). Все эти концепции требуют специального обсуждения, однако сам факт их наличия свидетельствует как о желании отграничить категорию «мягкой силы» от банальной пропаганды, так и об очевидном стремлении как-то приблизить ее к традиционному представлению о силе, которую

все-таки можно как-то применять. Противостоять такой тенденции, по меньшей мере, нелегко.

Примечания

¹ Позволим себе не останавливаться на обсуждении еще и категории дискурса, понимая его здесь (термин «дискурс» неоднозначен) как воплощенное в речевых произведениях коммуникативное своеобразие субъекта социального действия, индивидуального, группового или — *sic!* — метафорического [Паршин, 1996].

² В плане выстраивания и продвижения концепции его можно считать и основоположником наиболее распространенной версии этой теории, хотя интеллектуальных предшественников у него было предостаточно [Теория метафоры, 1990]; специально хочется упомянуть двух не слишком известных в этом плане авторов — американского философа С. Пеппера с его книгой «Мировые гипотезы» [Реррег, 1942] и ныне здравствующего российского логика, математика и лингвиста В. А. Успенского [Успенский, 1979].

³ Здесь можно упомянуть, например, ряд статей и монографий самого Дж. Лакоффа, из отечественных авторов — А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, В. М. Сергеева, А. П. Чудинова и его многочисленных учеников и др.

⁴ В буквальном смысле сила не является ни жесткой, ни мягкой, независимо от того, понимать ли ее чисто механически, по И. Ньютону, как произведение массы на ускорение или, в когнитивной трактовке Л. Талми, как способность менять статус-кво, или, при наличии тенденции к изменению последнего, противостоять таковому изменению [Talmu, 1988].

⁵ Цит. по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ev-evt.net/stihi/m/child_mog.php (31 мая 2014 г.).

⁶ Автор настоящего текста сам не раз ходил на теплоходе по вечерней и «бело-ночной» Лене — картина очень правдоподобная.

⁷ Вообще-то сила припева может восприниматься и как жесткая, ср., например, припев «Песни единого фронта» Б. Брехта и Г. Эйслера (что в оригинале — *Drum links, zwei, drei!*, что в переводе).

⁸ Введение и развитие этого понятия, а также понятий странового маркетинга и странового брендинга связаны, прежде всего, с именами маркетологов — американца Ф. Котлера и британцев С. Анхолта и У. Олинза. Впоследствии эта область деятельности получила серьезное развитие, обзавелась узкопрофессиональными журналами и т.д. Явное сопоставление категорий странового бренда и «мягкой силы» предпринималось в работах голландского международника П. ван Хама и британского специалиста по брендингу, этнического китайца Ин Фаня.

⁹ См. о нем, например: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://marketing.gfkamerica.com/PlaceBranding_slipsheet.pdf.

¹⁰ С. Анхолт не устает повторять, что скверный имидж страны — следствие того, что в ней что-то неладно, а не огрех пропаганды.

Литература

- Давыдов Ю. П.* Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. 2004. Т. 2. № 1.
- Зевелёв И. А., Троицкий М. А.* Сила и влияние в американско-российских отношениях. Семиотический анализ. М., 2006.
- Най Дж. С.* Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М., 2014.
- Паршин П. Б.* Идиополитический дискурс // *Труды международного семинара Диалог'96*. М., 1996.
- Паршин П. Б.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // *Аналитические доклады ИМИ*. Вып. 1 (36). М.: МГИМО (У) МИД России, 2013.
- Теория метафоры* / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990.
- Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // *Семиотика и информатика*. Вып. 11. 1979. С. 142–148.
- Kounalakis M., Simonyi A.* The Hard Truth About Soft Power // *Perspectives on Public Diplomacy*. Paper 5. Los Angeles: University of Southern California. Center on Public Diplomacy at the Annenberg School, 2011.
- Marks M. P.* *Metaphors in International Relations Theory*. N.Y., 2011.
- Nye J. S., Jr.* *Soft Power* // *Foreign Policy*. 1990. No. 80, Autumn.
- Pepper S. C.* *World Hypotheses: A Study of Evidence*. Berkeley etc., 1942.
- Talmy L.* *Force Dynamics in Language and Cognition* // *Cognitive Science*. 1988. Vol. 12. No. 1.

Pavel B. Parshin

MGIMO University, Moscow

THE CATEGORY OF “SOFT POWER” IN POLITICAL DISCOURSE: COGNITIVE, CULTURAL, AND IDEOLOGICAL CAUSES OF CONTROVERSIES

Abstract. The main point of the article is that cognitive, cultural and, in some sense, ideological factors, which determine the meaning and usage of the notion of “soft power”, significantly albeit mostly implicitly shape also the

development of debates that surround this category from its very inception in J. Nye's seminal paper of 1990. Moreover, metaphorical nature of linguistic expression *soft power*, investigated in the papers at some length, is largely responsible for the development of Nye's original ideas towards comprehension which is quite distant from his authentic thought. The result of this development is the formation of two rather different and even conflicting understandings of "soft power".

A viewpoint is substantiated according to which it is reasonable to reposition the notion of "soft power" and explicitly admit its ties with the category of nation brand, suggested in early 1990s by Ph. Kotler, S. Anholt, W. Olins and other marketers. Although disputable, such correction could liberate the notion of "soft power" from odious connotations and facilitate the realization of its constructive intellectual resources, and also make it possible to introduce into discussion of "soft power" the results obtained in international marketing studies. However, prospects for this are rather vague due to some cultural and ideological prejudices and unwillingness to conceptualize power in international relations studies in any other way than that of traditional Real Politik, perhaps under the mask of communicative technologies.

Key words: "soft power", J. Nye, tactile metaphor, cognitive and semantic foundations of the metaphor of soft power, technological vs. resource understanding of soft power, nation brand, image, reputation, cultural and ideological prejudices.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается политический предвыборный дискурс как коммуникативный процесс, в котором актуализируются прагматические, когнитивные и психологические параметры личности. Речевое воздействие в предвыборном дискурсе играет главенствующую роль как средство изменения когнитивной картины мира адресата. Речь — тот механизм воздействия, связанный с другими когнитивными процессами (восприятия, памяти, мышления и др.), которые участвуют в кодировании (порождении) и декодировании (понимании) передаваемого сообщения от адресанта к адресату. Процессы кодирования и декодирования обеспечивают взаимодействие и взаимопонимание собеседников в диалогическом общении. В настоящей статье кодирование речи подразделяется на два вида: успешное (правильное) и неуспешное (неправильное). Успешное кодирование заключается в построении лексически, синтаксически и логически правильного высказывания и способствует более точному восприятию и осмыслению информации. Напротив, неправильное кодирование усложняет процессы восприятия и декодирования высказывания и приводит к непониманию между собеседниками. Процесс декодирования реализуется как в понимании, так и в непонимании передаваемого сообщения. Понимание представляется как точная расшифровка адресатом мысли автора высказывания и может быть выражено различными способами. Непонимание может быть выражено в ответных репликах, не соответствующих по содержанию теме вопроса, в уклонении от ответа и переходе на другую тему разговора. Непонимание не всегда является результатом неправильного декодирования, иногда это бывает обусловлено тактическим ходом собеседника.

Ключевые слова: политический предвыборный дискурс, кодирование, декодирование, речевое воздействие, стратегия, тактика.

В связи с обостренной политической ситуацией в мире диалог между политиками приобретает особую значимость, так как главная его цель состоит в достижении взаимопонимания между различными сторонами (государствами, политическими партиями, политическими

деятелями). Политический диалогический дискурс представляется как коммуникативный процесс, происходящий в определенной политической ситуации между двумя или более лицами, которые актуализируют свои коммуникативно-прагматические, когнитивные и психологические установки. Одной из диалогических устно продуцируемых форм политического дискурса являются предвыборные дебаты, в которых осуществляется борьба между кандидатами за высшую политическую должность.

Главная цель политических деятелей в предвыборном дискурсе — воздействие, которое рассчитано на изменение политических взглядов, установок или картины мира адресата и, как следствие, приведение его к выбору определенного кандидата.

В установлении механизмов речевого воздействия как инструментов формирования политической картины мира реципиента мы видим когнитивный аспект политической коммуникации. В определении стратегий и тактик речевого воздействия мы усматриваем прагматический аспект исследования.

Очевидно, чтобы достичь желаемого результата, политический деятель должен владеть такими механизмами речевого воздействия, которые смогли бы заставить адресатов совершить определенные действия. Речь в политическом дискурсе — это тот когнитивный механизм, с помощью которого говорящий выражает свои мысли, закодированные в виде концептов, фреймов, сценариев и других инструментов мышления, и тем самым переносит собственную картину мира в сознание адресатов. Можно утверждать, что речь следует считать сложным когнитивным процессом, который обеспечивает работу внимания, памяти, мышления и опосредует передачу, прием и обработку речевых сообщений. Производство речи (кодирование) и ее понимание (декодирование) — это сложные многоэтапные операции, включающие такие когнитивные процессы, как ощущения (слуховые), восприятие, внимание, представление, память и мышление.

Мышление само по себе недоступно непосредственному восприятию, поэтому мы можем исследовать особенности кодирования и декодирования речи на примере высказываний, которые являются результатами этих процессов. От того, насколько точно политик закодирует в речи свою мысль, будет зависеть точность декодирования этой мыс-

ли адресатом, а соответственно, и степень воздействия высказывания на его сознание.

Для порождения высказывания говорящему необходимо обладать знаниями, новой информацией, разумными выводами или предложениями, увлекающими людей идеями. Немалую роль играет владение языком, логика, композиция и выразительность. Выбор языка в этом процессе А. А. Леонтьев ставит на первое место [Леонтьев, 1970].

Процесс кодирования может быть успешным (правильным) и неуспешным (неправильным) в лексико-синтаксическом оформлении мысли и в логическом построении высказывания. Что касается правильного кодирования, то оно предполагает построение лексически, синтаксически и логически стройного высказывания, восприятие которого не затрудняет процесс его понимания. Политику необходимо хорошо владеть тем же языком, что и адресат, а также ориентироваться на уровень профессиональной компетенции слушателя в области политики. Так, обращаясь к массовому адресату, политическому деятелю следует использовать общую лексику и минимум политических терминов для представления своих идей.

Неправильное кодирование, по нашему мнению, заключается в производстве лексико-синтаксических, логических и композиционных несоответствий при построении речевого высказывания.

1. Лексико-синтаксические несоответствия в кодировании речевых высказываний.

***Пример 1:** «А в нашей партии честные порядочные люди, профессионалы. А те, кто конъюнктурно хотел псевдооппозиционную партию, как они считали, пришли, а когда поняли, что партия настоящая»* (С. Миронов — М. Прохорову, дебаты на канале «Россия 1» от 02.03.12). В данном высказывании говорящий не заканчивает мысль о «тех, кто конъюнктурно хотел псевдооппозиционную партию...» — нет сказуемого предиката. Глагол «пришли» не соответствует содержанию предыдущей фразы. В следующей части предложения «а когда поняли, что партия настоящая» не ясно, кто и что дальше сделал, т.е. отсутствуют подлежащее и сказуемое.

Пример 2:

Ведущий: Я не услышал ответ на то, поддерживаете ли вы или нет «президентский фильтр» при выборах губернатора?

Жириновский: Обязательно. И не надо здесь бояться ничего. Фильтр, имеется в виду, когда президент скажет, как вчера, ребята, вот Петров, вы выдвигаете его, Саратов — жулик, вор, убийца, вы что делаете, снимите его. Или связан с иностранным каким-то капиталом, т.е. фильтр, имеется в виду, только лишь проблемы безопасности, как я уже говорил, регистрация партий, одномандатные округа, выборы губернатора. Давайте фильтр сделаем, у нас огромная страна, впереди столько событий будет (В. Жириновский, «Россия 24» от 16.02.12). В приведенном примере речевого сообщения политик так и не дает определение понятия «президентский фильтр». Сформулированные высказывания представляют собой набор слов и словосочетаний, не имеющих между собой ни синтаксических, ни логических связей.

2. Кодируя сообщение, политики используют лексические единицы, которые представляют собой фреймы и сценарии, являющиеся репрезентациями описываемой ситуации. Декодирование высказываний, содержащих фреймы или сценарии, возможно, если слушатели (избиратели) имеют в их когнитивной картине мира соответствующий опыт или знание о данной ситуации. Если же представление о ситуации или объекте разговора у адресатов отсутствует, то декодирование высказывания будет затруднено. Участники предвыборных дебатов, кодируя речевое высказывание, не всегда учитывают наличие соответствующих ментальных репрезентаций в сознании своих слушателей (избирателей). Например: *«И щас [сейчас] мы требуем всех освободить, всех, кто на Болотной, на любом митинге считают, что кто-то сидит, мы предлагаем вообще всеобщую уголовную амнистию»* (В. Жириновский — С. Миронову). В данном высказывании речь идет о митинге на Болотной площади в Москве, в ходе которого были арестованы некоторые его участники. Здесь говорящий использует лексическую единицу «Болотная» как сценарий событий, о которых слушатели могут не знать (что происходило, кто был участником, каковы причины произошедшего и т.п.), т.е. не иметь данного фрейма в сознании. Поэтому слушатели могут не понять политика, так как он не раскрывает смысл употребляемого им фрейма в своем высказывании.

3. Кодируя сообщения, политики иногда не соблюдают последовательность в изложении темы и логику при выражении своих мыслей.

Например: *«Я как горный инженер-геофизик, который полжизни провел в геологии, знает, что такое руда и какая реальная ей цена, потому что уникальные месторождения Норильского промышленного района, и Норильска, и Октябрьска, и Дамаска, где уникальные сульфидные медно-никелевые руды»* (С. Миронов — М. Прохорову, «Россия 1» от 02.03.12). В данном высказывании явно нарушена причинно-следственная связь между описываемыми событиями, отсюда сообщение выглядит незавершенным и вызывает затруднение при его анализе. Если учесть, что это высказывание — всего лишь часть длинного сообщения, то такая «заминка» при его декодировании адресатом может затруднить восприятие последующих высказываний, что приведет к непониманию или частичному пониманию сообщения в целом.

4. Некоторые российские политики часто выстраивают громоздкие, длинные предложения (иногда насчитывающие от 60 до 70 слов), что усложняет их восприятие и, соответственно, процесс его декодирования адресатом. Например: *«Каким образом вы вдруг появились на политической арене и ведете вот так хамовато, когда вся страна прекрасно знает, что вы нажили свои капиталы, перекачав с государственного счета 300 миллионов, захватив эту собственность, и потом, за счет государства, баснословно обогатились, но попрятали все свои счета в офшорах и одновременно продали стратегический кобальт американцам на 10 лет вперед, и мы вынуждены сегодня покупать у американцев кобальт, который крайне необходим для производства самолетов, ракет и сложных приборов»* (Г. Зюганов — М. Прохорову, «Первый канал» от 06.02.12). Данное высказывание представляет собой сложное предложение, в котором содержится три подлежащих, три однородных сказуемых, два придаточных предложения, деепричастный оборот с однородными деепричастиями.

Представленные характеристики неправильного кодирования усложняют процесс восприятия, а иногда затрудняют процесс понимания полученной информации адресатом.

Процессом понимания в психологии называется путь от речи к мысли, когда говорящий переводит свои мысли в систему кодов языка, а слушающий, декодируя воспринимаемое высказывание, анализирует его и превращает развернутое высказывание в свернутую мысль [Лурия, 2007: 277].

Процесс понимания (декодирования) зависит от лексического, синтаксического и логического оформления высказывания. Понимание устного высказывания основано не только на декодировании логико-грамматических структур речи, но и на учете всех невербальных средств сообщения (знание ситуации, жесты, мимика, интонация).

Декодированное высказывание формирует мотив для порождения (кодирования) нового высказывания, которое может быть ответом на вопрос собеседника или новым вопросом.

Понимание представляется как точная расшифровка адресатом мысли автора высказывания и может быть выражено различными способами.

1. Понимание может осуществляться в репликах, выражающих согласие—несогласие. Например, «Согласен», «Правильно», «Конечно» и т.д. Согласием или несогласием оппонент демонстрирует свое понимание высказывания, выражая тем самым свою поддержку или одобрение. Например:

Миронов: Я настаиваю на том, чтобы в Российской Федерации был принят избирательный кодекс, чтоб был единый закон, по которому мы избирали и депутатов муниципального уровня, и региональный парламент, и президента.

Зюганов: Мы отсюда поддержим. Абсолютно правильное предложение (дебаты на канале «Россия 24», от 16.02.12).

В представленном микродиалоге участники демонстрируют взаимопонимание, соглашаясь, одобряя и поддерживая друг друга.

2. Процесс правильного понимания (декодирования) сообщения часто сопровождается развитием мысли собеседника. Например:

Жириновский: У всех ключевых чиновников — деньги там — 500 миллиардов долларов — все там: жены там, дети там...

Зюганов: ...и все заводы в офшорах...

Жириновский: ... все там, все туда отдать.

3. Понимание собеседника может выражаться точным ответом на поставленный вопрос. Например:

Зюганов: Что будем делать с налогами? 13%-ный на всех налог, в том числе для миллиардеров — нигде в мире нет. Почему Путин прикрыва-

ет такое безобразие и не желает взять нормальный налог с тех, кто получает слишком много?

***Жириновский:** Наворовали слишком много — 3 миллиона граждан за 20 лет стали сверхбогатыми. 100 миллионов — нищета, голь, рвань, живем очень плохо.*

4. Понимание наблюдается и в том случае, когда адресат противопоставляет свою информацию мнению собеседника. Например:

***Зюганов:** У нас будет работать все производство...*

***Прохоров:** У нас все работает...*

5. Понимание также может реализовываться с помощью намеренного ухода от ответа, возможно, с целью скрыть какую-либо информацию от собеседника. Например:

***Прохоров:** Ответьте на вопрос, вы так и не ответили на вопрос, откуда у вас это моральное право после того, что вы уже сделали?*

***Зюганов:** Откуда? Оттуда.*

***Прохоров:** Вы не отвечаете на вопрос.*

***Зюганов:** Дослушайте, я верен своей стране, своему знамени, я присягал красному знамени, служил в армии, я работал много лет в университете и сегодня продолжаю работать. Я подготовил...*

***Прохоров:** Мне ваша биография хорошо известна...*

***Зюганов:** Ну, если вам известно, вот все ваши проделки, глобальное порабощение России нашими миллиардерами и жуликами, которые сегодня разворовывают страну.*

В данном примере Г. Зюганов, поняв вопрос своего оппонента и не желая на него отвечать, старается уйти от ответа и переходит на обвинения в адрес М. Прохорова.

Процесс декодирования актуализируется как в понимании, так и в непонимании адресатом высказываний говорящего.

Непонимание между участниками дискурса — это результат неправильного декодирования высказываний говорящего как по вине автора высказывания, который не точно закодировал свою мысль, так и по вине самого адресата.

1. Непонимание проявляется в высказывании информации, не соответствующей теме вопроса или предыдущего высказывания собеседника. Например:

***Прохоров:** Если бы я был кремлевский агент, как вы говорите, я бы в Думе бы сейчас сидел и имел бы фракцию больше, чем вашу.*

***Зюганов:** Вы полтора часа прошлый раз вместе с Жириновским убили это время, не дав возможности людям порассуждать.*

2. Непонимание между собеседниками наблюдается, если они настаивают на своем мнении, не обращая внимания на высказывание оппонента. В этом случае можно говорить о том, что собеседники «не слышат» друг друга. Например:

***Зюганов:** Что ж вы не подобрали ЗИЛа рядом, а вы забрали золотой клондайк и на этом наживаетесь. Вы продали весь кобальт, без которого невозможно делать наши ракеты...*

***Прохоров:** Подождите... да подождите... все, что наша страна не отдала частному сектору, все потеряно.*

***Зюганов:** Какой частный сектор?*

***Прохоров:** ...Вы бросили фабрики и заводы, вы их бросили...*

***Зюганов:** То, что отдали 70 предприятий, вы угробили.*

В данном примере участники дискурса обмениваются взаимными обвинениями, не отвечая на вопросы друг друга, что, возможно, следует считать тактическим ходом либо нежеланием отвечать на поставленные вопросы. Мы можем говорить в подобном случае об отсутствии взаимопонимания между собеседниками.

3. Непонимание также может проявляться в отклонении от ответа на вопрос собеседника. В этом случае, возможно, собеседник не знает ответа на поставленный вопрос либо он не желает отвечать, имея при этом свои цели.

Процесс декодирования затрудняется, когда при восприятии существуют определенные помехи (шум или др.) или когда участники говорят одновременно, перебивая друг друга, что нередко можно наблюдать в ходе предвыборных дебатов. В предвыборном дискурсе, где адресатами являются не только сами участники, но и телезрители (слушатели), такие ситуации одновременного говорения особенно сложны не только для декодирования, но и для восприятия вообще. Желание каждого участника дискурса высказаться, не слушая мнения собеседника, при одновременном говорении, приводит к тому, что коммуниканты не понимают друг друга и препятствуют декодированию информации другими слушателями.

В предвыборных дебатах часто наблюдается игнорирование вопроса, мнения или предложения собеседника. Уход от ответа или смена темы высказывания не всегда служит признаком непонимания при декодировании, напротив, это может быть намеренным тактическим ходом, совершенным с определенной стратегической целью.

Прагматические особенности предвыборного дискурса проявляются в наличии особых стратегических целей и прагматических установок. Проанализировав различные тактики в предвыборном дискурсе, согласно функциональной теории В. Л. Бенуа, мы считаем возможным отнести их к трем стратегиям: нападения, восхваления и защиты.

Стратегия нападения рассчитана на дискредитацию оппонента с помощью описания его слабых сторон, высмеивания его недостатков или обвинения его в сложившейся политической ситуации. Применяя стратегию нападения, политик может угрожать оппоненту или предсказывать негативные последствия избрания другого кандидата. К стратегии нападения мы отнесли тактики дискредитации, обвинения, оскорбления, саркастического высмеивания, предсказания, запугивания, угрозы, описания и предсказания негативных событий. В некоторых высказываниях говорящие совмещают тактики запугивания или описания негативных событий с тактикой противопоставления. Например: *«Если вы не меня изберете 4 марта — семьи будут распадаться, дети будут выбрасываться из окон, солдаты будут погибать в казармах, будут гореть кафе, дома, все будет взрываться, будет война на Ближнем Востоке, ваши дети там будут погибать. Если 4 марта не я въеду в Кремль — у вас наступит осень, а если я въеду, то будет весна и лето постоянно»* (В. Жириновский).

К стратегии защиты мы отнесли тактику оправдания (защиты) и нападения, а к стратегии восхваления — тактики самовосхваления и обещания. Тактика противопоставления принадлежит одновременно и к стратегиям нападения, и к стратегии защиты, так как кандидат, восхваляя себя, критикует или осуждает оппонента.

Следующий пример реплики представляет собой защиту, осуществляемую через нападение:

***Прохоров:** У нас 10 миллионов акционеров людей, тружеников, которые вложили свои деньги в крупнейшие предприятия. Вот вы их и обворуете. Кстати, среди них много коммунистов, вы их обворуете,*

Геннадий Андреевич [Андреевич]. Обворуете 10 миллионов человек, они вкладывали потом и кровью свои деньги...

Зюганов: *Вы обворовываете 140 миллионов человек...*

Пример тактики самовосхваления:

«Я всегда был первым номером. Я всегда принимал решение за себя и брал ответственность за других» (М. Прохоров).

Как показало исследование, оппоненты в политическом предвыборном дискурсе выбирают конфронтационные стратегии и тактики: тактику обвинения действующей партии или других политических лидеров, тактику противопоставления, тактику оскорбления. Кандидаты предвыборного дискурса Г. Зюганов, В. Жириновский и С. Миронов чаще всего выступают с обвинениями поступков других политических лидеров или партий, с критикой политической ситуации в стране, однако о своих политических поступках и действиях они рассказывают мало. М. Прохоров, напротив, чаще использует тактику восхваления, описывая свои положительные качества и поступки.

Некоторые исследования показывают, что избиратели скорее склонны положительно воспринимать нападки на предлагаемую кандидатом политическую программу, чем на личность, поэтому некоторые нападения могут вызвать результат, обратный желаемому, при котором избиратели предпочтут нападающему объект нападения. Используя метод нападения, кандидат может сформировать предубеждение у избирателей по отношению к своему оппоненту. Исследование политических телепередач в преддверии президентских выборов показало, что метод нападения чаще использовали кандидаты с наименьшими шансами на победу [Бенуа, 2006: 92–119].

Параллельно анализу стратегий и тактик политических лидеров мы исследовали также содержание их выступлений. Тематика высказываний кандидатов, согласно функциональной теории В. Л. Бенуа, касается в основном политики и личности политика. Тема «политика» включает такие составляющие, как поступки, планы, предложения, социально-политическая ситуация в стране, предвыборная кампания и политические предсказания. Тема «личность» включает обсуждение идеалов и личностных качеств своих и других политиков.

В ходе предвыборных дебатов политические лидеры, обсуждая темы «политики» и «личности», предпочитают критиковать поступ-

ки и личные качества своих оппонентов, редко высказываясь о своих политических планах, а говоря о своих политических предложениях, в основном рассуждают о проведении выборов.

Как показал анализ примеров, цель предвыборного дискурса заключается не в нахождении взаимопонимания с партнером по коммуникации, а в установлении превосходства (победы) над ним как противником. В предвыборном дискурсе речь является когнитивным механизмом воздействия, которое выражается в правильно закодированных высказываниях, передаваемых от говорящего к его адресату с определенной стратегической или тактической целью. Политику важно учитывать когнитивно-прагматические параметры не только своего оппонента, но и широкой аудитории потенциальных избирателей.

Литература

Бенуа В. Л. Функциональная теория дискурса политической кампании / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 92–119.

Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.

Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2007. 320 с.

Yulia I. Plakhotnaya
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF POLITICAL PRE-ELECTION DISCOURSE

Abstract. In this article a political pre-election discourse is studied as a communicative process, in which pragmatic, cognitive and psychological parameters of a person are analysed. The speech influence in a pre-election discourse plays the main role as an instrument of the change of a mental picture of an addressee. Speech is the mechanism of influence concerned with the other cognitive processes (perception, memory, thinking etc.), which act in coding (production) and decoding (understanding) of a transmitted message from an addresser to an addressee. The processes of coding and decoding

provide the interaction and mutual understanding between the interlocutors in a dialogic intercourse. In this article speech coding is divided into two types: successful (correct) and unsuccessful (incorrect). "Successful" coding lies in building of lexically, syntactically and logically correct utterance and promote more precise perception and comprehension of information. On the contrary, "unsuccessful" coding complicates the processes of perception and decoding of an utterance and lead to misunderstanding between interlocutors. The process of decoding is realized in understanding and in misunderstanding of a transferred statement. Understanding is presented as an exact decoding the thought of an author of the statement by an addressee and can be expressed in different ways. Misunderstanding is conveyed in answers that do not correspond to the questions, in digression from the answer, or in changing the topic of the conversation. Misunderstanding is not always the result of incorrect decoding: it can be determined by tactical actions of an interlocutor.

Key words: political pre-election discourse, coding, decoding, speech influence, strategy, tactics.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ: ОЦЕНОЧНЫЙ И ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования образа женщины-политика в современной англоязычной прессе с точки зрения эвалютивного и аксиологического аспектов: создание образа в медиаполитическом дискурсе неизбежно сопровождается оценкой, основанной на определенных ценностях. Анализируются лингвистические средства создания положительного и отрицательного образов (лексические, синтаксические, стилистические), а также затрагиваются экстралингвистические средства, поскольку медиаполитический дискурс трактуется как поликодовый феномен. Выделяется особенность формирования образа женщины-политика в медиадискурсе: оценка может реализовываться не только с помощью обычных оценочных средств, но и с помощью акцента на фемининных или маскулинных чертах. Делаются выводы о том, к чему приводит подчеркивание женского и подчеркивание мужского, а также какую систему ценностей отражают эти процессы.

Ключевые слова: образ женщины-политика, медиаполитический дискурс, оценка, ценность, маскулинность, фемининность, маскулинизация, феминизация.

В центре внимания данного исследования находятся медиатексты, посвященные женщинам-политикам (материалом послужили аналитические статьи качественной британской и американской прессы за период с 2000 г. по настоящее время). Такие тексты оказываются на пересечении медийного и политического дискурсов, при этом под дискурсом понимается «комплексная взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы» [Чернявская, 2014: 112]. Медиатексты, находящиеся на пересечении этих двух типов дискурса, мы будем относить к медиаполитическому дискурсу.

Медиаполитический дискурс имеет эвалютивную и аксиологическую направленность. Это связано, прежде всего, с действующим

(а нередко и манипулятивным) характером данного типа дискурса. Известно, что политический дискурс включает в себя понятие политической коммуникации, которая, в свою очередь, понимается как «общение, основная интенция которого — борьба за власть» [Шейгал, 2000: 4]. Что касается медийного дискурса, то многие исследователи признают, что в СМИ функция воздействия превалирует над остальными функциями, и «средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия» [Ильцова, 2009: 11], формируя и изменяя картину мира реципиента.

Воздействие неразрывно связано с выражением авторской оценки, которая основывается на определенных ценностях. Мы исходим из понимания *оценки* как логической операции, зафиксированной в форме оценочного высказывания. *Ценность* же трактуется как категория, структурирующая картину мира.

Ценность может служить основанием оценки или объектом оценки. Важно подчеркнуть, что в силу своего субъективного характера оценка не подлежит верификации, иначе говоря, ее нельзя рассматривать как истинную или ложную. Оценка нуждается в интерпретации, которая во многом зависит от ценностных установок интерпретатора, его личного опыта и других факторов. Объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда и т.п., и, как отмечает Е. М. Вольф, «это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Вольф, 2009: 5].

При создании образа политического деятеля автор медиатекста исходит из того, что у читателя существуют стереотипические представления о политике идеальном и политике типичном, а также определенная иерархия ценностей. Положительный образ политического деятеля в медиадискурсе создается за счет акцентирования черт образа идеального политика. Качества политиков, не совпадающие с образом идеального политика, получают отрицательную оценку. С другой стороны, автор медиатекста посредством оценивания в ходе создания образа политика выступает носителем определенных ценностей и способствует формированию ценностных иерархий.

С понятием «оценка» тесно связана такая текстовая категория, как *модальность*. Е. М. Вольф рассматривает оценку как разновидность

модальности [Вольф, 2009], указывая при этом на то, что оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания. Категория модальности выражает разные виды отношения к действительности (объективная модальность) и разные виды отношения говорящего к сообщаемому (субъективная модальность). «Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [ЛЭС, 1990: 303]. Для информационно-аналитических текстов чрезвычайно важен политико-идеологический аспект оценки. В такого рода текстах события и персонажи подвергаются анализу с точки зрения определенных ценностных и идеологических установок, приобретая *идеологическую модальность*.

Лингвистические способы выражения идеологической модальности разнообразны (употребление оценочных лексем, использование стилистических приемов, особое синтаксическое оформление фразы и др.). Однако эти способы имеют свои особенности применительно к образам женщин-политиков. В ходе анализа материала установлено, что оценка реализуется и за счет использования гендерно-специфичной лексики, которая ассоциируется в сознании читателя либо с мужественностью, либо с женственностью, т.е. лексики, семантически связанной с маскулинной или фемининной сферами, а также за счет использования эмоционально нагруженной лексики, которая ассоциируется либо с женской, либо с мужской сферой. При этом подчеркивание женского, как правило, приводит к негативной оценке и понижению статуса женщины-политика, поскольку базовыми, ориентационными чертами в образе политика являются маскулинные черты, а женские черты — девиантны.

Автор нередко подчеркивает внешность, прическу, детали туалета, привлекая внимание читателя к несущественным, малозначимым деталям. Однако именно с помощью таких деталей и акцентируется фемининность образа, что приводит к принижению статуса политика. Рассмотрим следующий пример: *But after a year of being squired around by Lula, Brazil's self-styled everyman, who is never better than when he's surfing the crowds, Rouseff's candidacy was born. After a grueling bout of chemotherapy*

for lymphatic cancer last year, she reinvented herself, swapped her Coke-bottle glasses for contacts, got a face-lift, flattened her brow with Botox, swept back her hair, and turned in her frumpy pantsuits for stylish designer duds. She also learned to smile, pose for snapshots with voters, and gab herself hoarse, essential survival skills on a continent-size campaign trail (Newsweek. 01.11.10.). В статье речь идет о вновь избранном президенте Бразилии Дилме Руссефф, которая, по словам автора статьи, предстала в новом имидже: «сменила очки с толстыми стеклами на контактные линзы, сделала подтяжку лица, разгладила морщины на лбу с помощью инъекции ботокса, пригладила волосы и отказалась от старомодных брючных костюмов в пользу модных дизайнерских нарядов». Безусловно, такой акцент на внешности имеет большой эмоционально-оценочный потенциал. Реципиента, по-видимому, призывают читать между строк оценочный посыл автора: на самом деле Дилма Руссефф как политик по большому счету ничего собой не представляет. Ее кандидатуру выбрал прежний президент — Лула да Силва. Стоит ли надеяться на то, что «фасадные работы» стилистов, визажистов, парикмахеров помогут Дилме стать серьезной политической фигурой?

В данном медиатексте Руссефф предстает противоречивой фигурой. С одной стороны, автор признает тот факт, что госпожа Руссефф — человек волевой, не желающий быть политической марионеткой, человек, прошедший даже через пытки (*A strong-willed woman, who held up under torture during the Brazilian dictatorship, Rouseff is no political pushover*). С другой стороны, все же он прибегает к использованию таких прецедентных антропонимов, как Элиза Дулиттл и профессор Хиггинс, говоря о Дилме и ее предшественнике Луле да Силва. Тем самым автор стремится показать, что Дилма — это «творение» Лулы, некое искусственное создание, а не полноценный деятель: *President-elect Rouseff is largely viewed as Lula's creation, playing Eliza Doolittle to his Professor Higgins*. Таким образом роль полноценного деятеля принижается. Такое противоречие усиливает экспрессивность медиатекста, привлекает дополнительное внимание читателя.

К слову, факт политической несамостоятельности Дилмы Руссефф подчеркивается в целом ряде статей в различных англоязычных изданиях: *Will voters choose Lula's handpicked successor, Dilma Rouseff?* (Newsweek. 17.07.10); *Ms Rouseff's main riposte is borrowed from Luiz Inacio Lula da Silva,*

her mentor and the current president (The Economist. 23.10.10.); *With Lula now preparing to step down after two terms, Brazilians seem poised to elect his chosen successor, Dilma Rousseff* (The Economist. 2.10.10.); *That Ms Rousseff is so dependent on Lula's patronage is a shame, for Brazil needs a strong and independent leader* (там же); *Dilma Rousseff is cruising toward victory on the coat-tails of a popular president* (The Economist. 3.07.10); *Dilma Rousseff won Brazil's election last year less because of her own qualities than because her hugely popular predecessor and political mentor, Luiz Inácio Lula da Silva, urged the voters to choose her* (The Economist. 17.02.11).

Пример Дилмы Руссефф далеко не единственный: тенденцию к упоминанию женщин-политиков в связи с их наставниками, мужьями, отцами можно также проследить на примере публикаций об Ангеле Меркель, где она представлена как «ученица» Гельмута Коля; госсекретаре США и кандидате на пост президента в 2008 г. Хиллари Клинтон (как известно, ее муж — 42-й президент США Билл Клинтон); президенте Аргентины Кристине Фернандес де Киршнер, сменившей на этом посту своего супруга Нестора Киршнера; кандидате на президентских выборах 2012 г. во Франции Марин Ле Пен, дочери известного политика-националиста Жана-Мари Ле Пена, и других [более подробно см.: Ивашова, 2012б]. Таким образом, за счет упоминания женщины-политика в связи с ее мужем, наставником и т.п. подчеркивается несамостоятельность женщины, а следовательно, ей как политику имплицитно дается негативная оценка, что, в свою очередь, приводит к понижению ее статуса.

Если акцент на фемининных качествах приводит к понижению статуса женщины, то должно ли использование лексики, связанной с маскулинной сферой, автоматически приводить к его повышению? Второе далеко не однозначно. Действительно, с одной стороны, употребление лексики, связанной с маскулинностью, как-то, например, слов с семами «рациональность», «сила», «независимость», применительно к женщине может повысить ее статус как политика. Вместе с тем маскулинизация образа может понизить ее статус как женщины. Например, в статьях о Хиллари Клинтон подчеркиваются такие ее качества, как целеустремленность, честолюбие, сила, здравомыслие. При этом используется широкий спектр оценочных эпитетов и характеристик, где «градус» повышается от *entirely reasonable* (The Sunday Times.

21.01.07), затем *the brilliant if at times harsh-sounding senator from New York* (The New York Times. 25.01.08) до *tough rival* (The Economist. 09.06.08), *as tough as it takes* (The Sunday Times. 21.01.07) и даже *the most hawkish of the current Democratic candidates* (The Economist. 06.10.08). Хиллари Клинтон даже сравнивается с машиной: *Their battle [Obama vs Clinton] is being dubbed as “the magic v the machine”* (The Sunday Times. 21.01.07). Сравнение Клинтон с машиной служит отражением представлений о традиционных маскулинных чертах: мужское начало ассоциируется с активностью, силой, рациональностью, четкостью, правильностью, в то время как женское — со слабостью, отсутствием рациональности, стихийностью, девиантностью. Интересно отметить, что в примере выше женщина Хиллари Клинтон предстает более маскулинной, чем мужчина Барак Обама.

Еще одной особенностью оценки образа женщины-политика можно считать косвенную оценку посредством референции к другому лицу: *A second poll has confirmed that Marine Le Pen, daughter of extreme-right demagogue Jean-Marie Le Pen, is the early leader heading into the first round of France’s 2012 presidential battle, reports TIME’s Bruce Crumley*. Например, если изъять из следующего предложения приложение «*daughter of extreme-right demagogue Jean-Marie Le Pen*», оно не будет содержать отрицательной оценки. Напротив, оценка будет положительной, поскольку Марин Ле Пен предстает лидером президентской гонки во Франции. Однако лексемы *extreme-right* и *demagogue*, обладающие негативной коннотацией, делают суждение отрицательно-оценочным. Дополнительным фактором, понижающим статус этой женщины-политика, служит референция к ее отцу, также известному политику. Тем самым имплицитно, что Марин добилась своего положения благодаря отцу или, по крайней мере, не без помощи своей звучной фамилии.

Кроме того, оценка передается и с помощью употребления прецедентных антропонимов: использование прецедентных антропонимов дает возможность автору избежать прямой характеристики политика, но позволяет дать оценочную характеристику имплицитно [подробнее см.: Ивашова, 2012а]. Например, *Palin is no Roosevelt—at least not yet* (Newsweek. 26.08.10). В данном примере Саре Пэйн иронично дается отрицательная оценка, поскольку она не выдерживает сравнения с Рузвельтом (ей до него еще далеко).

По В. И. Карасику [Карасик, 1992], оценочное значение часто оказывается статусно-оценочным. При этом отрицательная оценка понижает статус объекта оценки. Однако положительная оценка не всегда автоматически повышает статус объекта оценки, поскольку формально положительная оценка может на самом деле означать отрицательную оценку, в случае если мы имеем дело с иронией.

Анализ материала показывает, что нередко внешне положительная оценка может оказаться скрытой реализацией стратегии дискредитации. Например, в начале статьи формируется положительный образ Ангелы Меркель: *She dresses **more stylishly** these days; a new hairdo add a feminine touch to the leader of the most powerful country in Europe as she struts the world stage. Everywhere she **wins hearts and minds** with a mix of **intelligence and female modesty**. Indeed, Angela Merkel's *Frauenbonus* has made her at times **the most popular** of post-war chancellors* (The Economist. 24.03.07) В самом деле, лексемы с положительной коннотацией *win*, *intelligence*, *modesty*, *popular* способствуют созданию положительной тональности данного отрывка, а использование иностранного — немецкого — слова *Frauenbonus* придает определенный шарм, колорит. Вместе с тем более тщательный анализ выявляет, что за внешне положительной оценкой скрывается реализация стратегии дискредитации. Прежде всего рассмотрим дефиниции слова *strut*: *walk with a stiff, erect, and apparently arrogant or conceited gait: peacocks strut through the grounds she strutted down the catwalk* [www.oxforddictionaries.com]; *to walk in a proud way trying to look important* [www.dictionary.cambridge.org]. Все приведенные выше словарные дефиниции указывают на отрицательную коннотацию слова. Что касается немецкого слова *Frauenbonus*, то в словаре оно не зафиксировано, т.е. является окказионализмом, созданным из слова *Frau* — «женщина» и *Bonus* — «скидка, прибыль, бонус» [Немецко-русский словарь, 1996]. Хотя это слово имеет еще значение «преимущество», за счет своего первого значения «скидка» достижения Меркель приносятся. Ведь скидка — это нечто, что покупатель получает от продавца не за какие-то личные заслуги. Действительно, принадлежность к определенному полу — это не достижение само по себе. Однако его можно выгодно использовать, как следует из вновь образованного слова *Frauenbonus*.

Дальше мы получаем подтверждение своей гипотезе, что положительная тональность начала статьи — лишь прикрытие, приманка для

читателя: *Yet as she prepares for her Berlin EU jamboree this weekend, what is notable is that **praise from foreigners is not translating into successes at home.*** Это вполне согласуется с заголовком — *Unfinished homework*, который способствует созданию образа ученицы, недоделавшей домашнее задание. «Домашнее задание», исходя из содержания статьи, очевидно, заключалось в том, чтобы решить внутривнутриполитические и экономические проблемы своей страны.

Этот образ поддерживается карикатурой, сопровождающей текст. На ней изображена Ангела Меркель, выходящая из кабинета с чемоданом, обклеенным надписями «Лондон», «Москва», «Вашингтон» и др. При этом на столе остались стопки перечеркнутых листков, а рядом со столом — полная бумаг корзина для мусора. Хотя наше исследование посвящено языковым средствам, мы не можем игнорировать поликодовый характер медиаполитического дискурса, а следовательно, другие, экстралингвистические средства, которые совместно с языковыми средствами работают на создание определенного образа. Данная карикатура служит расшифровкой заголовка и основной идеи статьи: Ангела Меркель добивается успехов во внешней политике, а у себя дома ее достижения не так впечатляющи — *“Ms Merkel’s chancellorship may see **foreign successes in Brussels and Washington, but its weakness is lack of domestic achievements**”* (Там же).

Таким образом, медиатекст, особенно аналитическая статья, всегда содержит оценочный компонент, основанный на определенной аксиологической системе. Оценка (идеологическая модальность) реализуется с помощью целого ряда средств: лексических, синтаксических, стилистических, а также экстралингвистических. Особенность формирования образа женщины-политика в медиадискурсе заключается в том, что оценка может реализовываться не только с помощью обычных оценочных средств, но и с помощью акцента на фемининных или маскулиных чертах. Подчеркивание женского, как правило, выражает отрицательную оценку и приводит к понижению статуса женщины-политика, в то время как маскулинизация образа повышает статус женщины как политика, но может понизить ее статус как женщины. Это отражает систему ценностей, ориентированную на мужскую идеологию. Концептуально «правильным», идеальным и типичным политиком, исходя из этих ценностей, является мужчина, в то время как политик женского пола — это некое отклонение от нормы.

Литература

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Ивашова Е. С. Использование прецедентных антропонимов в медиатекстах: гендерный аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 1. № 3 (40). С. 65–69.

Ивашова Е. С. Образ женщины-политика в англоязычной прессе: лексические средства феминизации и маскулинизации // Мир — Язык — Человек: Материалы II Всерос. научно-практ. конференции с междунар. участием / Владимир. гос. ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. С. 155–165

Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л. П. Амири. М.: Флинта, 2009.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.

Elena S. Pronina
MGIMO University, Moscow

THE IMAGE OF A FEMALE POLITICIAN IN CONTEMPORARY ENGLISH-SPEAKING PRESS

Abstract. The report addresses the evaluation and axiology aspects of shaping the image of a female politician in contemporary English-speaking press. Creating an image in the media-political discourse inevitably receives evaluation, which is based on a certain value system. The report analyses linguistic means of creating positive and negative images (lexical, syntactic, stylistic ones) and touches upon some extralinguistic means, the media political discourse being viewed as a polycode phenomenon. The peculiarity of evaluating the image of a female politician in the media-political discourse

is that evaluation may be achieved by emphasizing feminine and masculine features as well as through ordinary evaluation means. The author makes some conclusions about the effects of emphasizing feminine features and stressing masculine characteristics and about the system of values these processes reflect.

Key words: image of a female politician, media-political discourse, evaluation, value, masculinity, femininity, masculinization, feminization.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена тому, насколько толерантным должен быть политический дискурс. Обращая внимание на то, что конфликтогенном может стать единица любого языкового уровня, автор ставит акцент на лексическом аспекте, на весомости слова в политическом дискурсе. В политическом дискурсе, который касается острой политической проблемы, слово может получать коннотативное значение, обусловленное лингвокультурным и политическим пространством коммуникации. Иными словами, слово, нейтральное по своей сути, может стать конфликтогеном и вызвать агрессивную реакцию у носителей российской культуры, поэтому в политическом дискурсе каждое слово должно быть продумано, реакция на него спрогнозирована говорящим. Цель любого политического дискурса заключается не в том, чтобы высказать свою точку зрения, а в том, чтобы убедить в этой точке зрения слушателей, а следовательно, основой политического дискурса, главным компонентом высказывания должна стать толерантность.

Ключевые слова: толерантность, политический дискурс, пространство коммуникации, лексический аспект.

Гармонизация речевого общения, тем более в политическом коммуникативном пространстве, возможна только тогда, когда каждый компонент коммуникации будет «пронизан» толерантностью. Мы считаем толерантность политического общения обязательным условием, потому что для политического дискурса важно, на наш взгляд, во-первых, умение пробудить в собеседнике симпатию к той точке зрения, которую излагает говорящий, во-вторых, используя тактику «нежной силы», «уговорить» собеседника (или аудиторию) принять определенную точку зрения на проблему, в-третьих, не вызвать у собеседника явную негативную реакцию на обсуждаемую проблему. Мы не будем останавливаться на многообразных толкованиях «модного» и спорного термина «толерантность», потому что неоднократно об этом писали [Просвиркина, 2006, 2010]. В статье мы используем термин «толерантность» в том значении, которое с 2010 г. зафиксировано в словаре

лингвистических терминов: «...это тип речевого взаимодействия, нацеленный на соблюдение каждым его участником коммуникативных прав и обязанностей цивилизованного общения...» [ПСЛТ, 2010]. Таким образом, «речевая толерантность» заключается в умении использовать в практике языковые единицы, которые позволяют высказывать оценку в корректной форме, так, чтобы это речевое оформление текста не задело чувств коммуникантов (слушающих или читающих), не вызвало у них агрессивной реакции. Мы считаем, что именно это качество важно для современного политического дискурса, который функционирует как в повседневном общении, так и в СМИ, в интернет-пространстве.

Политический дискурс мы понимаем в широком смысле: как совокупность всех устных и письменных текстов, которые встречаются в современных речевых актах носителей языка и которые посвящены политическим проблемам, т.е. как совокупность «...всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях...» [Баранов, Казакевич, 1991]. Дискурс — важная составная часть речевого акта, «продукт» речевой деятельности коммуникантов. Об этом свойстве дискурса говорят многие исследователи, и это качество дискурса было отмечено в Краткой русской грамматике: «...говорящий, при помощи различных языковых средств так или иначе оценивает свое сообщение или способ сообщения, что-то в нем акцентируется, соотносится адресатом с обстановкой речи, с источником своей информации, с отношением к ней слушающего, выражает уверенность или неуверенность в том, о чем он говорит» [Краткая русская грамматика, 2002]. Таким образом, политический дискурс служит «зеркалом», в котором отражаются: уровень толерантного опыта политика (или индивида, говорящего о политике), стратегии наиболее эффективных способов использования этого опыта; умение использовать толерантный речевой опыт в соответствии с конкретными условиями коммуникации; практическое владение запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации; умение использовать коммуникативные средства в процессе политического общения; интерпретация дискурса в соответствии с нормами толерантного коммуникативного кода и правилами речевого этикета, обусловленного этнокультурологической личностью партнера по коммуникации.

Материалом нашего исследования стал дискурс (текст), который появлялся в коммуникативном пространстве в связи с каким-либо политическим событием: выборами, политическими скандалами и т.д. Текст отбирался методом случайной выборки, обычно потому, что он в той или иной мере вызывал определенную экспрессивную реакцию у носителей русского языка, воспринимающих его. Понятно, что эмоциональное восприятие часто обусловлено тем, что в дискурсе встречались какие-то языковые средства, которые вызывали недовольство, гнев, агрессию, т.е. интолерантную реакцию.

Толерантность политического дискурса достигается в том случае, если в нем использованы фонетические, графические, лексические, словообразовательные, синтаксические средства языка, которые не вызывают у представителей лингвокультурного сообщества неприятия, не воспринимаются ими как лингвоконфликтогены.

Конечно, толерантность дискурса проявляется на разных языковых уровнях: на фонетическом уровне «толерантность—интолерантность» дискурса может проявляться благодаря как сегментным (звук), так и суперсегментным (интонация, тембр и т.п.) единицам. На уровне графики данную функцию могут выполнять шрифт, рисунки и т.п. На морфологическом уровне отношение (положительное или отрицательное) можно передать с помощью слов категории состояния, междометий и модальных частиц и т.п. На уровне лексики — это слова, фразеологизмы, прецедентные феномены, логоэпистемы, логоэпистемойды.

При всем многообразии языковых средств, с помощью которых в политическом дискурсе можно выразить как толерантное, так и интолерантное отношение к теме разговора, особое место, на наш взгляд, занимают лексические единицы. Несмотря на то что лексические единицы имеют значение, зафиксированное в различных словарях (толковых, энциклопедических, лингвокультурологических, лингвострановедческих и т.д.), многие носители языка не всегда понимают все многообразие оттенков в значении слова, которое используют в речи. Использование лексемы в политическом дискурсе должно быть продумано и проанализировано говорящим (пишущим) для того, чтобы оно не вызвало агрессивной реакции у тех, кому адресовано.

Так, казалось бы, совершенно нейтральное слово «другой» (хотя о его смысловом коварстве лингвисты говорят часто) было использова-

но одним из кандидатов в депутаты (в процессе предвыборной гонки) по отношению к политическому сопернику. Политик не учел одной особенности — его противник имел нерусскую фамилию, поэтому посчитал, что его дифференцировали по этническому признаку.

Другой пример: известный, уважаемый многими россиянами человек, чьи интервью, выступления в отечественных СМИ по разному поводу всегда отличались корректностью, взвешенностью оценок, эмоционально оценивая ситуацию с присоединением Крыма, назвал одобрительную реакцию многих соотечественников «взрывом массового помешательства». На первый взгляд данное высказывание довольно безобидно. Почему же оно вызвало бурную реакцию значительной части населения? В. В. Виноградов в заметках об истории слов пишет, что данное слово было широко использовано в книжной речи (как синоним разговорного варианта *помеха* (*помешка*) и имело значение «по глаголу *помешаться* («помеха, расстройство, беспорядок»)). Только с XVIII в. слово *помешательство* стало восприниматься как производное и от глагола *помешаться* в отношении к уму: «становиться шальным, сумасшедшим» [Виноградов, 1994].

Давайте посмотрим, каково значение слова «помешательство» в современных русских лингвистических словарях. Так, словарь С. И. Ожегова отмечает, что «ПОМЕШАННЫЙ, ая, ое; ан. 1. То же, что сумасшедший (в 1 знач.)... 2. *перен.*, на ком (чём). Имеющий исключительное пристрастие к кому-, чему-н. (*разг.*)...» [Ожегов, 1983].

Те же два значения, что и в словаре С. И. Ожегова, отмечают следующие толковые словари: «Русский толковый словарь» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой. В «Русском ассоциативном словаре» мы обратились к реакциям на слово «сумасшедший», потому что это слово является синонимом слова «помешательство» [Просвиркина, 2010] и в толковых словарях толкуется именно через его значение. На слово «сумасшедший» у носителя русской культуры отмечены следующие наиболее частотные реакции: «дом, человек, псих, день, дурак, взъерошенный, дурдом, поступок, придурок, психушка, студент, тормоз, бездушные глаза, больница, больной, ведьма, воин, городской, граф, декан, доктор, дядя, знакомый, идиот, иной мир, кот, кричит, кролик, мужчина, ненормальный,

палата № 6, пассажир, поезд, преподаватель, профессор...» Почти все реакции относятся к нейтральной лексике и не выражают отрицательных эмоций, часто используются в речи граждан в различных ситуациях общения (кроме слов «псих, дурак, придурок, тормоз», которые в разговорном общении имеют отрицательную коннотацию).

В русском языке в слове «помешательство» оценка заложена в самом значении этого слова: это сумасшествие (от сумасшедший), безумство, полная утрата разумности в действиях, неполноценность, душевная болезнь (значение слова определялось по толковому словарю, словарю синонимов, ассоциативному словарю). Но в «Словаре эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной [Сеничкина, 2008] словосочетание, в которое входит слово, однокоренное с «помешательство» (мешаться в уме) зафиксировано как эвфемизм, т.е. слово (или словосочетание), к которому мы можем прибегать всякий раз, для того чтобы смягчить наше высказывание, сделать толерантным.

Таким образом, многими пользователями Интернета данное слово было воспринято как интолерантное не потому, что оно оскорбительно. (Мы должны обсуждать проблемы, на которые различные люди имеют отличное от общепринятой точки зрения мнение.) Оскорбительным, обижающим чувства всех тех, кто не разделяет мнение данного россиянина, слово стало только потому, что оно использовалось в политическом дискурсе, в котором весомость значения слова воспринимается тем острее, чем острее обсуждаемая политическая тема. Получается, что пространство дискурса «окрасило» слово, добавило экспрессии высказыванию и сделало его конфликтогеном. Любое высказывание, порождающее агрессию, приводит к еще большей агрессивной реакции в речи оппонентов, поэтому бережное, вдумчивое использование лексических единиц в политическом дискурсе позволит избежать конфликта и взаимного оскорбления, что, на наш взгляд, очень важно для политического общения. Мы хотим обратить внимание на то, насколько взвешенным должно быть каждое слово в политическом дискурсе, потому что главная цель любого политического взаимодействия — не только высказать свою точку зрения, но и вызвать к этой точке зрения симпатию, что возможно только тогда, когда толерантность станет компонентом политической коммуникации. Все вышесказанное ставит важные проблемы перед филологами и методистами: как определить толеран-

тность—интолерантность отдельного политического высказывания, как научить политическому толерантному речевому общению и т.д.

Литература

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/263441/>.

Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др.; Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 2002.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 4-е изд. М.: Русский язык, 1983.

Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. Ростов-н/Д: Феникс, 2010.

Просвиркина И. И. Лингводидактический аспект толерантной речевой коммуникации. Оренбург, 2006.

Просвиркина И. И. Толерантная речевая коммуникация: лингвокультурологический аспект. М.: LAMBERT, 2010.

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель, 2002.

Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. М.: ЭКСМО, 2005.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева М.: Астрель, 2003.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005.

Irina I. Prosvirkina
Orenburg State University, Orenburg

TOLERANCE AS A COMPONENT OF POLITICAL DISCOURSE

Abstract. In this paper the author argues about how tolerant the political discourse should be. Drawing attention to the fact that the unit of any linguistic level can become contentious and generate conflicts, the author particularly

concentrates on the lexical aspect, as well as the weight of the word in the political discourse.

The author believes that in the political discourse, which concerns the acute political problems, the word can get its connotative value due to linguistic, cultural and political communication space. The word, being neutral in its nature, can become contentious and cause an aggressive reaction from native Russian culture bearers, so in the political discourse every word must be carefully thought, and the response to it should be predicted by the speaker. The author suggests that the goal of any political discourse is not to express their views and to persuade listeners to some viewpoint. Therefore, the tolerance should serve as the basis of a political discourse and the main component of its statement.

Key words: tolerance, political discourse, communication space, lexical aspect.

РОССИЯ — УКРАИНА: НОВОИДЕОЛОГЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются идеологемы, определяющие фон восприятия современных российско-украинских отношений.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, украинский кризис, идеологемы.

Русское языковое пространство крайне активно реагирует на кардинальное изменение политических взаимоотношений между его крупнейшими конституентами — Россией и Украиной. Появление новых жестких по своей коннотации лексических единиц-идеологем, безусловно, отражает болезненный процесс формирования качественно иных идеологических установок.

В этой связи очень важным кажется тезис о том, что язык и речевые события СМИ формируют новую картину мира — **медиакартину**, которая представляет собой «*символический* продукт, своеобразную *квази-реальность*», постепенно вытесняющую, а затем и подменяющую собой реальность [Анненкова, 2011: 75]. Избирательность средств массовой коммуникации в именовании определенного события — одна из самых значимых стратегий организации медиакартины мира, оформляющей *референтное событие* в *событие-идею* (термины В. З. Демьянкова [Демьянков, 1983]).

Определение события как онтологической данности — *событие* представляет собой конгломерат, неотъемлемыми компонентами которого являются познающий субъект, оценивающее взаимодействие агенса и пациенса, приводящее к некоему изменению в определенных пространственно-временных рамках [Степанова, 2013] — позволяет выстраивать инвариантную модель события, которая объясняет существование конкретных событийных номинаций, профилирующих определенные элементы структуры события.

Структура события как онтологической данности делает возможным фрагментировать целостное восприятие события, вычленив в ка-

честве ведущих те или иные ключевые элементы: участники события, процесс, пространственно-временная структура.

Языковую репрезентацию отдельных элементов структуры события можно считать потенциальным инструментарием для организации идеологического пространства. В этом смысле наиболее компрессионной формой репрезентации идеологической компоненты конкретного события, безусловно, выступают **идеологемы**, *ментальные единицы, которые формируют устойчивые схемы оценки идеологически значимого объекта и имеют константную форму языкового выражения в виде конкретной лексической единицы* (см., например, работу Е. А. Нахимовой [Нахимова, 2011]).

Полагаем, что манипулятивный потенциал трансформирования события как фрагмента реальной действительности в событие-идею через маркирование какого-то одного элемента событийной структуры в качестве ведущего чрезвычайно высок. При этом профилирование отдельных элементов референтного события может порождать целый кластер единиц-идеологем, объединенных формальными компонентами.

В рамках текущей риторической ситуации, которая сопровождает идеологические трансформации в российско-украинских отношениях, можно выделить несколько такого рода лексических гнезд-кластеров.

Одним из основных компонентов рассматриваемого событийного ряда представляется декларируемый процесс смещения политико-экономической ориентации Украины от России в сторону ЕС. Принципиально нейтральный лексический элемент «*евро-*» приобретает в приложении к указанной ситуации четко выраженную негативную коннотацию, часто усиливающуюся другим элементом сложного слова:

- «**Евромайдан**» включил в «*карательные списки*» 6-летнего ребенка (<http://www.ntv.ru/novosti/887317>).
- **Евромайданутые** в Луганске напали на журналистку газеты «*Восход*» (<http://antifashist.com>).
- *К обезумевшим евроинтеграторам присоединятся исламисты?* (<http://pomalu.ru/obshestvo>).
- **Евробандеровцы** в поисках **еврогитлеровцев** (<http://newsukrtime.com/novosti>).
- *В Мариинском парке еврофашисты снесли братскую могилу* (<http://www.rus-obr.ru/ru-web/30470>).

- *Обыкновенный евроФАШИЗМ* (<http://eot-tula.su/content/obyknovennyyu-evrofashizm>).
- *Еврофашисты во всей красе своих коричневых извилин при поддержке США и НАТО* (<http://zarinfo.ru>).

Представляется, что функционирование конкретной идеологемы как составной части кластера сходных единиц принципиально расширяет потенциал воздействия определенной идеологической установки, что позволяет говорить в отдельных случаях о возможности/необходимости целенаправленной работы по созданию подобных лексических группировок.

Особый интерес представляет анализ конкретного фрагмента дискурса, в данном случае медиаполитического, в целях выявления ключевых идеологем, маркирующих основные элементы структуры значимого события. Приведем пример такого анализа на материале совместного выступления вице-президента США Джо Байдена и премьер-министра Украины Арсения Яценюка во время брифинга по итогам встречи (22.04.2014 г., Киев, Украина).

Обозначим в качестве структурообразующих элементов события следующие: участники, пространственно-временные границы, изменение (действие). Однако отметим, что фундаментальным фактором в структуре события служит оценивающий субъект, который ранжирует происходящее по оценочной шкале. Думается, что именно этот фактор принципиально влияет на формирование тех или иных концептуальных единиц, организующих определенный вектор восприятия события.

На примере данного фрагмента дискурса очевидно, что оценивающими субъектами здесь выступают конкретные политики, наделенные высокими полномочиями в решении возникшей ситуации — разрастающегося украинского кризиса. Несомненно, высказывания лиц такого ранга воспринимаются как выражение официальной позиции и закрепляют идеологическую матрицу восприятия события членами социума. Следует сказать, что скрипт выступления опубликован в его англоязычной версии на официальном сайте Администрации Президента США (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office>) и, вполне понятно, адресован англоязычным реципиентам.

Проанализируем текст выступления политиков с позиции ключевых идеологем, структурирующих «понимание» украинского кризиса:

I. УЧАСТНИКИ

Основными единицами, определяющими идеологический фон высказывания, являются отдельные лексемы и словосочетания, репрезентирующие стороны конфликта. Наиболее очевидна оппозиция *Ukrainian people / the people of the Ukraine* → **united Ukraine, heroes** vs. *Russia* → **pro-Russian separatists**.

Приведем выдержки из выступления политиков:

1. <...> **the people of the Ukraine** — of Ukraine should have the right to choose their own future. I offer my personal sympathies to the families of those who laid down their lives for this cause. These **heroes** remind us of the true cost of a better future and the nobility of those who reach for it.
2. I'll say it again, Ukraine is and must remain one country from Lviv to Kharkiv down to the Black Sea -- one country, one **united Ukraine**.
3. We've heard a lot from Russian officials in the past few days, but now it's time for Russia to stop talking and start acting. Act on the commitments that they made: to get **pro-Russian separatists** to vacate buildings and checkpoints, accept amnesty and address their grievances politically...
4. We believe that in this century and in the modern world, no country should be allowed to behave like **an armed bandit**. <...> We are not asking anything from Russia. What we demand from them is one thing and only, they should deliver on the international commitments, and they should not behave as **gangsters** in the modern century.

Заметим, что в идеологическом наполнении фактуальных синонимов типа «**повстанцы—сепаратисты**» прослеживается четкая оппозиция «**свои—чужие**», которая является базовой при оценке действий сторон конфликта.

II. ИЗМЕНЕНИЕ

В структуре рассматриваемого события можно вычленить несколько векторов, которые определяют направление фундаментальных изменений, основополагающих для возникновения и развития данной ситуации. Этот элемент событийной структуры, как правило, репрезентируется единицами процессуальной семантики (глагольными формами, отглагольными существительными).

УКРАИНА → STRUGGLE, FIGHT, REFORM

1. *Ukraine is in the **struggle** for its very future.*
2. *<...> the people of Ukraine that continues its **fight** for its rights, democracy and for the -- for having Ukraine as a successful country.*
3. *I separately would like focus on the corruption issue. The government of Ukraine understands and is conscious that the money is given only to those countries that actually overcome and **fight** corruption.*
4. *And on the other note I would like to underscore our joint vision with regard to the needs of constitutional **reforms** in Ukraine. And we implement — we are planning to implement the constitutional **reform**, not just to meet the requirements of Geneva agreement, but rather to answer the request of Russia. The constitutional **reform** in the country is the way to restore the balance of power.*

РОССИЯ → OCCUPATION, (the) ANNEXATION (of Crimea), TO PULL (Ukraine) APART

1. *Never, under no circumstance Ukraine would acknowledge the **annexation of Crimea**. We will require from our Russian neighbors to immediately get their special forces out of the eastern region of Ukraine, so get its military forces from Crimea, thus closing down this ignoble page in history of **occupation** of our territory by the Russian troops. <...> But no nation — no nation — has the right to simply grab land from another nation. No nation has that right. And we will never recognize **Russia's illegal occupation** of Crimea.*
2. *But today, as I said, there are some trying to **pull Ukraine apart**. <...> But today, as I said, there are some trying to **pull Ukraine apart**.*

США (+ ЕВРОСОЮЗ) → STRUGGLE, SUPPORT, ASSISTANCE, PARTNERSHIP, STABILITY

1. *And you have — we're in the **struggle** for your very future.*
2. *Mr. Vice President, between our two countries there is an agreement about **strategic partnership**. <...> The goal of this agreement is the development of free democratic and **stable** Ukrainian society and government. The goal of this agreement and objective of it is our joint work and cooperation in providing **stability** and peace on the continent. The goal of this agreement is to **support** the strategic relations between the United States and Ukraine. We value the position of the United States*

and the **support** that the Ukrainian people receive from the United States during the past few months -- the Ukrainian people that choose their own way to manage their own country. <...> And I'm proud to affirm that you do so with friendship, **partnership** and strong **support** from the United States of America that will not go away. <...> As to the elections, we did discuss this topic, and we appreciate the **support** of the United States in the build-up of democracy in Ukraine.

3. We separately would like to thank the administration of the United States of America, the Congress and the Senate for the allocation of \$1 billion as a financial **assistance** for the Ukrainian economy. <...> Mr. Vice President, we value the level of technical **assistance** that is provided by the government of the United States.

III. ПРОСТРАНСТВО—ВРЕМЯ

Основные границы пространства конфликта вычерчиваются в оппозитивную конструкцию **EAST** vs. **WEST**. При этом в контексте выступления вице-президента США данная оппозиция прочитывается не только как региональное разграничение территории Украины, но и как актуальный момент геополитических дискуссий, как историческое противостояние России и Запада.

Ведущей темпоральной составляющей выступает временной параметр **FUTURE**, входящий в бинарную оппозицию с элементом **HISTORY**.

1. *But today, as I said, there are some trying to pull Ukraine apart. And you have — we're in the struggle for your very **future**. There's been a lot of talk about geopolitics, about **East** and **West**. But here in Ukraine, people know that it's about something much more fundamental. It's not about geopolitics; it's about unity. It's about independence. And at its most basic level, it's about restoring respect and dignity.*
2. <...> closing down this ignoble page in **history** of occupation of our territory by the Russian troops.
3. *We clearly understand that whatever happens **in the east**, and is being supported by the Russia Federation, has, among other goals, the goal of disrupting the presidential elections, while the goal of the government is to conduct fair and transparent elections.*
4. *In this time of testing, the instability **in the east** is only one of several challenges Ukraine and the government must confront.*

Заключая комментарий данного фрагмента политического дискурса, отметим высокую плотность использования в речи обоих политиков так называемых пустых слов, безусловно, выполняющих роль идеологем. К таким единицам, вне всякого сомнения, относятся лексемы «*democracy*» и «*independence*».

1. *We do require investments into our energy sector, and the best response for energy independence from Russia will be the presence here in Ukraine of European and American investors, and among other issues related to review, joint-use and modernization of the Ukrainian gas transportation system. As to the elections, we did discuss this topic, and we appreciate the support of the United States in the build-up of democracy in Ukraine.*
2. *Let me reiterate Ukraine should have a new president who will support the reforms — curbing corruption, introducing changes and amendments to the constitution of Ukraine, who will support integration with Europe, energy independence, fostering of democracy and independence of the Ukrainian state.*

Таким образом, использование модели события как онтологической данности в приложении к когнитивно-дискурсивным исследованиям аксиологической и оценочной составляющей медиаполитического дискурса представляется интересным и весьма актуальным направлением.

Литература

Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века (лингвофилософский аспект языка СМИ). М., 2011.

Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Серия Литература и язык. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.

Нахимова Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. С. 29–30.

Степанова М. А. Событийные имена как идеологемы // Новое в когнитивной лингвистике XXI века. Вып. 20. Киев, 2013. С. 131–135.

M. A. Степанова

Marina A. Stepanova
Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk

RUSSIA – UKRAINE: NEW IDEOLOGEMES

Abstract. The paper deals with the analysis of some new ideology units structuring Ukrainian crisis in global media discourse.

Key words: media discourse, Ukrainian crisis, ideologemes.

TWITTER-КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ НОВЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Аннотация. Стремительное развитие *Twitter*-коммуникации в последние несколько лет способствовало формированию новых возможностей для организации протестных акций. В рамках общения в *Twitter* пользователи, используя «хештеги» — ключевые слова, — могут не только включать свои сообщения в определенный контекст и делать их общедоступными, т.е. публичными, но и производить сегментацию различных групп людей, вовлеченных в обсуждение одной проблематики. Таким образом, *Twitter* дает неограниченные возможности для самоорганизации оппозиционно настроенных людей.

Ключевые слова: Твиттер-коммуникация, хештеги, самоорганизация, контекст, публичное пространство.

Сервер микроблогов *Twitter*, позволяющий любому пользователю заводить собственные аккаунты и отправлять с них короткие сообщения (объемом до 140 знаков), породил новый формат коммуникации, а вместе с ним и новую форму взаимодействия различных групп людей.

Особенности *Twitter*-коммуникации только начинают изучаться. Как считает Е. Горошко, *Twitter*-коммуникация порождает новый вторичный жанр, который является чистым продуктом интернет-технологий, не имеющий бумажных аналогов [Горошко, 2011]. Данный жанр представляет собой гибрид нескольких уже существовавших до него жанров Всемирной сети — «блогинга», «электронной почты» и сообщений из социальных сетей.

А. Атягина отмечает, что основной чертой *Twitter*-коммуникации становится языковая компрессия — совмещение в одном означающем нескольких означаемых. На семантическом уровне это сказывается в отказе от менее значимой информации. Сжатые сообщения начинают приобретать смысл лишь при соотнесении с определенной ситуацией. В *Twitter*-пространстве такие ситуации обозначаются «хештегами»,

или ключевыми словами, которые посредством гиперссылки выводят пользователя на сообщения аналогичной тематики [Атягина, 2012].

Хештеги в рамках *Twitter*-коммуникации не только включают сообщения в определенный контекст, делают их общедоступными, т.е. публичными, но и производят сегментацию различных групп людей, вовлеченных в обсуждение одной проблематики. Таким образом, *Twitter* дает неограниченные возможности для самоорганизации оппозиционно настроенных людей.

Протест вначале зарождается в виртуальном пространстве, а через некоторое время переходит в реальные протестные акции на улицах городов. Например, одной из форм такого протеста в России стало движение «ОккупайАбай», просуществовавшее с 8 по 19 мая 2012 г.

Изначально движение зародилось в Интернете, через который оно в дальнейшем и координировалось. В частности, в *Twitter*, используя хештег «ОккупайАбай», рядовые пользователи ресурса обменивались информацией о том, что происходит в оппозиционном лагере, и передавали информацию о своих перемещениях по городу.

Постоянный лагерь движения был разбит на Чистых прудах в Москве возле памятника казахскому поэту Абаю Кунанбаеву. В лагере раздавали оппозиционные листовки, играли песни и даже читали лекции о политической ситуации в стране. В лагере была организована кухня, мусор собирался в специальные пакеты. Прототипом для движения стало американское течение «Оккупай Уолл-стрит». Американцы пытались мирным способом «захватить» улицу Уолл-стрит в Нью-Йорке, на которой находятся штаб-квартиры крупнейших финансовых корпораций в стране. Таким образом они выражали протест не только против политики финансовой верхушки, они бросали вызов всему капиталистическому строю. Российские активисты выдвинули похожие требования: они выразили несогласие с политикой действующего руководства страны и подвергли сомнению легитимность прошедших в стране выборов.

«ОккупайАбай» получил широкое освещение не только в российских, но и в западных СМИ как совершенно новое для страны явление. В Интернете оппозиционерами была даже организована видеотрансляция из лагеря, на различных ресурсах размещался ряд фоторепортажей.

Новым в организации этой акции стал показ возможностей Интернета при формировании политического протеста. Большинство участников движения узнало о создании лагеря из переписки в микроблоге Твиттер, в котором они обменивались мнениями о политической ситуации в стране. Именно там обсуждалось время встречи между разными группами оппозиционеров, которые хотели поучаствовать в работе лагеря и пообщаться уже за пределами Сети. Другими словами, если раньше площадкой для генерации протеста являлись кофейни, фабрики и университеты, сегодня такой площадкой становятся ресурсы Интернета: социальные сети и микроблоги, позволяющие объединять разнородные группы людей вокруг общих политических идей.

В определенный момент протест выплескивается в пространство реальности. Оппозиционеры пытаются захватить и переделать городскую среду, которая превращается в пространство постмодернистской реальности. Структура городского пространства меняется и становится ризоморфной. Все оппозиционеры в рамках нового пространства взаимосвязаны друг с другом посредством разных каналов: связи пронизывают пространство как городской среды, так и виртуальной Сети. Эти два пространства «перемешиваются»: больше нельзя понять, где заканчивается реальность, а начинается ее репрезентация, где отношения между ее частями существуют на субъектном уровне, а где — на объектном. Иерархия власти разрушается, оппозиционная среда порождает ацентрированную систему, где нет лидеров и четких границ: она существует в пространстве реального города, т.е. является как бы пространством в пространстве. Таким образом, выстраивается совершенно новое пространство, которое противостоит пространству нормативов и законов власти. Существующая власть пытается его разрушить, так как оно несет самими принципами, в соответствии с которыми оно организовано, угрозу ей.

Возникшая новая реальность неоднородна, явления, происходящие в ней, подчас не имеют никакой связи между собой. В этой реальности одновременно могут провозглашаться новые возможности Сети для борьбы с политической элитой и возрождаться уже поседевшие традиции средневекового карнавала, самые решительные радикальные действия могут соседствовать с действиями, которых на самом деле

нет, есть лишь их провозглашение в виртуальном пространстве либо в системе СМИ.

Происходит стирание границ между реальной и виртуальной действительностью, а также реальностью симулякров. Формируется совершенно новое пространство. Именно в нем происходят столкновения, акции и заявления оппозиционных политиков. Научиться понимать данное пространство нам только предстоит. Предстоит также открыть, к чему ведут и какова, следовательно, истинная цель политических заявлений и перформансов в этой новой среде. Их интерпретация уже не может сводиться к тому, что они являются лишь манипуляциями невидимого кукловода, что за каждым заявлением что-то стоит. В новой реальности действия и слова отделяются от субъекта и приобретают самостоятельное значение, смысл которого предстоит найти.

Понимание этих новых процессов представляется важным для политической элиты общества, чтобы грамотно выстраивать социумную идеологию, консолидирующую общество.

Таким образом, *Twitter*-коммуникация позволяет связать субъектов между собой в новом, плохо поддающемся структурированию пространстве. Субъекты взаимодействуют друг с другом через *Twitter*-коммуникацию одновременно как в реальной, так и виртуальной среде. Коммуникация позволяет связать два противоположных друг другу пространства — виртуальное и реальное. В результате происходит расширение границ привычного мира. Политические процессы и акции гражданской активности начинают проходить в обоих этих пространствах, причем каждое из них оказывает влияние на происходящие события.

Литература

Атягина А. Языковая компрессия в Twitter // Медиаскоп. 2012. Вып. 3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/1136#3>.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Горошко Е. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3. С. 11–20.

Делез Ж., Гваттери Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

Делез Ж., Гваттери Ф. Ризома. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm.

Alexandr A. Stolyarov
Lomonosov Moscow State University, Moscow

TWITTER-COMMUNICATION AND ITS ROLE IN ORGANISATION OF NEW FORMS OF POLITICAL PROTEST

Abstract. Twitter-communication makes a new opportunities for selfgeneration of protests actions. Internet-users when they communicate in Twitter use «hashtags» — key words — and thus they can include their words in context and make them public. Besides, they can make segmentation of different groups of people, inviting them to discuss the same questions. Thus, Twitter-communication makes the great opportunities for selfgeneration of the oppositionists.

Key words: twitter-communication, hashtags, selfgeneration, context, public space.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМОВ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию нового подхода к фрейму, репрезентируемому лексической единицей, как структурированному концепту, который может лежать в основе не только предложения, но и целого текста. Лингвистическому анализу подвергается особый вид социальных отношений, использующий для своей репрезентации в англоязычном политическом медиадискурсе значительный языковой пласт.

Через рассмотрение репрезентантов исследуемой концептосферы — подкласса английских глаголов и глагольно-именных словосочетаний со значением социальных отношений — смоделированы фреймы социальных отношений («conflicting relations», «cooperative relations» и «power relations»). Выявляется структура фреймов, их вершинные и терминальные компоненты.

Описываются механизмы функционирования и формы актуализации фрейма на функциональном уровне (как когнитивного фрейма текста). Под когнитивным фреймом понимается обобщенная модель референтной ситуации текста. Устанавливаются статическая и динамическая структуры (макропропозиция и сценарий) когнитивных фреймов социальных отношений, анализируются особенности их линейной развертки в зависимости от типа газетного текста.

Ключевые слова: фрейм социальных отношений, когнитивный фрейм, макропропозиция, сценарий, политический медиадискурс.

Под дискурсом в нашей работе мы будем понимать вслед за В. Е. Чернявской интегративную совокупность текстов, связанных содержательно-тематическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении [Чернявская, 2004: 21].

В рамках когнитивно-прагматической парадигмы выделяются самые разнообразные типы дискурса, каждый из которых обладает собственными характеристиками: научный, медицинский, педагогический, юридический, политический, медийный и т.д.

Границы дискурса прозрачны, поэтому часто происходит пересечение разных типов дискурса. Так, политический дискурс тесно пересекается с дискурсом средств массовой информации, или медиадискурсом.

Тенденция к сращиванию этих типов дискурса объясняется не только единством их собственно коммуникативных параметров, например удаленностью от массовой аудитории, но и манипулятивной направленностью, имеющей целью оказать воздействие на общественное мнение [Корнилаева, 2008: 5]. Функциональная специфика политического медиадискурса заключается в моделировании политической картины мира.

Политический дискурс, как отмечает Е. И. Шейгал, имеет полевое строение. В центре находятся жанры, которые в максимальной мере соответствуют основной задаче политической коммуникации — борьбе за власть. Пространство между дискурсом средств массовой информации и политическим дискурсом представлено в виде шкалы, включающей по степени нарастания следующие тексты: памфлет, фельетон, проблемную аналитическую статью, написанную журналистом, колонку комментатора, передовую статью, репортаж (со съезда или митинга), информационную заметку; интервью с политиком, полемику (теледебаты или дискуссию в прессе), политический документ (указ президента, коммюнике), проблемную аналитическую статью, написанную политиком, речь политика [Шейгал, 2004: 26].

Поскольку политический медиадискурс описывает социальные (политические и экономические) взаимодействия больших общественных групп, можно предположить, что когнитивная составляющая такого дискурса включает в себя, помимо базовых концептов «власть», «политика», «свой», «чужой», также и фреймы социальных отношений. В соответствии с положениями фреймовой семантики фрейм социальных отношений — особым образом структурированный концепт, представляющий когнитивную модель стереотипной социальной ситуации.

Исследование показало, что когнитивный компонент англоязычного медиатекста, описывающего сферу социального взаимодействия политических субъектов, институтов и организаций, включает в себя фреймы «*conflicting relations*», «*cooperative relations*» и «*power relations*», которые вместе образуют концептосферу социальных отношений.

Фреймы социальных отношений состоят из субфреймов. Субфреймы, или вложенные фреймы [Минский, 1979: 7], представляют собой отдельные участки когнитивной структуры с определенным набором компонентов. Общий фрейм «*conflicting relations*» профилируется в одном из своих вариантов — в виде субфреймов «*opposition*», «*protest*», «*armed clash*» или «*competition*». Фрейм «*cooperative relations*» актуализируется в виде субфреймов «*cooperation*», «*help*» или «*protection*». Фрейм «*power relations*» вербализуется как один из субфреймов «*domination*», «*rule*», «*management*», «*organization*» или «*control*».

Фреймы социальных отношений репрезентируются глаголами и глагольно-именными словосочетаниями *cooperate, help, support, defend, fight, protest, strike, march, hold a candlelit vigil, rebel, wage war, compete, dominate, head, lead, rule, manage, govern, organize, control*. Каждый субфрейм репрезентируется своей группой глаголов.

Фрейм состоит из вершинных и терминальных компонентов. Вершинными компонентами фреймов социальных отношений являются субъект, предикат, выраженный глаголом социальных отношений, включенный предикат и объект; терминальными — время, место, цель, спецификация и способ совершения действия: *Teachers* (субъект) *will strike* (предикат) *on 1 October* (ВРЕМЯ) *in all local authorities in the east of England, East and West Midlands, and Yorkshire and Humberside* (МЕСТО), *the NUT and NASUWT unions said* [The Guardian. September 5, 2013] (субфрейм «*protest*» фрейма «*conflicting relations*»). *Queen Victoria* (субъект) *ruled* (предикат) *England* (объект) *for 64 years* (ВРЕМЯ) [LED] (субфрейм «*rule*» фрейма «*power relations*»).

Фреймы социальных отношений могут вербализоваться как по отдельности, так и в совокупности. Ярким примером тому может быть статья из «Нью-Йорк таймс» — одна из многих в информационной войне, развязанной в СМИ против России во время украинского кризиса:

PRO-RUSSIA UKRAINIANS ARE PROMISED MORE POWER, BUT REMAIN DUBIOUS

By A. Higgins and A. E. Kramer

<>...

In Washington, the Obama administration blacklisted six *separatist* leaders in Crimea, a former Ukrainian official and a gas company based in Crimea for their roles in splitting off Crimea from Ukraine. They include Pyotr Zima, who

headed (фрейм «**power relations**») the state security bureau in Crimea, and Sergey Tsekov, the former vice speaker of Ukraine’s Parliament, who **helped** (фрейм «**cooperative relations**») facilitate the referendum that led to the annexation.

<...>

Despite the Ukrainian leaders’ pledge to resolve the Donetsk standoff peacefully, Oleg Tsarov, a Russian-speaking candidate for the Ukrainian presidency, and one of a handful of mainstream politicians who **support** (фрейм «**cooperative relations**») the *unruly* Donetsk protesters, said at a news conference that he had information of an imminent “frontal assault” by government forces on the occupied building. He declined to specify how he knew this, but said Mr. Yatsenyuk’s disavowal of a forceful solution during his visit to Donetsk “only strengthened” his view that an attack was likely.

<...>

Russia has denied any plans for an invasion, and many analysts believe its principal goal is not to grab territory but to keep the shaky new Ukrainian government off balance and to make sure it shuns any security partnership with the West. The Russian foreign minister, Sergei V. Lavrov, on Friday demanded legal guarantees of Ukraine’s neutrality, a position that would close the door to Ukraine **cooperating** (фрейм «**cooperative relations**») with NATO or trying to join it.

<...> Mr. Yatsenyuk, speaking in a mix of Russian and Ukrainian, a language rarely used in Donetsk, promised that his government would give regions more power to **manage** (фрейм «**power relations**») their own finances, choose their own leaders and govern their own affairs. Regional governors are currently appointed by the president in Kiev.

<...> [The New York Times. April 12, 2014].

В статье вербализуются два фрейма социальных отношений: «*cooperative relations*» и «*power relations*». Глаголы **manage** и **head** объективируют субфрейм «*management*» фрейма «*power relations*», глаголы **help** и **support** — субфрейм «*help*» фрейма «*cooperative relations*», глагол **cooperate** вербализует субфрейм «*cooperation*» фрейма «*cooperative relations*».

Нужно отметить, что при общей нейтральности значения глаголов, которые объективируют фреймы социальных отношений, антироссийская направленность статьи обнаруживается, помимо всего прочего, на уровне сирконстантов именных групп, которыми вербализуются субъект и объект фрейма. Сирконстанты, т.е. зависимые существительного, выражаются прилагательными либо (посессивными) существительными в функции определения [Тестелец, 2001: 180–181]: the *unruly* Donetsk protesters (объект), *separatist* leaders (субъект), *pro-Russia* Ukrainians (субъект и объект).

Анализ позволил сделать вывод о том, что фреймы социальных отношений могут объективироваться не только отдельным словом, но и целым текстом, становясь когнитивными фреймами текста (когнитивный фрейм — обобщенная модель референтной ситуации текста [Руберт, 2001: 31]). В этом случае глаголы социальных отношений выражают предикат макропропозиции текста, вербализуя фрейм в предложении, которое является темой текста.

Пропозициональная структура фрейма социальных отношений, выраженного глаголом, совпадает с макропропозицией когнитивного фрейма текста. Предикат фрейма социальных отношений становится макропредикатом пропозиции текста, а вершинные и терминальные компоненты становятся его макроаргументами, т.е. включенным предикатом, агенсом, контрагеном (пациентом или бенефициантом), темпоративом, локативом, целью и спецификацией действия.

В отличие от фреймов, объективируемых глаголами в предложении, когнитивные фреймы текста включают также сценарий, который входит в состав фрейма как один из его терминальных компонентов и состоит из отдельных сцен. Сценарий является динамической расшифровкой статической макропропозиции, ее временной детализацией. Каждый эпизод (сцена) сценария представляет собой пропозициональную структуру, реализуемую в одном или нескольких предложениях.

Так, сценарий фрейма «*conflicting relations*» состоит из шести пропозициональных сцен: 1) предпосылки конфликта; 2) завязка конфликта (инцидент); 3) эскалация конфликта (противоборство); 4) кульминация конфликта; 5) завершение конфликта; 6) последствия конфликта. Сценарий фрейма «*cooperative relations*» состоит из четырех сцен: 1) предпосылки кооперативного взаимодействия; 2) планирование кооперативного взаимодействия; 3) кооперативное взаимодействие и 4) результаты кооперативного взаимодействия. Сценарий фрейма «*power relations*» состоит из сцены, описывающей различные случаи проявления властного взаимодействия.

Важно, что в тексте может вербализоваться как макропропозиция фрейма (как правило, в заголовке и первом предложении текста), так и его сценарий.

Линейная развертка когнитивных фреймов социальных отношений зависит от типа текста. В кратких информационных заметках, состоя-

щих из одного предложения, актуализируется только макропропозиция, в репортажах — только сценарий. В развернутых информационных сообщениях, а также в комментариях и аналитических статьях, содержащих новостные микротексты, вербализуются как макропропозиция, так и сценарий когнитивного фрейма.

Обычно описывается стадия собственно конфликтных, кооперативных или властных отношений. При описании кооперативного взаимодействия могут вербализоваться сцены «планирование кооперативного взаимодействия», «кооперативное взаимодействие» и «результаты кооперативного взаимодействия». Если речь идет о собственно конфликтной стадии, то объективируются в разных сочетаниях сцены «завязка конфликта», «эскалация конфликта», «кульминация конфликта», реже — «завершение конфликта». Так, в аналитической статье о проходившем в 2009 г. в Копенгагене саммите ООН по проблемам изменения климата вербализуется макропропозиция когнитивного фрейма и сцена «эскалация конфликта»:

COPENHAGEN SUMMIT: THOUSANDS MARCH AGAINST CLIMATE CHANGE

By R. Henry

Thousands of people have **marched** (ПРЕДИКАТ) in Copenhagen today as part of a worldwide protests demanding action on climate change.

The most peaceful **demonstration was staged** (ПРЕДИКАТ¹) at the midpoint (ВРЕМЯ¹) of the United Nations summit to tackle global warming, being held in the Danish capital (МЕСТО¹) (первый инцидент).

<...>

Demonstrations and candlelit vigils were also held (ПРЕДИКАТ^{2,3,4,5,6}) in Scotland (МЕСТО²), Jakarta (МЕСТО³), America (МЕСТО⁴) and Hong Kong (МЕСТО⁵) (второй, третий, четвертый, ...n-ный инциденты).

<...> [The Sunday Times. December 12, 2009].

В заголовке статьи глаголом **march** объективируется субфрейм «protest» фрейма «conflicting relations»: Copenhagen summit (МЕСТО): Thousands (СУБЪЕКТ) **march** (ПРЕДИКАТ) against climate change (включенный ПРЕДИКАТ). Первое предложение текста, в котором также вербализуется субфрейм «protest», детализирует заголовок, уточняя время и место проведения акции протеста: Thousands of people (СУБЪЕКТ) have **marched** (ПРЕДИКАТ) in Copenhagen (МЕСТО) today (ВРЕМЯ) as part of a worldwide protests demanding action on climate change.

Поскольку заголовок и первое предложение вводят тему текста, они отражают и макропропозицию его когнитивного фрейма: Copenhagen summit (локатив, темпоратив): Thousands (агенс) march (макропредикат) against climate change (включенный предикат). Макропредикат **march** конкретизируется в состоящей из ряда эпизодов сцене «эскалация конфликта» предикатами *hold demonstrations and candlelit vigils, stage demonstrations*.

Субъекты каждого эпизода являются составной частью макроагенса (макроагенс = СУБЪЕКТ¹ + СУБЪЕКТ² + СУБЪЕКТ³ + ... СУБЪЕКТⁿ). Контрагенс (государства, не заботящиеся о сохранении климата на планете) имплицитен. Временные и пространственные компоненты (ВРЕМЯ и МЕСТО) субфрейма «protest», который объективируется в эпизодах сцены, входят в общий временной (макротемпоратив = ВРЕМЯ¹ + + ВРЕМЯ² + ВРЕМЯ³ + ... ВРЕМЯⁿ) и пространственный (макролокатив = МЕСТО¹ + МЕСТО² + МЕСТО³ + ... МЕСТОⁿ) макроаргумент или совпадают с ним.

Нужно отметить, что любая сцена может получить линейную развертку, т.е. объективироваться в тексте и стать его темой, как в следующем информационном сообщении:

CAMP MASSACRE

Ugandan rebels belonging to **the Lord's Resistance Army**, a messianic cult that **has waged war against the Government for 18 years, shot** (спецификация действия) and **burnt** (спецификация действия) **to death** more than 200 people in a raid on a refugee camp in the north of the country (локатив). Eight more people **were killed** when security forces lost control of peaceful protest against the massacre [The Times. February 28, 2004: 22].

В придаточной части первого предложения репрезентируется фрейм «conflicting relations». Он выводит на поверхностный уровень макропропозицию когнитивного фрейма, которая совпадает с пропозицией субфрейма «armed clash». В тексте макропропозиция играет подчиненную роль, становясь подтемой: ... **the Lord's Resistance Army** (агенс), a messianic cult that **has waged war** (макропредикат) against **the Government** (контрагенс) for **18 years** (темпоратив).

Сцена «инцидент (нападение)» превращается в этом случае в тему текста и объективируется в названии (Camp massacre) и подзаголовке —

в главной части первого сложноподчиненного предложения (Ugandan rebels **shot and burnt to death** more than 200 people). Massacre является предикатом сцены, а предикаты shoot и burn (to death) его уточняют.

В этом же тексте вербализуется сцена «последствия инцидента (нападения)»: Eight more people **were killed** when security forces lost control of peaceful protest against the massacre.

Сцены «инцидент (нападение)» и «последствия инцидента (нападения)» в этой заметке относятся не к завязке конфликта, а к его эскалации, так как война, развязанная повстанческой группировкой, превратилась в череду нападений и убийств. Описываемые события являются в этой войне не первыми подобными инцидентами.

В некоторых случаях макропропозицию когнитивного фрейма нужно выводить из содержания статьи, которая представляет собой вербализацию сценарного фрейма, как, например, в репортаже о землетрясении на Гаити в январе 2010 г. Кроме описания самого землетрясения и его последствий этот репортаж содержит перечисление разнообразных видов помощи, оказанной разрушенному стихийным бедствием государству:

LIVE: HAITI EARTHQUAKE — LATEST UPDATES

By Nico Hines

16:43 GMT (ВРЕМЯ³): Britons (**СУБЪЕКТ³**) have **donated (ПРЕДИКАТ³)** more than £2 million to **help (предикат макропропозиции)** earthquake-stricken Haiti (**бенефициант макропропозиции**) in the space of just 36 hours, it was announced today. <...>

11:47 GMT (ВРЕМЯ²): The New York Times reports that in an extremely rare act of co-operation, the United States (**СУБЪЕКТ²**) has **struck an agreement (ПРЕДИКАТ²)** with the Cuban government to **send medical evacuation flights** with victims from the Haiti earthquake through restricted Cuban airspace. <...>

10:55 GMT (ВРЕМЯ¹): People (**СУБЪЕКТ¹**) all over the world (**локатив макропропозиции**) are **raising millions of pounds (ПРЕДИКАТ¹)** to **send to Haiti** — in Britain you are advised to donate to the Disasters Emergency Committee.

<...> [The Times. January 15, 2010].

Отсчет времени в данном репортаже ведется от начала землетрясения. Таким образом, текст начинается с описания последних событий, связанных с землетрясением. При этом указывается точное время (*GMT* — гринвичское среднее время) каждого эпизода.

Предикатом макропропозиции когнитивного фрейма данного фрагмента текста, которая выводится из всех его пропозиций, служит предикат **help**. Сценарий когнитивного фрейма «*help*», объективированный в данной статье, включает сцену «оказание помощи», которая состоит из нескольких эпизодов. Предикаты этих эпизодов выступают спецификациями макропредиката **help**, т.е. описывают одно из конкретных действий, осуществляемых агенсом в определенный отрезок времени, например: *raise money* (ПРЕДИКАТ¹), *strike an agreement* (ПРЕДИКАТ²) *to send medical evacuation flights*, *donate money* (ПРЕДИКАТ³) и т.д. Предикаты сцен собственно кооперативного взаимодействия детализируют макропредикат когнитивного фрейма, т.е. являются предикатами фрейма «*social action*», подсоединяясь к нему через терминал «спецификация действия». Иначе говоря, концептосфера социальных отношений тесно переплетается с концептосферой социальных действий.

Компоненты (СУБЪЕКТ, МЕСТО, ВРЕМЯ) фреймов социальных действий, вербализованных в каждом из эпизодов сцены «оказание помощи», либо совпадают с макроаргументами, либо являются их составной частью. Так, макроагенс данного репортажа (*people*) включает в себя СУБЪЕКТ² (*the United States*) и СУБЪЕКТ³ (*Britons*). СУБЪЕКТ первого эпизода сцены (*people*) совпадает с макроагенсом. Темпоратив (*January*) когнитивного фрейма объединяет время всех эпизодов: 10:55 GMT (ВРЕМЯ¹) + 11:47 GMT (ВРЕМЯ²) + 16:43 GMT (ВРЕМЯ³) + ... (ВРЕМЯⁿ). Бенефициант макропропозиции — *Haiti*, метонимическое обозначение жителей Гаити.

Принимая во внимание все вышеизложенное, макропропозицию когнитивного фрейма данного фрагмента текста можно представить следующим образом: *In January* (темпоратив) *people* (агенс) *all over the world* (локатив) **helped** (имплицитный предикат) *Haiti* (бенефициант) *combat consequences of the earthquake* (имплицитный включенный предикат) *by raising money* (спецификация действия¹), *striking an agreement to send medical evacuation flights* (спецификация действия²) *donating money* (спецификация действия³), ... (спецификация действияⁿ).

Итак, исследование показало, что концептосферу социальных отношений составляют объективированные глаголами и глагольно-именными словосочетаниями структурированные концепты (фреймы), представляющие собой когнитивные пропозициональные модели

стереотипной ситуации. Фреймы «*conflicting relations*», «*cooperative relations*» и «*power relations*» в совокупности покрывают все концептуальное пространство социальных отношений, в предложении и в тексте профилируясь как один из составляющих их субфреймов.

При этом фреймы социальных отношений могут вербализоваться как когнитивные фреймы политического медиадискурса.

Литература

Корнилаева Н. Н. Языковые средства как способ моделирования восприятия в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Руберт И. Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 23–38.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М.: Флинта; Наука, 2004.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Longman Exams Dictionary / Ed. by S. Bullon. Harlow: Pearson Education Limited, 2007.

Natalia N. Tsytsarkina
Kurgan State University, Kurgan

ACTUALIZATION OF THE FRAMES «SOCIAL RELATIONS» IN POLITICAL DISCOURSE OF AMERICAN AND BRITISH MASS MEDIA

Abstract. The article is devoted to a new approach to the frame objectified by verbs as to a structurally organized concept which may be the basis of the cognitive frame (a generalized model of a referential situation) of the text. The main focus of the article is the frames that constitute a conceptual sphere of social relations. Much attention is paid to the structural and dynamic characteristics of the frames of social relations and peculiarities of their actualization in the British and American political media discourse.

Key words: frame of social relations, cognitive frame, macroproposition, scenario, political media discourse.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена изучению когнитивного и прагматического потенциала концептуальной метафоры и ее роли в осуществлении политического манипулирования и воздействия. Концептуальная метафора, рассматриваемая автором как уникальный по своей природе лингвокогнитивный механизм, выполняет в политическом дискурсе целый ряд ключевых функций, являясь средством концептуализации действительности и формирования политической картины мира; источником средств языковой номинации политических явлений и событий; средством выражения оценки; средством структурной и смысловой организации как политического дискурса в целом, так и отдельных его фрагментов. Задавая аналогии и ассоциации между предметными и непредметными областями, метафорические концепты не только делают последние доступными пониманию и обеспечивают их репрезентацию в языке, но и одновременно предлагают определенную интерпретацию политических событий и процессов. Когнитивно-дискурсивный анализ метафорических концептов и метафорических концептуальных систем, функционирующих в политическом дискурсе, позволяет сделать еще один шаг на пути к пониманию того, как в условиях жесткой конкурентной борьбы за доминирование в информационном пространстве осуществляется манипулятивное воздействие на процесс концептуализации политической действительности в национальном сознании.

Ключевые слова: политический дискурс; метафорический концепт; концептуальная метафора; оценочность; манипулятивное воздействие; манипулирование.

Вопросы взаимосвязи языка и политики, а точнее, использования языка в политике для достижения определенных целей, представляют сегодня исключительный интерес, который, безусловно, не случаен. Как отмечает Е. И. Шейгал, «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Шейгал, 2000: 17].

Исследования языка политики ведутся сегодня в русле самых разных направлений. В их числе диахронические исследования, связанные с определенными периодами политического развития той или иной страны; исследования отдельных языковых уровней политического языка (фонетики, лексики и фразеологии, синтаксиса) в рамках нормативного и дескриптивного подходов. Проводится также изучение отдельных политических жанров, стилей и текстов; исследование идиостилей отдельных политических лидеров, направлений и партий; изучение коммуникативных ролей, стратегий и тактик.

Современное состояние данной отрасли науки можно охарактеризовать как полифонию теорий, направлений и школ. Сложность изучаемых явлений, к числу которых, несомненно, принадлежит и политическая коммуникация, требует проведения всестороннего анализа и разработки комплексных методик, что возможно только в рамках междисциплинарных исследований. К числу наиболее активно разрабатываемых сегодня научных направлений такого рода относится когнитивно-дискурсивное, которое, по мнению Е. С. Кубряковой, предстает логическим развитием всей современной лингвистики в целом: «каждое языковое явление можно считать адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации»; цель когнитивной лингвистики «не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуры (объясняя тем самым значение или содержание формы через определенную когнитивную структуру, структуру мнения или знания), но и объяснить причины выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания» [Кубрякова, 2004: 16].

Комплексный анализ политической коммуникации в рамках новой когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет сделать вывод о том, что структура и конституирующие параметры политического дискурса в значительной степени обусловлены стремлением власти манипулировать общественным сознанием, распространяя и навязывая определенные политические взгляды, установки и оценки. Реализации данной задачи отвечает огромный когнитивный и прагматический потенциал, заложенный в метафоре, которая является одним из наиболее эффективных средств осуществления политического манипулирования и воздействия.

Концептуальная метафора как уникальный по своей природе когнитивный механизм, лежащий в основе различных языковых явлений, выполняет в политическом дискурсе целый ряд ключевых функций, являясь средством концептуализации действительности и формирования политической картины мира; источником средств языковой номинации политических явлений и событий; средством выражения оценки; средством структурной и смысловой организации как политического дискурса в целом, так и отдельных его фрагментов. Однако, задавая аналогии и ассоциации между предметными и непредметными областями, метафорические концепты не только делают последние доступными пониманию и обеспечивают их репрезентацию в языке, но и одновременно предлагают определенную интерпретацию политических событий и процессов.

Таким образом, изучение метафорических концептов и метафорических концептуальных систем, функционирующих в политическом дискурсе, позволяет исследователям продвинуться в понимании того, как в условиях множественности моделирования мира и жесткой борьбы за доминирование в современной, очень сильно изменившейся буквально за последние десятилетия коммуникативной среде осуществляется манипулятивное воздействие на процесс концептуализации политической действительности в национальном сознании.

В сфере внутренней политики манипулятивное использование ресурсов естественного языка, прежде всего, связано с актуализацией общественно значимых концептов. Это могут быть универсальные концепты, например «патриотизм», «национальная гордость», «национальные интересы», «национальная безопасность», «религиозные верования», и специфические концепты. Для демократических стран в качестве специфических могут выступать такие концепты, как «демократия», «равенство», «гражданские права и свободы» и др. Когда речь идет о легитимации и популяризации внешнеполитических решений руководства страны в глазах ее граждан, вполне успешно могут применяться как открытые тактики языкового манипулирования (например, клевета, сообщение непроверенной или заведомо ложной информации), так и скрытые механизмы воздействия, в частности представление той или иной внешнеполитической ситуации через фреймы, основанные на противопоставлении «свой—чужой», использование

концептуально-метафорических репрезентаций с явно выраженной оценочностью (например, «Саддам Хусейн — Злодей», «США — Герой»). Именно заведомая общность внешнеполитических интересов руководства страны и ее рядовых граждан и служит залогом эффективности такого рода манипулятивных механизмов.

Ситуация, безусловно, осложняется в том случае, если государственные интересы вступают в противоречие с интересами граждан. Администрации США в течение многих лет удавалось формировать общественную поддержку военных операций в Ираке и Афганистане, используя вышперечисленные механизмы. Однако, когда значительные людские потери и колоссальные финансовые затраты при отсутствии реально ощутимых результатов стали вызывать активное недовольство широких слоев американского общества, администрация изменила тактику, осуществив замену базовых фреймов. Война в Ираке и Афганистане репрезентировалась уже не как частный случай борьбы между Злодеем и Героем, а как глобальное противостояние Сил Добра, стремящихся защитить интересы и свободу народов Ирака и Афганистана, и Зла, что на определенный период ослабило внутривнутриполитическую напряженность.

Таким образом, очевидно, что частое употребление одних и тех же метафорических концептов для репрезентации тех или иных событий и явлений приводит к тому, что «аудитории» навязываются определенные политические взгляды, ценностные установки, нравственные оценки. Более того, современные исследования метафорики политического дискурса позволяют сделать вывод о существовании определенного репертуара конвенциональных метафорических концептов, являющихся типичным способом осмысления и репрезентации тех или иных событий и явлений в области политики. Метафорические концепты способствуют формированию устойчивых стереотипных представлений о важных явлениях и событиях общественно-политической жизни языкового сообщества, которые таким образом начинают неизменно восприниматься обществом под заданным углом зрения.

Однако стабильность, которую демонстрирует система метафорических концептов, структурирующих общественно-политическую сферу жизнедеятельности определенного социума, относительно. Метафорическая концептуальная система не остается неизменной, о чем

свидетельствует тот факт, что одно и то же мыслительное пространство может быть представлено посредством нескольких различных концептуальных метафор.

Многочисленные российские и зарубежные исследования показывают, что особенно серьезные изменения система метафорических концептов претерпевает во время радикальных политических преобразований, в периоды смены власти или режима, сопровождающихся изменением политического курса, идеологических установок, моральных и нравственных ценностей [Будаев, 2008]. Следует также отметить, что новый метафорический перенос может со временем стать доминирующей концептуальной моделью в общественном сознании и превратиться в политический стереотип.

Смену доминирующей метафорической модели, обусловленную экстралингвистическими факторами, можно продемонстрировать на примере метафорической концептуализации представлений о Европейском союзе. До так называемого Большого Взрыва (*the Big Bang*), ознаменовавшего рождение Европейской Вселенной, когда в мае 2004 г. членами ЕС стали еще 10 государств, метафора брака была ключевым метафорическим концептом, структурировавшим представление о ЕС и его деятельности. Начиная с 2004 г. происходит постепенное переосмысление новой политической реальности и смена ключевого метафорического концепта: Европейский союз представляется клубом (*the European Club*), в который многие стремятся попасть. Для некоторых стран перспектива вступления в европейский клуб выглядит вполне реальной (*That means, above all, not letting it stop plans for future expansion of the club, even if it may mean some delay. The EU should also make clear to the countries of the western Balkans that the door to membership remains open. The Balkan countries will be more costly and disruptive to the EU if they are kept out than if, one day, they are let in.*), в то время как другим предстоит долгое ожидание на пороге или в приемной (*Turkey is on the brink of realizing its fondest national dream: on October 3rd, formal talks will begin on Turkish membership of the European Union at whose gate it has been waiting for 40 years. But as so often happens, the settlement of one question — should Turkey step all the way into the EU's ante-room? — has quickly given rise to a host of others.*). В последнее десятилетие на фоне непрекращающихся финансовых долговых кризисов в концептуально-метафорической репрезентации Европейского

союза доминируют метафоры болезни и разных способов лечения (*The euro zone's illness is returning. A cure requires more integration, but Germany isn't keen.*). Сомнения относительно будущего ЕС метафорически репрезентируются как поиск Пути (*Contemporary Europe is at the crossroads and has to decide which route to follow.*).

Поскольку концептуальная метафора предполагает установление аналогии не только между единичными объектами, но и между целыми сферами опыта, она может считаться концептуальным основанием формирования ярких развернутых образов, которые увеличивают степень манипулятивного воздействия на реципиента.

И хотя, как показывает ряд исследований, создание образности в текстах общественно-политической тематики происходит в основном на базе так называемых общеязыковых концептуальных метафор, т.е. за счет осмысления новых явлений общественно-политической жизни в направлении, уже заданном общеязыковым метафорическим концептом, это не исключает возможность появления индивидуальных авторских образов, в основе которых лежит новый концептуальный перенос, задающий нестандартные аналогии и ассоциации.

Кроме того, поскольку в метафорическом переносе часто задействуются информационно насыщенные ментальные пространства, отражающие хорошо структурированные сферы опыта, в конкретных коммуникативных условиях появляется возможность выбрать тот элемент информационной структуры сферы-источника, который фокусирует внимание на определенных свойствах и характеристиках сферы-мишени. Например, отношения между государствами метафорически репрезентируются как межличностные отношения, причем метафорический концепт **Отношения между государствами** — **Отношения между людьми** в англоязычной лингвокультуре имеет статус конвенционального. Концептуальная сфера «Отношения между людьми», выступающая в данном метафорическом переносе в качестве сферы-источника, включает в себя знания обо всех возможных в реальности типах межличностных отношений, в том числе о браке, что обуславливает существование метафорического концепта **Отношения между государствами** — **Брак**. В конкретных дискурсивных условиях в фокус метафорической проекции от намерений и целей говорящего в фокус метафорической проекции будут выводиться разные когнитивные признаки сферы-источника

(в рассматриваемом примере — разные аспекты брака), что предопределяет появление в тексте соответствующих лексических единиц. Таким образом, под влиянием дискурсивных факторов общезыковой конвенциональный метафорический концепт **Отношения между государствами — Брак** может быть представлен как:

- **Повторный брак по расчету:** *For all the honeyed words in Berlin, this is a re-marriage of convenience.*
- **Вынужденный брак, продиктованный трезвым расчетом:** *It's not a love relationship, that's clear. It's a sober forced marriage.*
- **Вечный треугольник:** *Britain has always been the third party in Europe's eternal triangle.*
- **Шведская семья:** *The relations between these three old European powers are a long-running ménage a trois.*
- **Полигамный брак:** *The Nato solution — Mormon-style polygamy, with one American husband and 18 European wives.*
- **Свободная любовь:** *There are three in the marriage, with Britain being the third party in Europe's eternal triangle. Leadership from a Franco-German marriage is no longer enough. A ménage a trois with Britain has not worked well in the past; eternal triangles rarely do. But free love is no solution either.*

Манипулятивный потенциал концептуальной метафоры обусловлен также множественностью сложных ассоциативных связей, которые устанавливаются в процессе метафорической проекции между онтологически различными сферами опыта, и способностью данных ассоциаций актуализироваться в определенных коммуникативных условиях. Разнообразием ассоциаций, связанных с концептами, участвующими в метафорическом переносе, объясняется и способность метафорических концептов нести разные оценочные смыслы. Одни и те же метафорические модели реализуются в политическом дискурсе для привнесения как пейоративных, так и мелиоративных смыслов.

Следует также учитывать, что концептуальная метафора — это эффективнейшее средство прагматического воздействия в том числе и потому, что несет в себе мощный оценочный потенциал и формирует определенное отношение к тем или иным политическим явлениям, событиям и процессам.

В качестве иллюстрации данного положения проанализируем появившееся недавно слово-стяжение *governator* — вторичное наименование Арнольда Шварценеггера. В современном английском языке значительное количество неологизмов образуется методом стяжения. Однако при всей типичности словообразовательной модели, лежащей в основе лексической единицы *governator*, при сравнении с другой лексической единицей, также образованной методом стяжения, например *vodkatini*, выявляются интересные различия. Для понимания слова-стяжения *vodkatini* вполне достаточно стереотипных бытовых знаний об алкогольных напитках, в то время как адекватное понимание слова-стяжения *governator* невозможно без привлечения фрагментов конкретных фоновых знаний о существовании актера Арнольда Шварценеггера, сыгравшего роль знаменитого терминатора и ставшего губернатором штата Калифорния.

Слово-стяжение *vodkatini* (равно как и его компоненты) референтно соотносится с классом объектов, что касается стяжения *governator*, то его референтом является уникальный единичный объект — конкретный человек (референт второго мотивирующего компонента (*terminator*) также конкретный киногерой). Стяжение *vodkatini* можно считать единственным однословным языковым обозначением нового фрагмента реальности — алкогольного напитка, состоящего из двух соответствующих компонентов (альтернативным способом языкового представления данного объекта является только его развернутое описание), и в этом случае можно говорить о том, что слово-стяжение выполняет прежде всего номинативную функцию. Стяжение *governator* называет объект, у которого уже есть имя — *Arnold Schwarzenegger*, и скорее выполняет когнитивную функцию, сообщая нечто новое об уже именованном объекте и формируя новое представление о нем. Таким образом, если значение слова-стяжения *vodkatini* действительно сводится к сумме значений составляющих его мотивирующих компонентов, то в случае *governator* рассмотренные выше факторы значительно модифицируют исходную семантическую корреляцию, и, что самое интересное, тип модификации исходной модели во многом оказывается обусловленным социопрагматическим контекстом. В одних контекстах компоненты данного слова-стяжения вступают в отношения контраста (успешность Шварценеггера как актера и его далеко не без-

облачная политическая карьера), в других — имеет место метафорический перенос или проекция характеристик киногероя, причем в двух разных амплуа (отрицательного героя «Терминатора-1», беспощадного уничтожителя и разрушителя, и положительного героя «Терминатора-2 и -3», спасающего мир от зла), на политическую сферу деятельности губернатора. Таким образом, в конкретном контексте слово-стяжение *governator*, концептуальным основанием которого является метафора **Губернатор — Терминатор**, может становиться носителем эмоциональной и оценочной информации и, выражая мелиоративный или пейоративный смыслы, формировать у получателя информации положительное или отрицательное отношение к описываемому фрагменту действительности, выполняя функцию идеологического воздействия.

Рассмотрим текст предвыборного ролика Демократической партии США и функции слова-стяжения *governator*, мотивирующие компоненты которого связаны метафорическим переносом:

In the Year of Darkness, 2003, the rulers of the Republican party devised the ultimate plan. They would reshape the future by changing the past election. The plan required a candidate who felt no pity. No pain. No fear. Something unstoppable. They created "THE GOVERNATOR."

Синтаксические и графические стилистические приемы, в частности параллелизм конструкций, неполные предложения и использование заглавных букв, употребление оценочной лексики и в целом стилизация агитационного ролика под закадровый комментарий к началу хорошо известного фильма, не только восстанавливают образ, заложенный в слове-стяжении, но и активизируют фоновые знания и сопутствующие им эмоциональные и оценочные ассоциации, усиливая тем самым идеологическое воздействие на адресата, в данном случае избирателей, и способствуя формированию у них негативного отношения к кандидату от Республиканской партии Арнольду Шварценеггеру. В приведенном выше примере номинативная функция слова-стяжения *governator* вытеснена на второй план, а когнитивная функция, функция выражения оценки и стилистическая функция, реализуемые в данном контексте, подчинены ключевой задаче оказания воздействия на аудиторию и формирования общественного мнения.

Все вышесказанное дает основание полагать, что концептуальные метафоры способны изменять понятийную систему человека и влиять

на его взгляды, оценки и поведение. Функционируя в политическом дискурсе, метафорические концептуальные системы воздействуют на массовое сознание, способствуя формированию политических стереотипов и мифов.

Комплексный когнитивно-дискурсивный подход к изучению политической метафорики оказывается исключительно плодотворным, позволяя сделать еще один шаг на пути изучения закономерностей формирования, развития и функционирования политической картины мира определенного социума и средств ее языковой репрезентации, а также выявить пути воздействия на общественное мнение, способы концептуализации политической действительности в национальном сознании.

Литература

Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика: Учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. М.: Флинта; Наука, 2008. 352 с.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Перемена, 2000. 367 с.

Natalia A. Ches
MGIMO University, Moscow

POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS: CONCEPTUAL METAPHORS AT WORK

Abstract. The aim of this article is to present a framework for a metaphor-based critical analysis of persuasion in political discourse. More specifically, the paper seeks to explain how metaphoric framings influence the way observers understand and evaluate political issues. In line with conceptual metaphor theory that suggests exposure to a metaphoric framing can activate a systematic mapping between the target issue and the concrete concept

to which it is compared, the study shows that the transfer of knowledge across a metaphor's mapping highlights some aspects of the target and conceals, downplays or diverts attention away from other aspects. Thus, conceptual metaphor can be regarded as a privileged cognitive tool used in political communication to change people's hearts and minds by promoting a particular interpretation and evaluation of events or issues.

Key words: political discourse; metaphoric framing; conceptual metaphor; evaluation; persuasive effects; persuasion.

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые лингвистические особенности политического дискурса СМИ Германии, в частности заимствования из английского языка. Политический дискурс СМИ как разновидность политической коммуникации возникает в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ. С коммуникативной точки зрения это довольно сложное явление. Тексты СМИ динамичны, ориентированы на широкие слои населения, информативны, отражают определенное идеологическое направление и национально-культурную специфику, воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. Все это позволяет относить их к дискурсу. Особенности политического дискурса СМИ подтверждаются лингвистически, а именно теми языковыми средствами, которыми насыщен немецкий публицистический текст. Такие тексты содержат специальные термины, связанные с общественной и политической жизнью, сокращения, имена собственные, онимы, перешедшие в разряд апеллятивов, элементы иронии, сарказма, игру слов, идиоматические выражения и т.д. Не последнее место здесь занимают заимствования, преимущественно из английского языка. Особенно интересным представляется их анализ с различных точек зрения — грамматики, этимологии, семантики, стилистики. Заимствованное слово ассимилируется, получает необходимые грамматические характеристики, отражает гендерную соотнесенность, а также тенденцию последнего времени — стремление к простоте языковых средств. Процесс заимствования обогащает словарный состав языка, многие термины характеризуются определенным семантическим наполнением. Однако этот процесс имеет и оборотную сторону, что заметно на примерах неуместного употребления иностранных слов. Массовые заимствования из английского языка, с одной стороны, отражают национально-культурную специфику современного политического дискурса СМИ Германии, с другой — вносят существенный вклад в формирование общественного мнения.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурс СМИ, немецкий язык, политический дискурс СМИ Германии, общественно-политический текст, заимствования.

В гуманитарных исследованиях последнего времени изучение дискурса занимает важное место. В общем виде дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, нацеленное на формирование общественного мнения. С лингвистической точки зрения он сочетает в себе текст как изолированный вербализованный результат речи и контекст, в котором он функционирует, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса. Изучение политической коммуникации в рамках дискурсивного подхода представляется в настоящее время наиболее актуальным, так как позволяет по-новому взглянуть на роль языка в обществе, где он становится инструментом влияния и манипулирования или даже источником социальной власти.

В современных условиях политическая коммуникация, под которой понимается главным образом общение между политиками и населением, опосредована дискурсом СМИ. Журналисты, с одной стороны, выступают посредниками между политиками-профессионалами и массовой аудиторией непрофессионалов, с другой — выполняют свою основную задачу — формируют общественное мнение и могут манипулировать им. Таким образом, по утверждению некоторых исследователей, политический дискурс СМИ возникает в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ [Никитина, 2006]. Например, выступление политика во время предвыборной кампании относится к политическому дискурсу, а статья журналиста, который не только представит текст выступления, но и так или иначе будет его комментировать, можно рассматривать как политический дискурс СМИ.

С полным основанием можно утверждать, что тексты СМИ представляют собой именно дискурс, так как они всегда динамичны, отражают актуальные события и воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. Более того, как считал французский лингвист Эмиль Бенвенист, дискурс можно считать антропоцентричным явлением, т.е. отражающим мир субъективно [Бенвенист, 1974]. Это, несомненно, дает простор для манипулирования информацией в необходимом для адресанта направлении. К основным особенностям политического дискурса СМИ относят также ориентированность на широкие слои населения, национально-культурную специфику, идеологичность и информативность [Никитина, 2006].

Не случайно поэтому его рассматривают как институциональный вид дискурса: как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [Карасик, 2000].

Эти особенности подтверждаются лингвистически, т.е. теми языковыми средствами, которыми насыщен публицистический текст на немецком языке. Такие тексты содержат большое количество специальных терминов, связанных с общественной и политической жизнью, сокращения, имена собственные, онимы, перешедшие в разряд апеллативов, а также элементы иронии, сарказма, игру слов, идиоматические выражения и т.д. Не последнее место здесь занимают и заимствования, преимущественно из английского языка.

Отношение к ним неоднозначно. Конечно, пока еще рано говорить о преобладании *Denglisch* в дискурсе СМИ Германии, но нельзя не заметить, что англицизмы или американизмы занимают прочные позиции и в этом жанре. Большинство из них, безусловно, употребляются оправданно, так как в немецком языке либо отсутствует соответствующая лексическая единица для обозначения актуального понятия, либо англоязычный термин настолько однозначен и общепринят, что нет необходимости подбирать ему эквивалент и тем самым осложнять восприятие информации.

Это касается, например, терминов *die Primary*, *das Rating*. Первый обозначает процесс выборов в США (праймериз), имеющий свои отличительные особенности — *Bei der geschlossenen Primary sind nur die registrierten Wähler einer Partei zugelassen* (Focus Online. 02.01.2008). Второй является экономическим термином — *Auch bei Anleihen haben Anleger die Qual der Wahl. Wer in Unternehmensanleihen investieren will, sollte vor dem Kauf deshalb das Rating der Unternehmen kennen* (Focus Online. 27.11.2012). При этом следует учитывать, что англицизм *das Rating* нельзя применять в отношении рейтинга популярности, например, политических партий или отдельных политиков. В этом случае в немецком языке существует термин *die Umfragewerte*.

К заимствованиям недавнего времени можно отнести и термин *der Shutdown*, обозначающий ситуацию в США, когда Конгрессу не удается согласовать финансирование деятельности государственных органов и их работа временно приостанавливается. *Mit dieser Pistole auf der Brust wollte der Präsident nicht verhandeln — so kam es zum Shutdown der Regierung*

(Tagesschau. 12.10.2013). *Republikaner bieten Ende des Shutdown an* (Spiegel Online. 11.10.2013).

Из приведенных примеров видно, что заимствованное слово ассимилируется в немецком языке. Если это существительное, то оно приобретает категорию рода и числа, получает соответствующий артикль, хотя не всегда склоняется по грамматическим правилам немецкого языка. Если речь идет о глаголе, то — парадигму спряжения и временные формы, причем заимствованные глаголы всегда оказываются слабыми (*simsen — gesimst; die Email — die Emails; jobben — gejobbt; der Job — die Jobs; einscannen — eingescannt; chatten — gechattet*).

Среди заимствований, встречающихся в дискурсе немецких СМИ, преобладают имена существительные.

Russland ist jetzt **ein Global Player** (FAZ. 08.06.2008).

der Global Player — глобальный игрок

Bundespräsident Gauck allein im Vatikan. Warum darf **die First Lady** nicht mit zum Papst? (Bild, 16.12.2012).

die First Lady — первая леди

Die von der EU gewünschte **Gaspipeline** Nabucco bekommt nun doch noch eine Chance (Zeit Online, 28.06.2012).

die Pipeline — газопровод

Интересно отметить, что нефтепровод «Дружба», построенный в 60-е годы XX в., всегда обозначался немецким словом **die Erdölleitung**.

Ein mehrtägiger Blackout wäre eine *Katastrophe* (Die Zeit. 06.12.2012).

der Blackout — временное отключение электричества (вместо немецких терминов *der Ausfall* или *der Stromausfall*)

Примечательно, что некоторые заимствования приходят в общественно-политическую тематику из бытовой сферы употребления, например существительное **das Team**. Первоначально оно обозначало любую группу людей, занимающихся общим делом, или спортивную команду, а теперь все чаще употребляется именно как политический термин. *Frank-Walter Steinmeier hat entschieden: Ulla Schmidt bleibt im Wahlkampf-Team* (Bild. 16.12.2012). Подтверждением тому служит и название новой политической партии Австрии **Team Stronach**, образованной в сентябре 2012 г. миллиардером Франком Штронахом. На послед-

них выборах в Национальный совет, состоявшихся осенью 2013 г., эта партия сумела преодолеть 4%-ный барьер и вошла в состав австрийского парламента.

Некоторые заимствования многозначны, например существительное **der Deal**. *Eine mildere Strafe für den Angeklagten im Tausch gegen ein Geständnis. Das ist der klassische Deal* (FAZ. 04.10.2012). В данном примере термин *der Deal* обозначает сделку в юридическом смысле, как договоренность между обвиняемым и следственными органами в обмен на более мягкое наказание. *Ob der Bau von Atomanlagen oder Raketenlieferungen — bislang konnte der Iran auf Geschäfte mit Russland setzen. Nun allerdings sagt Präsident Medwedew einen lukrativen Deal mit Teheran ab* (Focus Online. 22.09.2010). Здесь *der Deal* обозначает сделку в деловой сфере. У этого слова есть и третье значение — торговля наркотиками.

Интересная ситуация сложилась с заимствованием **die Roadmap**, известным в русском языке в значении «план действий, дорожная карта». Первоначально этот термин применялся только в отношении урегулирования ситуации на Ближнем Востоке. *«Die Roadmap ist der beste Weg, um die Vision von zwei unabhängigen Staaten zu verwirklichen», so der US-Präsident* (DW. 07.05.2004). Во всех остальных случаях было достаточно немецкого термина *der Fahrplan*. Однако в последнее время сфера употребления англицизма расширилась, и эта лексическая единица встречается уже безотносительно ближневосточного урегулирования там, где речь идет о каком-либо плане действий. *Bundesforschungsministerin Johanna Wanka hat heute in Berlin die BMBF-Roadmap für Forschungsinfrastrukturen vorgestellt* (www.bmbf.de. 29.04.2013). *Sie scheiterten bei einer angestrebten «Road-Map» hin zum visafreien Reiseverkehr* (Handelsblatt. 02.06.2010). Наши журналисты также подхватили эту идею и употребляют буквальный перевод термина в совершенно различных контекстах — *дорожная карта* развития сельского хозяйства России до 2020 г.; *дорожная карта* по регистрации участников в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах; *«дорожная карта»* развития ЖКХ; программа *«Дорожная карта бизнеса — 2020»* и т.д.

Такую же ситуацию можно наблюдать и с заимствованием **der Checkpoint** (контрольно-пропускной пункт). Это слово было употребительным в период разделения Германии на два государства и обо-

значало контрольно-пропускной пункт, где проходила граница между Западным и Восточным Берлином. После объединения Германии в 1990 г. это место стало достопримечательностью города, но термин потерял свою актуальность. Спустя некоторое время он снова стал встречаться в текстах СМИ в том же самом значении, но в отношении других государств, прежде всего Израиля и Палестины. *Israelische Grenzpolizisten haben an einem Checkpoint nahe Jerusalem einen Palästinenser erschossen* (Spiegel Online. 30.07.2012). В примерах последнего времени часто можно встретить также и Украину — *Soldaten der Ukraine beziehen Position am Checkpoint nahe der ostukrainischen Stadt Slavyansk* (Focus Online. 13.05.2014).

Не все англоязычные термины имеют эквиваленты также и в русском языке и передаются только с помощью транскрипции.

Die deutsche Öl-Lobby glaubt weiter an E10 (Die Welt. 21.08.12).
die Lobby — лобби

Deutschland rettet in der Euro-Krise die Hedgefonds (Die Welt. 02.12.12).
die Hedgefonds — хедж-фонды

Это свидетельствует о том, что наиболее подвижна та часть общественно-политической лексики, которая обозначает понятия и реалии, характерные для различных общественных систем. По мере изменений в социальной жизни, особенно в условиях глобализации, эти понятия могут заимствоваться другими общественными системами, а вместе с ними заимствуется и обозначение. Язык, а скорее всего, его лексическая система, несмотря на всю свою мобильность, не успевает реагировать на все эти изменения — так и входят в обиход иностранные термины.

Известно, что немецкий язык изобилует многосложными словами — это его отличительная черта. Тем не менее тенденция последнего времени, а именно стремление к простоте языковых средств, затронула и его. Так, существует термин *der/die Menschenrechtsbeauftragte* (уполномоченный по правам человека), однако из-за своей громоздкости он практически вытеснен англоязычным *der Ombudsmann*. *Reicht die Stellungnahme für eine klare Einschätzung nicht aus, nutzt der Ombudsmann die Möglichkeit zu einem gemeinsamen Gespräch, bei dem alle Beteiligten ihre Sicht der Dinge darlegen können* (FAZ. 22.11.2012).

О полной ассимиляции заимствований в немецком языке свидетельствует и то, что они могут отражать еще одну особенность немецкого языка — гендерную соотнесенность. Это наиболее актуально для немецкого политического дискурса, так как связано с политкорректностью. Поэтому наряду с термином *der Ombudsmann* существует термин *die Ombudsfrau*. *Ombudsfrau der NSU-Opfer kritisiert Ermittlung mit Döner-Imbiss* (Stern. 11.05.2012).

Процесс заимствования, безусловно, способствует обогащению словарного состава любого языка, многие англицизмы пришли в немецкий язык неслучайно и характеризуются определенным семантическим наполнением. Однако следует помнить, что этот процесс имеет и обратную сторону. Чрезмерное употребление иностранных слов ведет к засорению языка и, как следствие, к нарушению процесса коммуникации. Тем более обидно отмечать примеры неуместного употребления англицизмов в немецкой прессе. *Bundeskanzlerin Merkel hat sich clever verhalten* (Deutschlandradio. 26.01.2013). Почему-то журналисту не нравится немецкое слово *klug*. *In seiner Rede nannte er (Joachim Gauck) fünf Grundsätze: Wettbewerbsfähigkeit, Flexibilität, Eigenverantwortung, Fairness und eine Machtverschiebung weg von Brüssel zurück an die Mitgliedsstaaten* (Deutschlandradio. 26.01.2013). Здесь совершенно алогичным представляется употребление англицизма, тем более что при перечислении остальных принципов используются немецкие слова.

Популярным становится в последнее время и слово **der Showdown**, взятое из спортивной терминологии и выступающее в роли синонима к также заимствованному, но очень понятному слову *die Konfrontation*. *G20 als Kulisse für den Showdown Putin gegen Obama* (Deutschlandradio. 06.09.2013).

Горестные сетования на засорение немецкой речи заимствованиями из английского языка продолжают уже не одно десятилетие. Сами немцы относятся к этому процессу довольно неоднозначно. В последнее время все чаще доминирует негативный оттенок. Например, современный немецкий писатель Леонард Тома в одном из своих рассказов очень наглядно и с юмором объясняет любовь немцев к заимствованиям: «Для немцев другие языки всегда были интереснее и привлекательнее...» Употребление иностранных слов «...практично и упрощает жизнь» [Thoma, 2007]. Да и название рассказа говорит о многом: «*Der relaxte Outdoor-Single*».

С Л. Тома солидарен и Вольф Шнайдер, профессиональный журналист, занимавший ранее пост заместителя главного редактора журнала «Штерн» и главного редактора газеты «Вельт», ведущий ток-шоу на радио NDR, лауреат премии за культуру языка. Он отмечает, что его соотечественники не любят свой родной язык, хотя бы не немцами, а вторыми американцами, считая, что все американское лучше немецкого, в том числе и язык. Кроме того, он оспаривает утверждение, что популярность заимствований из английского языка объясняется их краткостью по сравнению с немецкими словами, что наглядно продемонстрировано в следующей таблице [Schneider, 2008].

Deutsch	English
Geld	money
nichts	nothing
alles	everything
Dom	cathedral
Glück	happiness
Bahnhof	railway station
Trödler	second-hand dealer
Notausgang	emergency exit
vorgestern	the day before yesterday

По мнению В. Шнайдера, этот процесс может иметь и более глубокие последствия, нежели засорение языка. Смещение по принципу «французского с нижегородским» не дает четкого представления о структуре языка и не позволяет развиваться чувству языка. Обеспокоены этим и лингвисты Англии и США, так как массовое употребление преимущественно неправильных форм отрицательно влияет и на сам английский язык.

Какие слова действительно обогатят немецкий язык, а какие так и останутся окказионализмами, отражая лишь модные тенденции, покажет время. В настоящее время не каждый носитель немецкого языка знает, что и ассимилировавшиеся слова *Sport* или *Park* тоже когда-то пришли из английского языка. Кстати, все приведенные в этой статье примеры заимствований, в том числе неуместные, на наш взгляд,

с точки зрения употребления, зафиксированы в online-версии словаря Duden, который представляет собой свод правил и норм немецкого языка и издается Библиографическим институтом в Мангейме [WDS].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что массовое употребление заимствований из английского языка в политическом дискурсе СМИ Германии отражает национально-культурную специфику времени, позволяет манипулировать информацией в необходимом направлении и вносит существенный вклад в формирование общественного мнения, т.е. может рассматриваться также в рамках лингвокультурологической категории «свой/чужой».

Литература

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Никитина К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами. 2006. № 2. С. 1–7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2006/2/Nikitina.pdf>.

Schneider W. Deutsch! Das Handbuch für attraktive Texte. Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008.

Thoma L. Das Idealpaar. Lesetexte für die Grundstufe DaF. Editorial Idiomias, Hueber Verlag, 2007.

Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag. Duden.de. URL: <http://www.duden.de>.

Marina A. Chigasheva
MGIMO University, Moscow

THE ROLE OF BORROWINGS IN THE GERMAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The paper discusses some linguistic peculiarities of the German media political discourse and particularly the borrowings from the English. The political media discourse as a variation of the political communication actuates

at the point of the political discourse overlapping the media discourse. From the point of communication it is rather a complex phenomenon. The media texts are dynamic, have a wide target audience, informative, reflect specific ideological trend as well as national and cultural character. Moreover, the participants of communication perceive them in the context of the current situation. All the above can help identify them as a discourse. The specificities of the political media discourse are linguistically substantiated and proved namely by the linguistic means which saturate the German publicist style. Such texts contain special terms associated with the socio-political life, abbreviations, proper names, onyms converted into appellatives, elements of irony, sarcasm, word-play, idiomatic phrases, etc. The borrowings, primarily from English, are no less important here. Their analysis from different points of view that is grammar, etymology, semantics and stylistic seems to be especially interesting. The borrowed word is assimilated, acquires the necessary grammatical characteristics, gender identification as well as reflects the latest trend towards the simplicity of linguistic means. The process of borrowing enriches the vocabulary; many terms are characterized by certain semantic contents. However, this process has a negative side that can be exemplified by improper use of foreign words. On the one hand, massive borrowings from English reflect the national and cultural specificity of the modern German political discourse; on the other hand, significantly influence the public opinion. **Key words:** political discourse, media discourse, discourse of the German media, socio-political discourse, borrowings.

РЕЧЬ ЯПОНСКОГО ПОЛИТИКА: КОНСТАНТЫ ЖАНРА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ

Аннотация. В статье на материале выступлений в парламенте премьер-министров Японии за последние 12 лет анализируются особенности жанра программной речи руководителя государства на японском языке. Выделяются характеристики данного жанра с точки зрения лексикона, метафоры, использования риторических приемов и прочих манипулятивных инструментов, в том числе в плане имеющих лингвоспецифический характер явлений эмпатии, вежливости, использования графических средств, а также структуры изложения. Вскрывается прагматический потенциал употребления различных единиц языка в японском политическом дискурсе.

Указанные критерии используются для характеристики индивидуальных особенностей речи отдельных политиков. Рассматриваемый материал указывает на определенную связь между успешностью правления и его «лингвистическим обеспечением», высвечивает процесс поиска и совершенствования японскими публичными политиками адекватного риторического инструментария.

Ключевые слова: стилистика, публичная речь, риторические приемы, метафора, эмпатия, вежливость, оценочность.

Объектом нашего исследования стали 17 программных обращений к парламенту, сделанных шестью премьер-министрами Японии в 2006–2014 гг. В этот период в японской политике разыгрывается настоящая драма: ослабевает более чем полувековое господство Либерал-демократической партии, к власти приходит оппозиционная Демпартия, после чего ЛДПЯ триумфально возвращается к власти. Ниже указаны имена, годы правления и партийная принадлежность премьеров:

Дзюньитиро КОИДЗУМИ	2001–2006	ЛДПЯ	
Синдзо АБЭ(1)	2006–2007	ЛДПЯ	(3 речи)
Ясуо ФУКУДА	2007–2008	ЛДПЯ	(2 речи)
Таро АСО	2008–2009	ЛДПЯ	(3 речи)
Юкио ХАТОЯМА	2009–2010	ДПЯ	(3 речи)
Наото КАН	2010–2011	ДПЯ	(2 речи)
Ёсио НОДА	2011–2012	ДПЯ	(2 речи)
Синдзо АБЭ (2)	2012–	ЛДПЯ	(3 речи)

Речь премьера на открытии сессии парламента несет и установочную, и рекламную функцию: политик озвучивает текущую генеральную линию и одновременно получает шанс «показать себя», запомниться, что особенно важно при частой смене кабинетов. Содержательная сторона этих выступлений уже всесторонне изучена, есть и работы по отдельным аспектам речи конкретных деятелей (например, вежливости. [Кадзивара, 2008]). Мы же попытаемся оценить их в плане языковых средств, форм отражения в языке ценностных и прагматических установок говорящего.

С этих позиций прежде всего требуется выделить набор прагматико-стилистических констант официального послания премьера как устойчивого жанра языковой деятельности на японском языке. Такие характеристики мы будем искать в лексиконе, метафорике речей, риторических приемах, таких манипулятивных элементах, как оценочность, адресация и эмпатия, а также использовании графических средств. Все эти явления, конечно, следует особо оговаривать при подаче данного материала в аудитории с точки зрения резкой дифференциации между функциональными стилями японского языка.

В лексиконе исследуемый жанр выделяют специфические выразительные средства, характерные в целом для официальной речи как устной разновидности письменного языка [Бельчиков].

Прежде всего, это элементы «высокого стиля» (направление стрелки показывает условный переход от стилистически немаркированного синонимического оборота): 尊い命←大切な命 — *драгоценные жизни*, 志を同じくする国←同意した国 — *страны-единомышленники*, 冠たる企業←優秀な企業 — *лучшие предприятия*, 例に漏れません←例外ではない — *не исключение*, 志した←なろうと思った — *выбрал стезю*, 真に←本当に — *воистину*, 発信する←伝える — *направлять сигнал*. В этом поле присутствуют двандвы (с их, как правило, специфическим статусом и в других языках): 打ち捨てる←捨てる — *отбросить*, 出会う←会う — *встретить*, малоупотребительная лексика как китайского происхождения: 不屈の精神 — *несгибаемый дух*, (未来)を託す — *верить (будущее)*, — так и собственно японского: 揺ぎない — *непоколебимый*, もてはやす — *превозносить*.

Среди источников формирования лексического фонда речей выделяются канцеляризм, деловой сленг, архаизмы, неологизмы. Первые

определяют доминирование особых нефинитных форм (にわたり←にわたって — *на протяжении*, のみならずだけでなく — *не только*), схем словообразования (統廃合←統合+廃合 — *упразднение и слияние*), вариантов служебных слов (など←とか и др., を問わず — *невзирая на* и др.), особые служебные имена: 2点 — 2 шт.

Деловой сленг охотно задействуют представители обоих политических лагерей, стремящиеся создать имидж компетентных технократов: 一元化 — *приведение к общему знаменателю (всех типов пенсий)*, 供給サイド — *сторона предложения*, ひも付き補助金 — *помощь с «нагрузкой»* (Фукуда), ср.: 縦割り — *функциональная разобщенность*, 天下り — *«золотые парашюты»* (Хатояма), 「WIN・WIN」の関係 — *взаимовыгодные отношения* (Кан).

Частотность архаизмов, несомненно, свидетельствует о консервативности общества, к которой апеллирует политик. Пальма первенства тут за ЛДПЯ — и в морфологии (せねばならぬと信じる — *это необходимо, 良き伝統 — добрая традиция — Абэ-1*), и в глагольных двандвах (身をなげうって — *отдать всего себя*, ご協力を請い願う — *прошу о содействии*), и в древних поговорках китайского происхождения (чэньюй): 当然至極 — *самое что ни на есть естественное*, 甲論乙駁 — *рассогласованность*, 粉骨碎身 — *не жалея себя, на износ*, 信賞必罰 — *строго по заслугам*. Настоящая сокровищница фольклора — речи Т. Асо: その末端に連なる今この時、わたしは、担わんとする責任の重さに、うたた厳粛たらざるを得ません。 — *Оказавшись нынче перед лицом этой ответственной задачи, как же я могу не собраться духом!*

Впрочем, не чужаются этого средства и «бунтари»-демократы: 日本人の気高き精神 — *высота духа японцев* (Кан), 福島の再生なくして、日本の再生なし — *Без восстановления Фукусимы не бывает возрождению Японии* (Нода).

Если китаизмы служат проводником традиционалистских установок, то главный источник неологизмов, создающих политику, современный, прогрессивный стиль, — английский язык, см. チャレンジド = *challenged* (Хатояма), ディーセント・ワーク = *decent work* (Кан). Иногда оратор, видимо, не уверенный в доступности своих новелл для слушателей, сам сопровождает их экспликацией: カントリー・アイデンティティ、つまり日本らしさ — *country identity, то есть самоидентичность Японии* (Абэ-2). Внутриязыковые заимствования производятся

из научного языка (誘発する — *вызывать к жизни* — Хатояма), публицистики: 市場化テスト — *тест на рыночность* (Абэ-1).

Конвенциональная **метафорика** японской публичной речи широко использует образы войны, причем аналогии черпаются не только из собственной истории, но и из «славного прошлого» главного союзника, объекта уважения и подражания — США: 荒波を恐れず、乱気流を乗り越え — *не боясь бурных волн, преодолевая вихри* (Абэ-2); 改革の炎を燃やす — *разжечь пламя реформ* (Абэ-1); 敗戦による焼け野原が眼前に広がる — *перед глазами простирается выжженное поле* (Хатояма); 黒船という外圧 — *внешнее давление вроде кораблей в бухте Урага* (эскадра адмирала М. Перри, «открывшая» Японию в середине XIX в.); フロンティア — *«Фронтир» (вызов, горизонт — все политики)*.

Конкретность мышления японцев, безусловно, проявляется в обилии соматизмов, образов живой природы: 頭を垂れる — *опустить голову* (неверие), 手を差し伸べます — *протянуть руку* (помощь), 今を懸命に生きる人々の笑顔を取り戻す — *вернуть улыбки на лица людей*, 疲弊にあえぐ東北の農村 — *деревни севера Хонсю задыхаются от упадка*, 「希望」に胸を膨らませる — *расправит плечи, почувствовав надежду* (Абэ-2); 水揚げに湧く漁港 — *забурлят рыболовецкие гавани*, 羽ばたける — *взмахнут крыльями*. Наиболее популярны, само собой, образы цветения и роста: 萌芽 — *первые ростки*, 開花させる — *распустились, как цветы*, 東北を、世界最先端の新しい技術が芽吹く「先駆けの地」としてまいります。 — *Мы сделаем север Хонсю районом инноваций, где взойдут ростки новейших технологий мирового уровня; 冬の寒さに耐えて、春に咲き誇る花のように — подобно весенним цветам, выдержавшим зимнюю стужу*.

На пассеистические настроения в истеблишменте и электорате явно ориентированы ссылки на детали традиционного (в том числе феодально-крестьянского) быта и занятий: 胸襟を開いて — *раскрыв воротник кимоно=откровенно*, 襟を正し — *поправив воротник кимоно = ответственно* (Фукуда), 未来を切り開く — *расчистить дорогу в будущее* (Абэ-1); 三本の矢を打つとき — *время выпустить три стрелы (= принять три группы решительных мер в экономике, Абэ-2)*. Другие образы ищут опоры у наиболее активных граждан — как сказали бы в России, креативного класса: 自らの経験を活かした新たな「出番」を見いだす

方々もいらっしやいます。 — *Есть те, кто увидит для себя в этом шанс, который станет для них сигналом «на сцену (ваш выход)!»* (Кан).

Для мобилизации аудитории широко используются **риторические приемы**. Так, «рубленный», лозунговый стиль отличает предельная компрессия, достигаемая упрощением структуры и эллипсисом, используются для обозначения своего основного курса почти все ораторы: *やればできる — захочешь — получится* (ср.: *yes we can!*), *官から民へ — из правительственных рук — в частные!* *国から地方へ — от центра — регионам!* *コンクリートから人へ — от бетона к человеку* (Хатояма). Правда, не всегда краткости сопутствует внятность: *自立と共生 — самостоятельность и сосуществование* (Фукуда), *「コンクリートの道」から「光の道」 — от бетонных дорог к дорогам света* (Хатояма). Структуры посложнее подлежат парцелляции: *企業の収益を、雇用の拡大や所得の上昇につなげる。それが、消費の増加を通じて、更なる景気回復につながる。 — Пустить прибыль предприятий на расширение найма и рост доходов. Это и должно через рост потребления привести к новому подъему экономики* (Абэ-2).

Выступающие не скупятся на различные усилители: *といっても過言ではありません — не будет преувеличением сказать, 願ってやみません — не могу не желать* (Нода), *皆様であり、ほかの誰でもありません — ...это именно вы, граждане, и никто другой* (Кан, Абэ-2), *「大学力」は、国力そのものです — академический индекс — это и есть не что иное, как сила государства* (Абэ-2), *先人の苦勞に勝るとも劣らない大きな挑戦であります。 — Это огромный вызов, если не больше, то и не меньше, чем стоял перед предшественниками* (Хатояма).

Для фокусировки на предмете используется специфический прием инверсии (так называемый *тайгэндомэ*): *Африкаをはじめとする発展途上国で飢餓や貧困にあえぐ人々。イラクやアフガニスタンで故郷に戻れない生活を余儀なくされる難民の人々。国際的テロで犠牲になった人々。自然災害で住む家を失った人々。こうした人々のいのちを救うために、日本に何ができるのか、そして何が求められているのか — Люди, страдающие от бедности и голода в странах Африки. Люди, ставшие помимо своей воли беженцами и не имеющие возможности вернуться в родные места в Ираке или Афганистане. Жертвы международного терроризма. Люди, потерявшие кров из-за стихийных бедствий. Что требуется*

от Японии, чтобы помочь им всем? См. также: おばあさんのその手の感触。その眼の中の悲しみ。私には忘れることができませんし、断じて忘れてはならない。 — Мягкие ладони бабушки。 Грусть в ее глазах。 Их я не могу забыть и наверняка никогда не забуду (Хатояма)。

Выразительный потенциал речи подкрепляется за счет межстилевых заимствований — из просторечия: 日本ならできるはず。 — Если за это возьмется Япония, дело заладится (Абэ-2), из стилия художественной литературы: 前歯が抜けたままの顔で屈託なく笑う福島の幼稚園児たち — дети в детском саду в Фукусиме, их ни о чем не подозревающие беззубые улыбки (Нода)。

Активно используется гипербола, причем как «заезженная»: 北海道から沖縄まで、全国津々浦々にまで — От Хоккайдо до Окинавы, в каждой бухте, в каждой гавани нашей страны (Абэ-1), — так и довольно неожиданная: 国民の皆さまの期待と悲痛な叫びを耳にしてきました。 — Я узнал об ожиданиях граждан, услышал их крик боли (Хатояма)。日本と中国は、切っても切れない関係。 — Японию и Китай хоть режь — не отрежешь одну от другого (Абэ-2)。

В структурировании речи огромную роль играют рефрены — заповки: いのちを守りたい — сохранить жизни (Хатояма), мотивы: カバンに詰め込むべきもの — все, что следует взять с собой в путь (Абэ-2), 希望の種 — семена надежды и 希望の花 — цветы надежд (Нода — из цитируемого стиха 希望づくり — «Взрастить надежды»), лозунг 日本ならできるはず。 — Если за это возьмется Япония, дело определено заспорится (Абэ-2)。

Известный риторический прием — неквестивные вопросы — также не обойден стороной: まさに、今の日本と世界が抱える諸問題を、鋭く言い当てているのではないのでしょうか。 — Не правда ли, очень тонко подмечено о проблемах, стоящих перед Японией и современным миром? (Хатояма, *tag question*), それをどう変革していけばよいのでしょうか。 — Как это следует трансформировать?.. (он же, наводящий вопрос)。

Особый статус получает коннотативно насыщенная **оценочная** речь. По своей функции это могут быть установочные выражения, причем как для целеполагания и самовосхваления (強い日本, 強い経済 — сильная Япония, сильная экономика (Абэ-2), 「経済の好循環」 разомкнуть замкнутый круг в экономике, 「頑張る人が報われる社会」 — об-

щество, награждающее старающихся, 「女性が輝く日本」 — общество с деятельными женщинами), порой порядком «притянутые за волосы», см. 日本再生元年 — нулевой год эры возрождения Японии (Нода) или 最小不幸社会 — общество наименьшего несчастья (Хатояма), — так и критические: 大掃除 — генеральная уборка, しがらみ — «все схвачено», 既得利権 полученные привилегии (Хатояма, Кан). В записи подобные «готовые к употреблению» семантические комплексы выделяются кавычками: 「世界一安全な国」 — самая безопасная страна в мире, 「世界一の読解力」 — первые в мире результаты по чтению, 「日本人のサービスは世界一」 — лучшие услуги в мире — японские. Мелькает кодирующая, терапевтическая лексика: 自信と誇り — уверенность в себе и гордость (Абэ-1), 誇り、力 — гордость и сила (Фукуда), 眠る可能性 — «спящий» потенциал (Абэ-2). Сложившиеся ценностные установки социума воспроизводят эпитеты 丁寧 — бережно, きめ細やかな — внимательный к деталям, 切実な — верный, 真摯に — ответственно, メリハリの効いた — четкий, 厚みのある — представительный, 丹念 — усердный, 強靱 — устойчивый к потрясениям, 真剣 — серьезный, 黙々と任務を果たす — молча выполнять свой долг, и даже 謙虚に — скромно (Хатояма). Своя тема у «ниспровергателей» — しがらみ — «все схвачено», 既得権益 — привилегии (Хатояма, Кан). Порой кажется, что манипулятивным подтекстом пронизана вообще всякая деталь: 力強いアーチ姿の永代橋 — мощная арка моста Эйтэйбаси (Абэ-2).

Видное место в японоязычной коммуникации занимают явления **эмпатии**, получающие и грамматическое выражение. В речах политиков это проявляется, например, в особенностях номинации: употребление «небезразличных» факультативных показателей множественности — суффикса たち, ср. китайск. 他们, и редупликатов 人々 — люди, 方々 — господа (Хатояма), ср.: 方 — господа (Фукуда), самообозначение «словами партнера»: 役所 — чиновничество (Фукуда). Слушателя «завоевывают» намеренным занижением показателей социальной дистанции: 次代の日本を担う若者に、希望を持ってもらわなくては、国の土台が揺らぎます。 — Молодежь, наше будущее, тоже могла бы, пожалуй, иметь побольше надежд на будущее, иначе государству не выжить (Асо), формированием фразы вокруг (подразумеваемого) семантического субъекта — простого гражданина: 安心して暮らせる社会 — общество, где жить спокойно (Абэ-1), 信頼できる制度 — система, которой доверя-

ешь (Фукуда). Куда смелее, чем принято на Западе, прибегая к доходчивой экзистенциальной риторике, политик подчас создает впечатление навязчивости, вторжения в интимную сферу обывателя: *優しさと温もり — доброта и тепло,生きがい — ради этого стоит жить*, 人間にとって大きな喜び — *великая радость для человека* (Хатояма).

Показатели **вежливости**, эта «святая святых» японского словоупотребления, своеобразно преломляются на высокой трибуне. Становясь подчиненным высшему органу власти в условиях парламентской системы правления, премьер использует повышенную учтивость: вставка аффикса-адрессива в нефинитном положении *につきまして* (Фукуда, Абэ-1), *以上申し述べましたとおり — как я уже сказал* (Хатояма), «псевдопозволение» *ガンジー師の慰霊碑に献花させていただきました — (с вашего позволения) возложил цветы к памятнику Ганди* (Хатояма). Даже за «чисткой» среди наиболее косных выражений при ДПЯ незабываемым остается депрециатив в комитативных высказываниях: *東アジア共同体構想を推進してまいりたいと考えます — хотелось бы продвигать концепцию Восточноазиатского сообщества* (Хатояма), *この目標に向け邁進いたします — я буду двигаться к этой цели* (Кан). Работая «на камеру», политик применяет «лишние» гоноративы к отсутствующим в зале представителям широкой публики: *皆様から厳しいご批判を頂いた — жесткая критика со всех сторон* (Фукуда), *子どもの成長を担うご家族の負担 — расходы семей, на которых лежит воспитание детей* (Хатояма), *仮設住宅に移られた被災者 — пострадавшие, переселившиеся во временные жилища* (Кан).

Этноспецифическая опора на визуализацию обуславливает и такое экзотическое средство воздействия, как манипуляции с **графикой**. Вообще эта возможность возникает из наложения на систему фонетических слов японского языка иначе организованного множества графических знаков. Так, в *日本は、ルールを「待つ」のではなく、「創る」国でありたい — Япония должна не ждать создания правил другими, а создавать их сама* для глагола *tsukuru* *создавать, делать* из нескольких вариантов начертания выбирается не обиходный *作* (например, в *ご飯を作る — готовить еду*), а «возвышенный» *創*, для которого текстовый редактор подсказывает такое употребление: *神が宇宙を創る — бог создает мир*.

К общим **структурным особенностям** рассматриваемого жанра можно отнести эффектную заповку «из последних новостей» (перед тем как приступить к торжественному изложению, политик создает впечатление, будто только что оторвался от кипучей деятельности). Таким экспромтам, обычно проблемного содержания, Т. Асо попытался дать позитивное звучание; бывший оппозиционер Ю. Хатояма вовсе отказался от них, однако, начиная с Н. Кана, они снова стали использоваться в раннем варианте.

Популярный инструмент оратора — **цитата**, позволяющая ему облечь свои тезисы признанным авторитетом, а исследователю — определить ценностные ориентиры выступающего. Вслед за Дз. Коидзуми, который особо благоволил отцам конфуцианства и деятелям великих реформ XIX в., С. Абэ также торжественно цитирует вождя «революции Мэйдзи» Юкити Фукудзаву, причем тоже в старописьменном стиле бунго, Я. Фукуда продолжает традицию, однако фразу деятеля времен Мэйдзи Р. Исикавы дает уже в пересказе на современный язык. Т. Асо от цитат отказывается, с избытком заменяя их собственными «перлами». Ю. Хатояма ищет опоры совсем в другой области: помимо слов Эйнштейна и Ганди (на специфическом «переводном» языке) он приводит рассказ фабричных рабочих, цитирует письма избирателей. Его преемник Н. Кан воспроизводит комментарии в Интернете (еще раз о «классовой опоре!»), а также выдержки из конституции. У Ё. Ноды видим пересказ слов конфуцианца Иссаи Сато, «голоса» из детсада в пострадавших районах Фукусимы, пассажи поэтессы из Сэндая — центра пострадавшей от цунами 2011 г. префектуры. Логический синтез указанных тенденций происходит в речах С. Абэ второго срока, где приводятся цитаты разнообразной стилистики на любой вкус: и уже упомянутые хрестоматийные «отцы», и знаменитости — М. Тэтчер и Н. Мандела, здесь же — письмо больной девочки, высказывания жителей, студента из Мьянмы и даже надпись на колоколе на Окинаве.

Выбор указанных средств, их комбинации определяют «лицо», кредо конкретного политика. Конечно, роль и успех руководителя государства определяются прежде всего его реальными делами, однако некоторый изоморфизм между «историей слов» и состоянием правления все же прослеживается.

В этом смысле бросается в глаза явное угасание силы убеждения в речах времен заката ЛДПЯ: после зрелой, уверенной риторики «льва» японской политики Дз. Коидзуми захватить публику не удается ни предсказуемой риторике, метафорике «сильной страны» и цветистой учтивости «принца» С. Абэ первого срока; ни сухой, несколько старомодной учтивости, традиционалистским установкам и «бюрократичному» терминологизму Я. Фукуды. Серьезному восприятию в аудитории, вероятно, мешали эксцентричные эксперименты с образностью, искусственная «былинная» архаизация языка, элементы иронии и игры с вежливостью у Т. Асо, вдохновляемого жанром старинной юморески *ракуго*.

С приходом к власти оппозиции ее лидер Ю. Хатояма предпринимает смелые преобразования и в языке. Эгалитаризм «понятного всем» языка и полный отказ от архаики, новый речевой статус политика — подчиненного публике, а не стоящего над ней, смена установочных концептов, поиск выразительности за счет внедрения элементов языка науки и художественной литературы создают образ вдумчивого, ответственного «мыслителя». При этом, однако, переход от лозунговой компрессии к аналитическим конструкциям, свойственным языку агглютинативного типа, ведет к утрате динамизма речи, не всегда понятна и обновленная идеалистическая метафорика (яркий пример — концепция *友愛 братства/братской любви* во внешней политике, сразу ставшая «головной болью» для переводчиков). Н. Кан, восприняв от него ниспровергательскую риторику, сконцентрировался на образе «технократа», защитника интересов обычных граждан, используя простой и корректный разговорный язык, психологизм, а также бесцветные «деловитые» неологизмы. Реанимация привычной риторики, попытки вновь «поддать пафоса» у Ё. Ноды свидетельствуют о дефиците выразительных средств.

Вернувшийся на премьерский пост после поражения демократов С. Абэ, похоже, «извлек уроки» и задействовал сразу все речевые приемы предшественников. Его риторика поднимается на новый уровень и служит созданию комплексных, «объемных» образов (в том числе благодаря использованию оценочности, рефренов). «В дело» идет каждая деталь, даже история неудачи первого премьерства: 難病から回復して総理大臣となった私には、天命とも呼ぶべき責任があると考えます。 — *Это мое призвание и моя миссия как политика, вернувшегося-*

ся на пост премьерера после тяжелой болезни. Собственное имя, формула «правительство Абэ», повторяясь, работают как бренд-самоцель — что вызывает толки о том, не означает ли, мол, лозунг 「日本が戻ってきた」 — «Япония вернулась» на деле возвращение самого премьерера на свой пост. Умело чередуя «прямые включения» отрывков текстов разной природы (цитаты различного происхождения, лозунги, дифференцированные регистры вежливости), создает броский эффект полистилистики, мультимедийности клипового типа, осознанно нацеливаемой на массовую аудиторию.

Литература

Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка. М.: Аст-Пресс. 424 с.

Кадзивара Сигэру. Suberanai keigo (Вежливая речь без изъянов). Синтёся, 2008.

Sergey V. Chironov
MGIMO University, Moscow

GENRE FEATURES AND INDIVIDUAL STYLE IN THE SPEECH OF JAPANESE POLITICIANS

Abstract. The paper, based on parliament speeches of several Japanese prime-ministers in the last 12 years, discusses the prominent features of the genre — particularly those of the lexicon — the use of metaphors, rhetorical and other manipulative devices, including some language specific items such as empathy, politeness and graphics, as well as the discourse structure. The use of specific expressive means in various layers of language is analysed through the lens of the speaker's pragmatic aims.

The abovementioned criteria are applied to descriptions of individual styles of Japanese statesmen. The data analysed in the paper show that there is a certain link between how successful a politician is and the the linguistic backup of his actions. The article also discusses the Japanese public politicians' search for and building up of a more adequate rhetorical repertoire.

Key words: stylistics, public speech, rhetoric devices, metaphor, empathy, politeness, verbalising values.

Об авторах

- Абрамова Ирина Евгеньевна** — заведующая кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений, кандидат филологических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет
- Алексахин Алексей Николаевич** — заведующий кафедрой китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков, доктор филологических наук, профессор, МГИМО МИД России
- Алиева Татьяна Владимировна** — старший преподаватель кафедры английского языка № 1, кандидат филологических наук, МГИМО МИД России
- Алферов Александр Владимирович** — директор НИЦ интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет
- Ананьина Анастасия Валерьевна** — старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных направлений, Петрозаводский государственный университет
- Асташова Ольга Игоревна** — ассистент кафедры русского языка и стилистики, кандидат филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
- Варзин Алексей Владимирович** — кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет
- Воркачев Сергей Григорьевич** — профессор кафедры научно-технического перевода, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный технологический университет
- Гладкова Елена Львовна** — заведующая кафедрой индоиранских и африканских языков, кандидат филологических наук, доцент, МГИМО МИД России
- Данюшина Юлия Владимировна** — профессор кафедры лингвистических коммуникаций в управлении, доктор филологических наук, доцент, Государственный университет управления (Москва)

- Желтухина Марина Ростиславовна** — профессор кафедры английской филологии, заведующая НИЛ, ректор, директор, доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; Научно-исследовательская лаборатория «Дискурсивная лингвистика»; Школа актерского мастерства Анатолия Омельченко; Центр коммуникативных технологий
- Жерновая Оксана Романовна** — заведующая кафедрой иностранных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
- Зверев Антон Игоревич** — аспирант, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Зюбина Ирина Анатольевна** — доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет
- Иванова Светлана Викторовна** — заведующая кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет
- Клушина Наталья Ивановна** — профессор кафедры стилистики русского языка, доктор филологических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
- Короткина Ирина Борисовна** — доцент кафедры политических и общественных коммуникаций факультета государственного управления, кандидат педагогических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Костева Виктория Михайловна** — начальник Отдела международных связей и координации международных программ; доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, кандидат филологических наук, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»
- Крижановская Елена Мечиславовна** — доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, кандидат филологических наук,

доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Кустова Елена Юрьевна — профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет

Литвинова Екатерина Михайловна — профессор кафедры лингвистики, кандидат филологических наук, доцент, Московская гуманитарно-техническая академия

Маник Светлана Андреевна — доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет

Матвеева Галина Григорьевна — профессор кафедры немецкой филологии, доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Медведева Елена Анатольевна — аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Медведева Наталья Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова

Орлова Елена Сергеевна — заведующая кафедрой английского языка для естественнонаучных специальностей филологического факультета, кандидат педагогических наук, доцент, Нижегородский государственный университет

Паршин Павел Борисович — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований МГИМО МИД России

Плахотная Юлия Ивановна — старший преподаватель, Челябинский государственный университет

Пронина Елена Станиславовна — старший преподаватель, МГИМО МИД России

Просвиркина Ирина Ивановна — заведующая кафедрой русской филологии и методики преподавания русского языка, доктор педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет

Степанова Марина Александровна — доцент кафедры лингвистики и перевода, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет

Столяров Александр Андреевич — аспирант факультета журналистики, МГУ имени М. В. Ломоносова

Цыцаркина Наталья Николаевна — заведующая кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, доцент, Курганский государственный университет

Чес Наталья Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, доцент, МГИМО МИД России

Чигашева Марина Анатольевна — доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук, МГИМО МИД России

Чиронов Сергей Владимирович — заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, кандидат филологических наук, МГИМО МИД России

Научное издание

Материалы VIII Конвента РАМИ

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ

Политический дискурс как объект лингвистического анализа

25–26 апреля 2014 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,5.

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т 8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России состоялся восьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». Его программа включила в себя две пленарных сессии, 29 секций, два круглых стола, несколько партнерских мероприятий — VI Международную научную конференцию испанистов и III конференцию Российской ассоциации украинистов, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Тел. 8 (495) 221-89-80 **Состав Руководящего совета Российской ассоциации
международных исследований**

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин
Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин
Алексей Анатольевич Громько
Николай Юрьевич Кавешников

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина
Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский
Ирина Доновна Звягельская

**Программа мирополитических исследований и изучения
деятельности негосударственных акторов**

Марина Михайловна Лебедева
Павел Афанасьевич Цыганков

**Программа исследований в области теории международных
отношений и сравнительной политологии**

Татьяна Александровна Алексева
Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский
Владимир Олегович Печатнов

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Картунов
Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский
Александр Николаевич Панов

Программа исследований многосторонних институтов

Виктория Владимировна Панова
Марина Вадимовна Стрежнева

Программа исследований стран БРИКС

Георгий Давидович Толорая
Людмила Семеновна Окунева

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин
Олег Алексеевич Колобов

Программа исследований международной безопасности и конфликтологии

Федор Генрихович Войтоловский
Александр Иванович Никитин

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония
Валерий Иванович Салыгин
Мария Андреевна Белова

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина
Алексей Владимирович Кузнецов

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа исследований мировой экономики

Михаил Юрьевич Головнин
Александр Сергеевич Булатов
Марина Алексеевна Петрова

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопал
Галина Мирославовна Лесная
Геннадий Васильевич Осипов

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Владислав Владиславович Воротников

Секретариат

Марина Сергеевна Василевская

Анджей Артурович Габарта

Нина Сергеевна Дымшиц